

Как узнать правду, если твоя память
была стёрта?

СТЁРТАЯ

ТЕРИ ТЕРРИ

Annotation

Кайлу «вынесли» – ее память и личность были стерты в наказание за преступление, о котором она больше не помнит. Заново говорить и ходить ее учила государственная машина, ей дали новое удостоверение личности и новую семью, приказали быть благодарной за то, что ей представился второй – ничем не заслуженный – шанс. Он же – шанс последний. За Кайлой устанавливается слежка. От нее хотят повиновения во всем и игры по чужим правилам. Привыкание к новой жизни у девушки проходит не без проблем – ее периодически охватывает страх. Кто же она на самом деле? Почему так много невинных людей внезапно будто растворяется в воздухе, если процедуре «вынесения» подлежат только преступники? Кайла разрывается между стремлением узнать побольше и инстинктом самосохранения. Она догадывается, что втянута в какую-то опасную игру и не хочет, чтобы кто-нибудь заметил, как она делает шаг в сторону. Хотя кому она может доверять, если все вокруг для нее чужаки

- [Тери Терри](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
-

Тери Терри
Стертая

Пролог

Я бегу.

Волны цепляются за песок. Я выношу вперед одну ногу, потом другую. Карабкаюсь вверх, соскальзываю, опять карабкаюсь. Быстрее. Взгляд зацепился за дюны впереди. Не оглядываться. Смотреть нельзя. Дыхание рваное: вдох, выдох, вдох, выдох. Но все равно я бегу.

И вот когда легкие уже готовы лопнуть, а сердце взорваться алой звездой на песке, я спотыкаюсь.

Мужчина оборачивается. Поднимает меня, ставит на ноги и заставляет бежать дальше.

Ближе, ближе...

Сил держаться нет, и я снова падаю. Большие не могу.

Он опускается на колени, поддерживает, смотрит мне в глаза.

– Пора. Теперь быстрее! Выкладывай стену.

Ближе.

Выкладываю стену. Кирпич за кирпичиком. Ряд за рядом. Строю высокую башню, как у Рапунцель, но без окон, так что опустить волосы некуда.

Без шансов на спасение.

– Не забывай, кто ты! – кричит он. Хватает за плечи. Встряхивает.

Волна ужаса смывает море. Песок. Его слова, синяки на руках, боль в груди и ногах.

Все здесь.

Глава 1

Странно.

Ладно, пусть мне не хватает опыта, на основе которого можно строить такое заключение. Пусть мне шестнадцать, и я не заторможенная и не тупая, и меня не запирали с детства в кладовке – насколько я знаю, – но зачистка есть зачистка. Она лишает тебя жизненного опыта.

Чтобы все перестало быть впервые, требуется какое-то время. Первые слова, первые шаги, первый паук на стене, первый ушибленный палец. Ну, ты понимаешь: все впервые.

Так что сегодняшнее ощущение – странное и незнакомое – может быть из того же ряда.

Я сижу, кусаю от волнения ногти и жду, когда мама, папа и Эми заберут меня из больницы и увезут домой. Вот только не знаю, кто они. Не знаю, где «дом». Вообще ничего не знаю. Разве такое не странно?

Бззззз. На запястье мягко вибрирует «Лево» – предупреждение. Опускаю глаза. Смотрю. Уровень психоэмоционального состояния упал до 4.4, ниже черты довольства. Кладу в рот квадратик шоколада – вкус наслаждения. Смотрю – показатель понемножку повышается.

– Будешь много нервничать – поправишься.

Вздрагиваю.

У двери стоит доктор Лизандер. Высокая, худая, в белом халате. Темные волосы стянуты на затылке. Очки с толстыми стеклами. Она скользит, неслышная, как призрак – об этом говорят только шепотом, – и как будто всегда заранее знает, когда кто-то, как здесь говорят, уйдет в красное. Но она не такая, как некоторые из медсестер, которые могут вытащить тебя одними объятиями. Милой ее точно не назовешь.

– Пора, Кайла. Идем.

– А это обязательно? Можно мне остаться?

Она качает головой. Нетерпеливый взгляд, словно говорящий: я слышала это миллион раз. Или, по крайней мере, 19417, потому что 19418 – номер на моем «Лево».

– Нет. И ты знаешь, что это невозможно. Комната нужна другим. Идем.

Она поворачивается, выходит за дверь. Я беру сумку. Она легкая, хотя в ней все, что у меня есть.

Прежде чем закрыть дверь, осматриваюсь. Мои четыре стены. Две подушки, одеяло. Шкаф. Раковина с отбитым уголком – единственное, что

отличает мою комнату от других таких же, растянувшихся по бесконечному коридору на этом и других этажах. Первые вещи, которые я помню.

Целых девять месяцев это моя вселенная. Моя комната и еще офис доктора Лизандер, спортзал и школа этажом ниже для таких же, как я.

Бзззз. На этот раз сигнал более настойчивый, вибрация ощутимее. Прибор требует моего внимания. Уровень опустился до 4.1.

Слишком низко.

Доктор Лизандер оборачивается и негромко цокает языком. Потом наклоняется, так что мы оказываемся лицом к лицу, и прикладывает ладонь к моей щеке. Еще одно первое воспоминание.

– У тебя все будет хорошо. В первое время мы будем видеться каждые две недели.

Она улыбается. Редкая для ее губ растяжка выглядит неуместно, будто ей некомфортно, будто она сама толком не знает, как оказалась здесь и что делать дальше. Я так удивлена, что забываю про свои страхи и начинаю уходить от красного вверх.

Доктор Лизандер кивает, выпрямляется и идет по коридору к лифту.

Мы молча спускаемся на первый этаж и проходим по короткому коридору к еще одной двери. Здесь я раньше не бывала – по понятным причинам. Над дверью табличка с надписью «ОБРАБОТКА и ВЫПУСК». Того, кто прошел через эту дверь, здесь больше не увидят.

– Иди, – говорит она.

Колеблюсь, потом толкаю дверь. Оборачиваюсь – сказать «до свидания» или «пожалуйста, не бросайте меня», но она уже исчезает в кабине лифта, и мне остается только краешек белого халата и темных волос.

Сердце стучит слишком быстро. Я вдыхаю и выдыхаю и каждый раз, как нас учили, считаю до десяти, пока оно не начинает замедлять бег. Потом расправляю плечи и раскрываю дверь пошире. За порогом – длинная комната с дверью в дальнем конце, вдоль одной стены – пластиковые стулья. На стульях двое Защищенных, перед каждой на полу такая же, как у меня, сумка на ремне. Я знаю обеих по занятиям, хотя и нахожусь здесь дольше. Как и я, они сменили голубые хлопчатобумажные комбинезоны, нашу обычную форму, на джинсы. Еще одна форма? Они улыбаются, рады, что уходят наконец из больницы в семьи.

И не важно, что раньше они не встречались.

Медсестра за столом у другой стены поднимает голову. Я стою на пороге, медлю и не даю двери закрыться. Она едва заметно хмурится и машет мне рукой, приглашая войти.

– Проходи. Ты Кайла? Прежде чем я тебя выпишу, нам нужно отметить, – говорит она и широко улыбается.

Заставляю себя подойти к ее столу. Дверь с шорохом закрывается у меня за спиной. «Лево» вибрирует. Медсестра берет мою руку и сканирует прибор. Вибрация усиливается, уровень падает до 3.9. Она укоризненно качает головой, держит меня одной рукой, а другой втыкает шприц в плечо.

– Что это? – спрашиваю я, отстраняясь, хотя и знаю, в чем дело.

– Так, кое-что. Удержит уровень, пока ответственность за тебя возьмут другие. Садись и жди, когда назовут твое имя.

В животе все урчит и ворочается. Я сижу. Двое других смотрят на меня широко открытыми глазами. Чувствую, как по венам разливается «хэппи джус», как снижается напряжение. Показатели постепенно подтягиваются до 5, но мысли от этого не останавливаются.

Что, если я не понравлюсь родителям? Даже когда я стараюсь по-настоящему – а это, по правде говоря, далеко не всегда, – расположить к себе людей мне бывает трудно. Их раздражает, когда я говорю или делаю не то, чего они ожидают.

Что, если они не понравятся мне? Я ничего о них не знаю, кроме имен. У меня одна фотография – висела в рамке на стене в больничной комнате, а теперь лежит в сумке. Дэвид, Сандра и Эми Дэвис – папа, мама и старшая сестра. Они улыбаются в камеру и выглядят людьми довольно приятными, но кто знает, какие они на самом деле?

Но, в конце концов, все это не имеет значения, потому что, какими бы они ни были, я должна понравиться им.

Других вариантов нет.

Глава 2

Процедура обработки довольно проста: меня сканируют, фотографируют и взвешивают. Потом снимают отпечатки пальцев.

Выпуск – дело другое. Сопровождающая медсестра объясняет, что я должна поздороваться с папой и мамой, потом мы подпишем кое-какие документы, станем одной большой и счастливой семьей и будем жить долго и счастливо. Есть только одна проблема, и я, конечно, замечаю ее сразу: что, если они посмотрят на меня и откажутся подписывать бумаги? Что тогда?

– Стой прямо! И улыбайся, – шипит медсестра и толкает меня за порог.

Изображаю широкую улыбку, хотя и знаю, что толку от нее никакого: напуганная и несчастная, я не стану вдруг прекрасной и счастливой – скорее буду выглядеть слабоумной.

Останавливаюсь у двери. А вот и они. Я почти ожидаю увидеть их такими же, как на фотографии, в той же одежде, как кукол. Но нет, одеты они по-другому, и стоят в других позах, и детали бросаются в глаза и требуют внимания: всего слишком много, и все грозит отбросить меня в красную зону, хотя в моих венах еще держится «хэппи джус». В ушах звучит усталый голос учительницы, снова и снова, как будто она стоит рядом, повторяющей одни и те же слова: «Не все сразу, Кайла. По шажочку».

Я сосредотачиваюсь на их глазах и оставляю все остальное на потом. У папы они серые, непроницаемые, спокойные; у мамы – мягкие, светло-карие, в крапинку, нетерпеливые, как у доктора Лизандер, ничего не упускающие. И моя сестра... Глаза у нее широкие и темные, почти черные; смотрят на меня с любопытством. Кожа – словно шоколадный бархат, теплая и как будто светится. Когда, несколько недель назад, прислали фотографию, я спросила, почему Эми так не похожа на родителей, и получила резкий ответ, что, мол, раса не важна и обращать на это внимание или комментировать в нашей восхитительной Центральной Коалиции считается непристойным. Но как можно не видеть?

Втроем они сидят на стульях за столом напротив еще одного мужчины. Все смотрят на меня, но никто ничего не говорит. Моя улыбка все более и более ощущается как нечто неуместное, как зверек, который умер и остался на моем лице приклеенной, мертвой гримасой.

Потом папа соскакивает со стула.

– Кайла, мы так рады принять тебя в нашу семью. – Он улыбается, берет меня за руку и целует в щеку. Щека у него колючая, а улыбка теплая, настоящая.

Мама и Эми тоже встают. Они окружают меня, все высокие, на несколько дюймов выше меня с моими пятью футами. Эми берет под руку и гладит по волосам.

– Какой чудный цвет, как топленое молоко. И такие мягкие!

Мама тоже улыбается, но ее улыбка ближе к моей.

Мужчина за столом откашливается и шуршит бумагами.

– Распишитесь, пожалуйста.

Мама и папа ставят подписи там, где он указывает, и папа протягивает ручку мне.

– Распишись здесь, Кайла. – Мужчина указывает на пустую строчку в конце длинного документа. «Кайла Дэвис» напечатано ниже.

– Что это? – Слова выскакивают раньше, чем я успеваю вспомнить постоянное наставление доктора Лизандер: «Прежде подумай, потом говори».

Мужчина за столом вскидывает брови – на его лице поочередно отражаются удивление и раздражение.

– Стандартный договор о переводе из принудительного лечения на отбывание наказания без заключения. Расписывайся.

– Можно сначала прочитать? – спрашиваю я, идя на поводу проснувшегося упрямства, хотя другая часть меня уже шепчет: «плохая идея».

Он щурится, потом вздыхает.

– Да. Можешь. Остальным предлагаю подождать, пока мисс Дэвис воспользуется своими законными правами.

Листаю страницы, но их дюжина, и строчки теснятся и расплываются перед глазами, а сердце начинает грохотать все быстрее.

Папа кладет руку мне на плечо. Я оборачиваюсь.

– Все в порядке, Кайла. Продолжай, – говорит он спокойно и ободряюще. Отныне я должна слушать его и маму. И тут мне вспоминается все, что терпеливо объясняла последнюю неделю медсестра: это часть того, что записано в контракте.

Я краснею и ставлю подпись: Кайла Дэвис. Уже не просто Кайла – это имя выбрала администратор, когда я только-только открыла глаза в этом учреждении девять месяцев назад. У нее была тетя с такими же, как у меня, зелеными глазами. И теперь у меня есть собственная фамилия, потому что я – часть этой семьи. Это тоже указано в контракте.

– Позволь, я возьму. – Папа поднимает мою сумку. Эми берет меня под руку, и мы выходим через последнюю дверь.

Выходим, оставляя за спиной все, что я знала.

Выезжаем из подземного паркинга по спиральной рампу. Мама и папа рассматривают меня в зеркало. Что ж, я тоже их рассматриваю.

Может быть, думают, как так случилось, что у них две такие не похожие друг на дружку дочери и что с цветом кожи, обращать внимание на который не положено, тоже ничего не поделаешь.

Эми сидит рядом со мной на заднем сиденье. Высокая, грудастая – ей девятнадцать, и она на три года старше меня. Я маленькая и худенькая, у меня легкие блондинистые волосы; у нее они темные, густые и тяжелые. Она – потрясная, так один из медбратьев отзывается обо всех медсестрах, которые ему нравятся. А я...

Ищу слово, противоположное тому, какая Эми, и не нахожу ничего подходящего. Может быть, это и есть правильный ответ. Я – чистая страница. Ничего интересного.

На Эми свободное красное платье с длинными рукавами, но один рукав подтянут, и я вижу ее «Лево». Смотрю и от удивления хлопаю глазами: так она тоже Защищенная. «Лево» у нее более старой модели, шире и толще. Мой – тонкий, на золотой цепочке и похож на часы или браслет, но это, конечно, никого не обманывает.

– Я так рада, что ты моя сестра, – говорит она, и этому можно верить, потому что большие цифры на экране показывают 6.3.

Подъезжаем к воротам. У ворот охрана. Один из охранников подходит к машине, другие наблюдают из-за стекла. Папа нажимает кнопки, и все окна и багажник открываются.

Мама, папа и Эми подтягивают рукава и высовывают руки в окна. Я делаю то же самое. Охранник смотрит на папины и мамины запястья – на них ничего нет – и кивает. Потом подходит к Эми и подносит к ее «Лево» какую-то штуку. Штука пищит. Он повторяет процедуру с моим «Лево» – прибор тоже пищит. Охранник заглядывает в багажник и опускает крышку.

Шлагбаум поднимается, и мы проезжаем.

– Кайла, чем бы ты хотела сегодня заняться? – спрашивает мама.

Мама круглая и колючая. И нет, это несколько не нелепо. Пусть она мягкая и полненькая, но глаза у нее острые, а слова резкие, отрывистые.

Машина сворачивает на дорогу, и я оборачиваюсь. Больничный комплекс знаком мне только изнутри. Он длинный и высокий. Бесконечные ряды маленьких зарешеченных окон. Высокая ограда, башни с охранниками через равные промежутки. И...

– Кайла, я задала вопрос!

– Я... не знаю.

Папа смеется.

– Конечно, Кайла, не беспокойся. Разумеется, Кайла не знает, чем ей хотелось бы заняться, ведь она не знает, чем можно заняться.

– Перестань, мама. – Эми качает головой. – Давайте поедem домой. Пусть Кайла немного обвыкнется, как и сказала врач.

– Конечно, врачи ведь знают все, – вздыхает мама, и у меня такое чувство, что они продолжают какой-то давний спор.

Папа смотрит в зеркало.

– А тебе известно, Кайла, что пятьдесят процентов врачей заканчивали школу с худшими в классе оценками?

Эми смеется.

– Ну ты и скажешь, – говорит мама, но тоже улыбается.

– А вы слышали про доктора, который не мог разобраться, где право, а где лево? – Папа заводит длинный рассказ о врачебных ошибках, и мне остается только надеяться, что в нашей больнице ничего такого не случилось.

Но вскоре я забываю обо всем на свете и о том, что они делают и говорят, и только смотрю в окно.

Лондон.

В голове начинает складываться новая картина. Новая Лондонская больница отступает, сливается с окружающим ее морем. Бесконечные дороги, машины, здания. Некоторые, вблизи больницы, потемневшие, с заколоченными окнами; в других жизнь бьет ключом. Белье на балконах, какая-то зелень, занавески трепещут на ветру. И повсюду – люди. Одни едут в машинах, другие идут по улицам пешком. Толпы людей, а еще магазины и офисы, и в них тоже люди, торопятся, спешат во всех направлениях, не обращая внимания на охранников, которых все меньше и меньше, чем дальше от больницы.

Доктор Лизандер много раз спрашивала меня об этом. Откуда у меня это стремление наблюдать и все знать, запоминать и организовывать все отношения и положения?

Не знаю. Может быть, мне не нравится ощущение пустоты. Вокруг так много недостающего, того, что нужно исправить.

В те дни, когда я только училась ходить, ставить одну ногу перед другой и не падать, я обошла все, какие только могла, этажи больницы, сосчитала их и нанесла на карту в моей голове. Я могла найти любой сестринский пост, любую лабораторию, любую палату с завязанными

глазами. Я и сейчас могла бы закрыть глаза и все ясно увидеть.

Но Лондон – другое дело. Целый город. Чтобы составить карту, пришлось бы пройти по каждой улице, а мы, похоже, едем по прямой к «дому», деревне в часе езды к западу от Лондона.

Конечно, в больничной школе я видела карты и картины. Каждый день в течение нескольких часов нас пичкали общими знаниями, вкладывая в наши пустые мозги столько, сколько они могли принять, готовя нас к выпуску.

Сколько именно – зависело от разных причин. Что касается меня, то я схватывала все, запоминала каждый факт, зарисовывала и записывала каждую деталь в блокнот, чтобы не забыть. Большинство других были не столь восприимчивы. Они только улыбались полусонно всем и всему. Когда нас зачищали, удовлетворенность и согласие в наших психологических профилях поднимали до верхних значений.

Что касается улыбок, то у меня и повышать было нечего ввиду исходного отсутствия.

Глава 3

Папа достает из багажника мою сумку и идет, насвистывая, с ключами в руке к дому. Мама и Эми выходят из машины. Я остаюсь на месте, и они поворачиваются ко мне.

– Идем, Кайла. – В голосе мамы слышится нетерпение.

Я толкаю дверцу. Сильнее и сильнее. Ничего. Смотрю на маму – выражение на ее лице полностью соответствует тону, и в животе у меня все стягивается и завязывается в узелок.

Эми открывает дверцу снаружи и объясняет:

– Тяни ручку вниз, а потом толкай дверцу. Понятно?

Она снова закрывает дверцу. Я берусь за ручку и делаю, как говорит Эми. Дверца распахивается, и я выхожу, радуясь, что могу размять ноги и потянуться после долгого сидения в машине. Из-за дорожных «пробок», отклонений от маршрута и прочих задержек один час обернулся тремя, и с каждым часом мама все больше злилась и раздражалась.

Теперь она хватается меня за запястье.

– Посмотри. 4.4 только потому, что не может разобраться, как открывается дверца. Господи, вот уж потрудиться придется.

Я хочу возразить, сказать, что это несправедливо и что дело не в дверце, а в отношении. Хочу, но молчу, потому что не знаю, что можно говорить, а что нельзя. Поэтому я ничего не говорю и только прикусываю изнутри щеку.

Мама идет за папой в дом, а Эми обнимает меня за плечи.

– Ты не обращай внимания. Она просто нервничает из-за опоздания с твоим первым обедом. А откуда тебе знать про дверцу, если ты в автомобиле никогда раньше не бывала, ведь так?

Она выдерживает паузу, и я снова не знаю, что сказать, но теперь по другой причине. Эми такая милая. Стараюсь улыбнуться – получается что-то слабенькое, но теперь уже непритворное.

Эми улыбается в ответ, и у нее это выходит много лучше.

– Пока не вошли, оглядись, ладно?

Справа от дома, там, где стоит машина, похрустывают и шевелятся под ногами камешки. Передняя лужайка – зеленый квадратик травы. Слева – большое, крепкое дерево. Дуб? Листья желтые, оранжевые, красные, много опавших. Листья опадают осенью, напоминаю я себе, а что сейчас? 13 сентября. По обе стороны от входной двери всклокоченные красные и

розовые цветы роняют на землю лепестки. И так много пространства вокруг. Так тихо после больницы и Лондона. Я стою на траве и глубоко вдыхаю прохладный, свежий воздух. В нем запах сырости, жизнь и умирание – как и в опавших листьях.

– Идем? – говорит Эми, и я следую за ней в холл. За ним комната с диванами, лампами и столиками. На стене – огромный, плоский черный экран. Телевизор? Он гораздо больше того, что был в больничной рекреационной. Правда, там меня после первого раза к телевизору больше не подпускали – начались кошмары. Эта комната ведет в другую – с длинными рабочими поверхностями, шкафчиками вверх и вниз и здоровенной духовкой, перед которой склонилась со сковородкой мама.

– Иди в свою комнату, Кайла, и разложи до обеда вещи, – говорит она, и я вздрагиваю.

Эми берет меня за руку.

– Сюда. – Она тянет меня в холл, потом по лестнице вверх, в другой холл – с тремя дверьми и еще одной лестницей.

– Наши комнаты – здесь, папина и мамина – выше. Вот это – моя дверь. – Эми указывает направо. – Там, в конце, наша общая ванная. У них – своя, наверху. А вот эта – твоя. – Она кивает на дверь слева.

Я смотрю на Эми.

– Входи.

Дверь приоткрыта. Я толкаю ее и вхожу.

Комната больше моей больничной. Моя сумка уже здесь, стоит на полу, где оставил ее папа. Оглядываюсь – туалетный столик с ящичками, зеркало над ним, рядом платяной шкаф. Раковины нет. Большое широкое окно выходит на переднюю лужайку.

Две кровати.

Эми входит следом за мной и садится на одну из них.

– Мы подумали и решили для начала поставить две, чтобы, если ты захочешь, я могла остаться с тобой. В больнице говорили, что это, возможно, неплохой вариант, пока ты не освоишься.

Больше она ничего не говорит, но я могла бы продолжить. Должно быть, им рассказали. На случай, если у меня будут кошмары. Кошмары случаются нередко, и если, когда я просыпаюсь, рядом не оказывается кого-то, уровень падает слишком низко, и «Лево» отключает меня.

Я сажусь на другую кровать. Рядом что-то округлое, черное, пушистое. Протягиваю руку... и останавливаюсь.

– Не бойся. Это наш кот, Себастиан. Очень дружелюбный.

Осторожно касаюсь шерстки пальцем. Теплая. Мягкая.

Он шевелится, вытягивает лапки и зевает.

Я, конечно, видела кошек на фотографиях. Но здесь совсем другое. Это не какой-то плоский образ – живое, хрипловатое дыхание, шелковистый, переливающийся мех, большие желто-зеленые глаза.

– Мяу.

Я вздрагиваю.

Эми встает, наклоняется.

– Погладь его. Вот так... – Она проводит ладонью по его спинке, от головы до хвоста. Я копирую ее жест, и он издает глубокий урчащий звук, вибрацией проходящий от горла через все тело.

– Что это?

Эми улыбается.

– Он мурлычет. Значит, ты ему нравишься.

За окном темно. Эми спит здесь же, в комнате. Себастиан тихонько мурлычет рядом, когда я поглаживаю его. Дверь приоткрыта – для кота – и снизу доносятся звуки – звон посуды, голоса.

– Малышка у нас тихая, правда? – Это папа.

– Уж да. Совсем не то, что Эми. Та с первого дня, как только появилась здесь, без конца болтала и хихикала.

– И до сих пор не успокоится. – Он смеется.

– Да, она совсем другая девочка. Немного странная, верно... смотрит этими большими зелеными глазами и смотрит.

– Она такая милая. Ты только дай ей оглядеться, привыкнуть. Дай ей шанс.

– Он ведь у нее последний, да?

– Тише.

Дверь внизу закрывается, и я ничего больше не слышу. Только бормотание.

Я не хотела уходить из больницы. Нет, оставаться там вечно я тоже не хотела, но в тех стенах мне все было знакомо. Там я знала, чего ожидать.

Здесь все неизвестно.

Но все не так страшно, как мне представлялось. Я уже вижу, что Эми – милая. Папа вроде бы в порядке. Себастиан, как мне представляется, будет лучшей заменой шоколаду, если уровень упадет слишком низко. И кормят здесь намного лучше. Мой первый воскресный обед. У нас такое каждую неделю, говорит Эми.

Обед и – не душ, нет, а ванна – полная до краев, горячая ванна, и как результат – почти 7 к ночи.

Мама считает меня странной. Надо иметь в виду и стараться не

смотреть на нее так.

Меня затягивает сон. В голове проплывают ее слова.

Последний шанс...

Неужели у меня были другие шансы?

Последний шанс...

Я бегу.

Волны хватаются за песок у меня под ногами. Левую вперед... теперь правую... снова левую... снова правую... Рваное, с хрипом дыхание... вдох... выдох... Легкие, кажется, вот-вот лопнут. Но я бегу. Золотой песок рассыпается под ногами и тянется вдаль насколько хватает глаз. Я карабкаюсь вверх, соскальзываю вниз и бегу.

Ужас хватается за пятки.

Он ближе и ближе.

Я могла бы обернуться и встретить его лицом к лицу, посмотреть, что он такое.

Я бегу.

– Шшш, я с тобой.

Я сопротивляюсь, потом понимаю, что это Эми и она меня обнимает.

Дверь открывается, из коридора в комнату льется свет.

– Что происходит? – спрашивает мама.

– Просто приснилось что-то, – отвечает Эми. – Но теперь все в порядке. Правда, Кайла?

Сердце постепенно успокаивается, в глазах проясняется. Я отстраняюсь.

– Да, все хорошо.

Я произношу эти слова, но какая-то часть меня все еще бежит.

Глава 4

Я плыву между деревьями, верчусь и вытягиваюсь на земле, на траве и ромашках. Я одна. Смотрю на ползущие по небу облака, принимающие полужнакомые формы, складывающиеся в полужнакомые лица. Имена ускользают, и я не пытаюсь их удержать – просто лежу неподвижно и никем не притворяюсь.

Пора. Я рассеиваюсь, как туман, и исчезаю. Вместо деревьев и неба – тьма опущенных век, вместо щекотанья травы – прочность кровати.

Тихо. Почему так тихо? Биологические часы подсказывают, что сейчас позже 5 утра, но звонок не прозвенел, и по коридору не разъезжают, лязгая и дребезжа, тележки с завтраком.

Лежу тихонько, замираю, задерживаю дыхание и прислушиваюсь.

Мягкое, ровное дыхание. Близко. Неужели я вырубилась прошлым вечером? Неужели у меня в комнате Следящий? Если так, то он не столько следит, сколько спит.

В другом направлении негромкие, но бодрые звуки, то оживающие, то затихающие, как музыка. Птицы?

Что-то теплое у моих ног.

Я не в больничной палате. Память возвращается, и я открываю глаза.

Никакого Следящего на другой кровати – там спит Эми. Дышит глубоко, как и Себастиан у моих ног. Может быть, она тоже Следящий, но только иного рода?

Тихонько соскальзываю с кровати, подхожу к окну и отвожу штору.

Рассвет.

Красные мазки по небу, розовые завитушки облаков, как металлические стружки, свет, сияющий на листьях и влажной траве, буйные разливы цвета. Оранжевый, золотой, красный и все прочее.

Красота.

В больнице мое окно выходило на запад. Я видела закаты, заблокированные, правда, зданиями, но никогда – рассвет.

Птахи не одни, у них есть друзья, и когда они присоединяются, негромкая поначалу песня набирает силу. Я толкаю окно, раскрываю шире, высовываюсь и дышу. Воздух свежий, без металлического привкуса, без запаха дезинфицирующих средств. В нем сырость зелени, сада и полей за ним, мерцающих в раннем свете.

Я знаю, хотя не знаю откуда: город – не мое. Я была – и есть –

деревенской девчонкой.

Иначе и быть не может. Вот почему это место больше похоже на дом.

Нет, не похоже на дом, оно и есть дом – на вчера, сегодня, завтра и еще много-много дней в будущем. Но еще раньше я стала той, кто я есть сейчас. Доктор Лизандер говорит, что мое подсознание рождает вещи, проверить достоверность которых невозможно. Незнакомое следует познавать через логику и здравый смысл, так же как диаграммы, карты и лица, которые я рисую.

Внизу – блестящая трава, опавшие листья до невозможности насыщенных оттенков и растянувшиеся вдоль дома увядающие цветы. Все так и просит – возьми, перенеси на бумагу. Я осторожно закрываю окно и прохожу через комнату. Эми не шевелится, только грудь едва заметно поднимается и опускается в размеренном ритме.

С кровати за мной наблюдают два зеленых глаза.

– Мяу!

– Шшшш. Не разбуди Эми, – шепчу я и провожу ладонью по меховой спинке Себастиана. Он потягивается и зевает.

Где мои принадлежности для рисования?

Сумку разбирала накануне Эми, а я в общей суете растерялась и не обратила должного внимания, куда она их положила.

Выдвигаю один ящик, потом другой. Осторожно и тихо. И наконец нахожу – папку с рисунками, карандаши и блокнот для набросков.

Вынимаю все и обнаруживаю под папкой шоколадки – прощальный подарок от медсестер десятого этажа в то последнее утро. С удивлением осознаю, что это было всего лишь вчера. А кажется, намного раньше, и воспринимается как часть прошлого.

Уровень – 6.1. Во всяком случае, не ниже. Так что шоколадка мне сейчас не нужна. С другой стороны, разве всегда требуется какой-то предлог? Я разворачиваю обертку.

– Интересный вариант для завтрака. – Эми садится и зевает. – Так ты ранняя птичка?

Смотрю на нее непонимающе.

– Ты всегда встаешь рано?

Задумываюсь.

– Наверно, да. Хотя, может быть, это потому, что в больнице по-другому нельзя.

– Ох, да. Помню этот жуткий утренний звонок. Завтрак в шесть утра. – Она ежится.

– Хочешь? – Я протягиваю шоколадку.

– Мммм, соблазнительно. Может быть, позже, когда совсем проснусь. А это что? – Эми смотрит на папку у меня в руке.

– Мои рисунки.

– Можно посмотреть?

Колеблюсь. Вообще-то я редко показываю рисунки кому-то, хотя доктор Лизандер настаивала на том, чтобы проверять их более-менее регулярно.

– Если не хочешь, не надо. Ты вовсе не обязана это делать.

Я сажусь рядом с ней, раскрываю папку и достаю листы. Эми смотрит на верхний и ахает. Это мой автопортрет. На нем я, но другая: одна половина лица – как отражение в зеркале, а другая половина показана без кожи, и глазное яблоко свешивается из пустой глазницы.

– Можно? – Она протягивает руку, и я подаю ей рисунок. Вот только раньше сверху лежал другой. Начинаю перебирать листы.

– У тебя так хорошо получается. Поразительно.

В папке не все, и сама стопка не такая толстая, какой должна быть. Где же остальные?

– Что-то не так?

– Нескольких недостает.

– Уверена?

Я киваю. Просматриваю еще раз, медленнее, не торопясь. Те, на которых я, моя комната, воображаемые места и люди, на месте, а вот многих других нет.

– Уверена. Пропала почти половина.

– Что там было?

– Всякое разное. Медсестры. Мой больничный этаж. Карты разных мест. Доктор Лизандер. И...

– Ты сказала, доктор Лизандер? – Эми смотрит на меня удивленными глазами.

Я киваю, продолжая просматривать рисунки, почти уверенная, что если поискать внимательнее, то они найдутся.

– Та самая доктор Лизандер? Ты и вправду ее знаешь?

Я больше не ищу. Хватит. Их здесь нет. Пропали.

Бзззз. Предупреждение с запястья. 4.3, и падение продолжается.

Эми обнимает меня за плечи. Я дрожу, но не от холода. Кто же мог так со мной поступить? Забрать то единственное, что действительно принадлежит мне.

– Ты ведь можешь нарисовать еще? Можешь?

3.9..

– Кайла!

Эми трясет меня.

– Подними голову!

Я отрываю взгляд от автопортрета, от мертвого глаза в пустой глазнице. Смотрю на Эми. В ее глазах страх и беспокойство за меня.

3.4..

– Кайла, ты можешь нарисовать меня. Прямо сейчас.

Она вытягивает блокнот, сует мне в руку карандаш.

И я рисую.

Глава 5

– Можно посмотреть? – спрашивает Эми и вытягивает шею. Я поворачиваю лист так, чтобы она не увидела.

– Еще нет. И сиди спокойно, а то я не смогу закончить.

– Вот еще... раскомандовалась.

– Уже недолго, – говорю я и, бросив взгляд на Эми, наношу последние штрихи.

Эми улыбается.

– Какой у тебя уровень?

Я поворачиваю запястье.

– 5.2. Держится стабильно.

Дверь открывается, но я не поднимаю головы.

– Девочки, завтракать готовы? – спрашивает мама.

– Почти. – Я еще раз смотрю на Эми, потом на набросок в блокноте. Еще один штришок... вот так. – Готово. – Я откладываю карандаш.

– Дай посмотреть! – Эми вскакивает с места. Мама тоже подходит ближе.

– Как же хорошо! – говорит моя сестра.

Рот у мамы округляется – она удивлена.

– Точно Эми. Ты так идеально ее изобразила, все ухватила. Хочу вставить в рамку и повесить на стену. Можно?

Я улыбаюсь.

– Да.

На завтрак – оладьи. С тающим и растекающимся сливочным маслом и сиропом или клубничным джемом. Я пробую и одно, и другое – очень вкусно.

– Только не думай, что будешь есть так каждый день. – Мой набросок так и не попал на стену и висит, прикрепленный магнитиком, на дверце холодильника, а мама вернулась в свое привычное колючее состояние.

– Эми, автобус придет через двадцать минут, а ты, как я погляжу, совершенно еще не готова.

– Можно мне остаться сегодня дома, с Кайлой?

– Нет.

– А где папа? – спрашиваю я.

– На работе, конечно. И я бы там была, но пришлось взять отпуск, чтобы присматривать за тобой.

Прикидываю. Эми уедет в школу, папа на работе, значит, мы с мамой остаемся дома одни... на весь день.

– А когда я смогу пойти в школу? Можно сегодня?

– Нет.

– Сначала с тобой должна поговорить районная медсестра, – объясняет Эми. – Она и решит, готова ты или нет. Потом тебя протестируют в школе, определяют, в какой класс идти. Хотя несколько учебников уже прислали – тебе надо их посмотреть.

– О...

– Медсестра заглянет во второй половине дня, – говорит мама. – Хочет с тобой познакомиться.

Я даю зарок – показать себя с лучшей стороны.

Эми мчится наверх – ей еще нужно собрать учебники и одеться. Она заканчивает школу с отличными оценками и в девятнадцать лет поступает в университет – на отделение профессионального медицинского ухода, в полном соответствии со своими желаниями. Но Эми нужен еще год, чтобы ликвидировать отставание. Зачистку ей делали в четырнадцать лет. Мне сейчас шестнадцать. Сколько же дополнительных лет придется провести в школе мне?

– Можешь помыть, – говорит мама.

– Помыть что?

Она закатывает глаза.

– Посуду, конечно.

Я поднимаюсь со стула и смотрю на стол.

Мама вздыхает.

– Бери грязные тарелки и ставь туда. – Она указывает на столешницу рядом с раковиной.

Я беру тарелку, отношу на указанное место и возвращаюсь за другой.

– Нет! Так ты и за сто лет не справишься. Составь их. Вот так.

Мама составляет тарелки в пирамиду, кладет сверху вилки и ножи и плюхает все на столешницу.

– Теперь налей в раковину воду. И добавь немного мыла. – Она выжимает несколько капель.

Пузыри!

– Три вот этой щеткой. – Мама скребет щеткой по тарелке. – Потом ополаскивай и ставь на полку. Все понятно?

– Вроде бы да.

Опускаю руки в горячую воду.

Так вот, значит, оно какое, мытье посуды.

Тщательно отмываю тарелку от липких остатков оладий и сиропа, ополаскиваю ее и ставлю на полку.

– Шевелись, а то целый день здесь простоишь.

Я оглядываюсь.

– Шевелить что?

– Работай быстрее.

Тарелки, потом чашки. Не так уж все плохо. Я начинаю работать быстрее. Мама вытирает посуду полотенцем. Я уже берусь за вилки и ножи, когда по ступенькам вихрем слетает Эми.

У меня перехватывает дыхание. Опускаю глаза – с ножа в правой руке сбегает тонкая красная струйка.

Эми подбегает ко мне.

– О нет! Кайла!

Мама поворачивается и тихонько цокает языком. Потом хватает бумажное полотенце.

– Приложи. И постарайся не залить тут все.

Прикладываю. Эми гладит меня по плечу и смотрит на мой «Лево».

5.1.

– Не больно?

Яжимаю плечами.

– Немножко. – Действительно больно, но я не обращаю внимания на пронзающий руку жар и, как замороженная, смотрю на расплывающееся на полотенце красное пятно. Кровотечение останавливается.

– Всего лишь порез, – говорит мама и отнимает бумагу. – Медсестра потом проверит. Все в порядке, Эми. Беги, а то опоздаешь на автобус.

Мама перевязывает мне палец, а Эми выскакивает за дверь.

Мама улыбается.

– Забыла предупредить. Ножи – острые. Не бери их за острый край.

Столько всего нужно запоминать.

Медсестра Пенни снимает повязку и осматривает мой палец.

– Все будет в порядке и без швов. Я только смажу антисептиком. Имей в виду, может немножко щипать. – Она капает на палец какой-то желтоватой жидкостью, от которой у меня слезятся глаза, и снова накладывает бинт.

– Странно получилось, – говорит мама. – Порезала – и никакой реакции. Ни слез, ничего. Кровь бежит по руке, а она стоит и смотрит.

– Наверно, у нее такое впервые. Никогда не видела кровь.

Ха. Люблю, когда люди говорят обо мне, как будто меня и нет вовсе.

– Уровень как был, так и остался. И...

– Извините. – Улыбаюсь своей самой безмятежной улыбкой. Они обе вздрагивают, словно я – призрак, только что материализовавшийся перед ними. – Когда можно пойти в школу?

– Насчет этого, дорогая, можешь пока не беспокоиться, – говорит Пенни. – Посмотри книги, которые тебе прислали. – Она поворачивается к маме. – Старайтесь предупреждать ее об опасных предметах вроде ножей. В некоторых отношениях Кайла – сущий ребенок и...

– Извините... – Я снова улыбаюсь.

Пенни оборачивается.

– Да, дорогая?

– Книги, которые прислали из школы. Я просмотрела их сегодня утром. Они слишком легкие. Мы проходили это все в больничной школе.

– Так ты у нас гений, да? – Мама говорит это с таким выражением, как будто имеет в виду совершенно противоположное.

Пенни достает из сумочки нетбук. Хмурится, постукивает по экрану сбоку, потом ведет пальцем поперек – ищет файлы.

– Ну, вообще-то, близко к тому. Ее протестировали перед выходом из больницы. Случай совершенно необычный. Большинство из них показывают отставание на несколько лет. Попрошу школу прислать еще кое-что. Или, может, у вас найдутся старые учебники Эми? Нам нужно определиться, какие предметы тебе стоит взять.

Медсестра закрывает нетбук и поворачивается к маме.

– Так о чем это я? Ах да. В больнице нет острых углов или каких-то опасностей. Поэтому вам нужно на все ей указывать. Например, при переходе дороги и...

– Извините. – Мне самой становится трудно удерживать эту улыбку на месте.

– Что на этот раз? – спрашивает мама.

– Я уже знаю, какой предмет хочу взять.

– Вот как? Неужели? – Пенни вскидывает бровь. – И что же?

– Искусство.

Теперь улыбается она.

– Ну, я бы предложила заняться чем-то более практичным. И для поступления на курс искусства нужно пройти тестирование.

Мама показывает на холодильник.

– Вот это она нарисовала сегодня утром. Портрет Эми.

Пенни встает, подходит ближе, рассматривает, и глаза у нее лезут на лоб.

– Да. Что ж, думаю, дорогая, тебя примут.

Она оборачивается к маме.

– Вы прекрасно поработали с Эми, она – прелесть. Уверена, со временем Кайла замечательно впишется в вашу семью.

Я складываю руки на груди. Кайла впишется, а вот как остальные?

– У нее был кошмар прошлой ночью, – говорит мама. – Кричала на весь дом.

Пенни снова открывает нетбук. Могла бы обратиться ко мне – я ведь единственная, кто все знает.

– Боюсь, случай не единственный. Вот почему ее так долго держали в больнице. Девять месяцев вместо положенных шести. Попробуем подыскать подходящие методы контроля на занятиях в Группе. В больнице использовали обычные медикаменты, но на пользу это не пошло, скорее наоборот. И...

– Извините, вы могли бы говорить со мной, а не обо мне.

Улыбка соскальзывает с лица Пенни.

– Теперь вы видите, с чем мне приходится иметь дело, – вздыхает мама.

– Отчасти ребенок, отчасти строптивый подросток, – подытоживает Пенни. – Кайла, дорогая, позволь мне поговорить с твоей мамой. Почему бы тебе не пройти наверх?

Хлопаю дверью и плюхаюсь на кровать. Себастиана не видно, а Эми вернется не раньше, чем через два часа.

На туалетном столике лежит моя папка с рисунками. Я достаю блокнот.

Шок уже прошел, и пропавшие рисунки не беспокоят меня так сильно. Стоит закрыть глаза, и я вижу во всех деталях. Сделать копии не составит труда.

Беру карандаш, но получается плохо – мешает повязка на указательном пальце правой руки. Устроить эксперимент? Поработать левой рукой? Поначалу ощущение непривычное. Делаю несколько быстрых набросков. Появляется уверенность. Но вместе с тем не оставляет чувство, почти страх, что что-то не так, что если я продолжу, случится что-то нехорошее.

Однако остановиться я не могу.

Чистый лист – кто первый?

Доктор Лизандер. Главное – верно передать глаза. Они у нее изменчивые. По большей части скрытые, холодные, но временами она как бы выглядывает из-за них. И когда она так делает, то выглядит даже более изумленной, чем я.

Начинаю. Сначала неуверенно – рука еще не освоилась. Линии, тени... Постепенно приходит уверенность. Я работаю быстрее, точнее. Из-под карандаша на меня начинает смотреть доктор Лизандер. По рукам, шее, спине бегут мурашки.

Странно.

Левой получается намного лучше.

Глава 6

Какие-то голоса. Откуда?

Я откладываю карандаш и подхожу к окну. В саду стоят две девушки и паренек, все трое в школьной форме как у Эми: красно-коричневые джемперы и черные брюки. Прячу рисунок вместе с другими в ящик и иду к лестнице. Эми и мама в прихожей.

– Почему нельзя? – спрашивает Эми. – Мы просто немного погуляем.

– Мне это не нравится. Она еще не выходила из дома. А машины?

Конечно, снова говорят обо мне.

– Вообще-то я знаю, что выпрыгивать на дорогу перед машинами нельзя, – говорю я, сходя по ступенькам.

– Да ну вас! Раз так, забирай и иди. Только присматривай за ней получше.

– Знаю, мам, – говорит Эми и, когда мама уходит, тихонько добавляет:

– Получше тебя знаю.

Она поворачивается ко мне.

– Пойдем, Кайла. Познакомишься с моими друзьями.

Я направляюсь к двери.

– Обуйся сначала.

Да, конечно. Эми находит кроссовки, в которых я приехала вчера из больницы, и ждет, пока я сражаюсь со шнурками. Мы выходим на улицу.

– Это Джазз. – Эми указывает на мальчишку. – А это – Хлоя и Дебс. Ребята, знакомьтесь – Кайла.

– А она клевая. Вот мне бы такую сестренку вместо моей, – говорит Хлоя. – А сколько ей лет?

– Хочешь что-то спросить, обращай к ней, – отвечает Эми.

– Мне шестнадцать, – сообщаю я.

– Шестнадцать, а ее не целовали, – напевает Джазз, и у меня вспыхивают щеки.

Эми шлепает его по руке.

– Размечтался – такие девушки не для тебя. – Она оглядывается – наш дом уже почти не виден.

Джазз хватается за руку.

– Извините, мисс, пошутил. Вы меня прощаете?

– Наверно, – говорит Эми, и он обнимает ее за талию. Она высокая, но Джазз еще выше. У него широкие плечи и легкая походка. Теперь я вижу,

что он уже не мальчишка, что ему, похоже, лет восемнадцать. В больнице у нас таких не было. Он другой, и дело здесь не просто в возрасте – у него особенная, озорная улыбка, какой я ни разу не видела ни у одного Защищенного мальчика. Симпатичный парень.

Мы идем по деревне, там же, где ехали вчера на машине, только в противоположном направлении. Проходим мимо стоящих отдельно, как наш, домов, мимо растянувшихся рядами коттеджей с террасами, мимо паба с надписью «Белый лев» на вывеске. И останавливаемся возле указателя, на котором написано «Пешеходная дорожка».

– Прогуляемся? – предлагает Джазз.

Хлоя и Дебс идти дальше не хотят и прощаются.

Эми берет меня и Джазза под руку.

– Вперед.

Дорожка неровная, приходится смотреть, куда ставишь ногу, прежде чем сделать шаг. С одной стороны – высокие кусты, с другой – уходящие вниз поля со щетиной оставшейся стерни. Дорожка сужается, и Эми отпускает Джазза и держится только за меня.

Джазз выражает недовольство, но Эми быстро велит ему заткнуться, и теперь он идет впереди.

Мы поднимаемся все выше и выше. Дышать становится труднее. Поля и кусты сменяются деревьями, и я упиваюсь буйством красок – оранжевых и багряных листьев, серых и бурых стволов. Кое-где еще остались алые ягоды и колючие зеленые листья. Падуб?

– Желаящим полюбоваться видом – сюда, – говорит Джазз.

Тропинка поворачивает, и нам открывается вид на лес и поля, сады, дороги и черепичные крыши.

– Смотри, Кайла. Отсюда видна вся деревня. А вон и наш дом. – Эми протягивает руку. – Видишь? Второй слева.

Я смотрю и вижу черепичную крышу и кирпичные стены нашего дома.

Мы садимся на лежащее на земле бревно. Джазз обнимает Эми сзади. Мне почему-то кажется, что обычно они приходят сюда одни.

Она толкает его локтем в бок.

– Ну что, Кайла? Как тебе с Дракошей? – спрашивает он.

– С Дракошей?

– Это он про маму, – уточняет Эми.

– Э...

– Все! Молчи! Достаточно этого «э». Я понял. Значит, ты уже заметила, что она отнюдь не святая, какой ее провозглашает реклама, но

изрыгающая пламя мифическая зеленая бестия.

Я хихикаю.

– Ты к ней несправедлив, – возражает Эми. – Мама не так уж и плоха, нужно только узнать ее получше. Я раньше тоже боялась ее, но потом вдруг поняла, что она в порядке.

– Знаете, а мне кажется странным, что вы обе прямо вот так, сразу, называете ее «мамой», – говорит Джазз.

– А что тут странного? – спрашиваю я.

– Ты ведь только сейчас с ней познакомилась, так?

Эми качает головой.

– Не важно. С самого начала именно так тебе и говорят в больнице. Что папа и мама приедут и заберут тебя домой.

– Ребенок из конструктора, – говорит Джазз и тут же наклоняется, чтобы не получить от Эми оплеуху.

– Значит, для всех остальных мы другие, – заключаю я.

– Уникальные, – поправляет Эми.

– Моя особенненькая. – Джазз чмокает ее в щеку.

– В этой деревне нас таких только двое. Вот почему я так рада тебе. Теперь я больше не одна. А вот в школе нас дюжина или около того, из самых разных мест.

Джазз бросает взгляд на часы и, коротко выругавшись, исчезает за поворотом тропинки.

– Его родители держат здесь ферму, и в некоторые дни ему приходится помогать им после школы. А мы вернемся домой другой дорогой, – говорит Эми, и мы отправляемся в деревню. – И теперь серьезно, как ты поладила сегодня с мамой?

Я пожимаю плечами.

– По-моему, я ей даже не нравлюсь. Если она меня не хотела, зачем было брать?

– В том-то и дело, что хотела. И ты ей нравишься. Просто она этого не показывает. Тут дело сложное.

– Можно и попроще. Зачем усложнять?

– Ты на этот счет сейчас не беспокойся. Но имей в виду вот что. Иногда мама не слышит чего-то, пока ей этого не скажешь. Так что не стесняйся говорить ей, что думаешь.

Тропинка все круче, и Эми проскальзывает вперед. Я смотрю под ноги и думаю о том, что она сказала о маме. Дракоше, как назвал ее Джазз.

– Джазз – твой бойфренд?

– Да. Только не говори маме. Он ей не нравится.

Как там пел Джазз... Шестнадцать, а ее не целовали. А если я не помню, это считается или нет?

– В больнице меня очень строго предупредили любой ценой избегать мальчиков. Мол, из-за них уровни скачут.

– Да, это они умеют! – смеется Эми. – Наверно, лучше всего не трогать их какое-то время. Весь секрет в том, чтобы для начала выбрать такого, который не слишком тебя волнует.

И какой в этом смысл?

Глава 7

– Вы где были? – скрестив руки на груди, мама встречает нас у двери.
– Я же тебе говорила, ходили гулять, – отвечает Эми. Мы проходим в дом и разуваемся.

– У вас грязная обувь. Вы же не одни ходили по тропинке? Я тебе говорила, что там небезопасно.

– Конечно, не одни. – Эми поворачивается к маме спиной и закатывает глаза.

– Кайла? Это правда? – Мама смотрит на меня глазами рассерженного дракона.

– Да, – подтверждаю я. И действительно, с нами же был Джазз. Правда, возвращались мы без него, но ведь мама не об этом спрашивала.

– Слушайте меня, обе. Вы знаете, что оставаться без сопровождающих вам небезопасно. Вы не способны защитить себя.

Эми кивает, а я вспоминаю уроки личной безопасности в больнице. Это относится ко всем Защищенным. Ты не можешь защитить себя и не можешь напасть на другого, а значит, тебе нужно быть особенно внимательным и осторожным.

Но что такого там, на тропинке, кроме деревьев?

– Вас так долго не было. Я беспокоилась. И с папой едва не разминулись, – продолжает мама, и я только теперь замечаю, что она стоит в прихожей около чемодана. Руки сложены на груди, и мне вдруг бросается в глаза, что кожа у нее какого-то странного, зеленоватого оттенка... как у дракона. Если немного напрячь воображение, в морщинках надо лбом и вокруг глаз можно обнаружить чешуйки. А что это? Уж не идет ли дымок из ноздрей?

– Что такого смешного, мисс? – обращается ко мне мама.

Принимаю серьезный вид.

– Ничего. Извини.

– Оставь бедняжку в покое, – доносится из соседней комнаты папин голос.

Эми проходит через комнату и целует его в щеку. Я не знаю, что делать, и остаюсь у двери.

– Проходи, Кайла. Садись. Расскажи, как прошел день, а я расскажу, как прошел мой.

Мы обмениваемся нехитрыми историями. Порезанный палец, визит

медсестры Пенни, прогулка – ему интересно все, что со мной случилось. Как и мне, что случилось с ним.

Папа работает с компьютерами и много путешествует: устанавливает и тестирует новые системы. В поездку он собирается и сейчас, а вернется только к субботе. Через целых пять дней. Потом папа рассказывает мне о своих родственниках. У него две сестры, и одна из них собирается навестить нас в субботу с сыном, так что я смогу с ними познакомиться. Вторая живет далеко, в Шотландии, и мы вроде бы планируем съездить к ней следующим летом. У мамы родственников нет: она была единственным ребенком, и ее родители погибли в автомобильной аварии. Маме тогда едва исполнилось пятнадцать.

Позже вечером, перед тем как ложиться спать, я достаю из ящика спрятанный под папкой рисунок.

– Эми, это... – я поднимаю листок, – доктор Лизандер. А почему ты удивилась, что я ее знаю?

Эми берет у меня рисунок и пожимает плечами.

– Какая страшная!

– Бывает и страшная, а бывает и нормальная.

– Я бы с удовольствием поработала с ней, когда стану медсестрой, – она потрясающая.

– Почему?

– А ты не знаешь? Это ведь она все начала. Я имею в виду Зачистку. Она ее изобрела. Нам про это в школе рассказывали, на уроке.

Я смотрю на рисунок, на глаза под тяжелыми веками, которые смотрят на меня. Того, о чем сказала Эми, я не знала. Или знала? К доктору Лизандер все относились с почтением и боязнью, ее избегали. В больнице у всех Зачищенных был свой наблюдающий врач. Моим была она. Но почему – раньше я и не думала об этом – в ее приемной никогда не было никого, кроме меня? Никто из тех, кого я знала, ее не видел. Если доктор Лизандер такая важная особа, с чего бы ей заниматься мной?

В больничной школе нас познакомили с основами Зачистки. Мы все были преступниками, приговоренными к стиранию памяти и личности, чтобы начать все сначала. Дальнейший ход процесса закрепления обеспечивал специально установленный прибор, «Лево», который снимали по достижении нами двадцати одного года. Таким образом, Зачистка – это второй шанс, избавивший нас от тюрьмы или снявший с электрического стула.

Но в тюрьме, по крайней мере, знаешь, кто ты такой. На электрическом стуле, если совершил что-то особенно плохое, времени ни

на что уже нет.

Кусаю губу.

– У тебя никогда не возникало желания узнать?

– Узнать что?

– Почему тебя зачистили.

– Нет. Если прошлое невыносимо, зачем его ворошить?

Я пожимаю плечами. Затем, что оно мое.

– Во всяком случае, теперь понятно, что случилось с твоими рисунками.

– Неужели?

– Их, должно быть, забрали охранники, когда ты выходила из больницы. Они там не хотят, чтобы кто-то знал, как выглядит доктор Лизандер или другие работники больницы и как там внутри все устроено. Это слишком опасно.

В голове смешивается все, что я когда-либо слышала: передававшиеся шепотом слухи, обрывки разговоров, долетавшие издали громкие ночные звуки. Охранники и башни. Сгоревшие здания.

– Из-за террористов?

– Точно.

Эми выключает свет, и вскоре я слышу ее ровное дыхание. Она спит. Себастиан сворачивается у меня в ногах.

Итак. Доктор Лизандер – важная особа, и мои рисунки забрали, чтобы мир не увидел ее лица. И вот теперь я нарисовала ее снова. Может, стоит спрятать рисунок получше? Такого сходства у меня еще не получалось.

Хотя я и пользовалась не той рукой.

Я одна в каком-то тесном месте. Вокруг лес.

Темно, но в правой руке у меня фонарик.

Сижу, скрестив ноги, на полу. Здесь холодно и сыро. Хочется есть. Ноги затекли, и вытянуть их некуда, но это не важно. Листы лежат на коленях, прижатые какой-то деревяшкой. Карандаш летает по бумаге, исполняя известный только мне магический танец, создавая воображаемое место, такое далекое от этого в пространстве и времени. Место, в котором я хочу быть.

Я поглощена тем, что делаю, и поначалу не слышу шагов на лестнице у меня над головой. Выключаю фонарик и задерживаю дыхание.

Шаги останавливаются ненадолго внизу, потом слышатся снова, приближаются к моему тайному убежищу. Надо что-то сделать, спрятать рисунки, но я застыла, как камень.

Свет бьет в лицо. Слепит глаза.

– Вот ты где.

Я молчу. Он видит все: рисунки, карандаш. Руку, которая его держит.

– Вставай! – бросает он.

Выбираюсь из убежища, щурясь от бьющего в глаза света.

– Ты знаешь, что и почему. Знаешь, насколько это важно. И все равно не слушаешься.

– Простите. Я больше не буду. Обещаю!

– Хватит с меня твоих обещаний. Тебе нельзя верить.

В его голосе сожаление, даже печаль.

– Дай мне свою левую руку.

Я не даю, и он сам ее хватается.

– Жаль, но тебе нужен урок.

Я даже почти верю, что ему действительно жаль, когда он ломает мои пальцы, один за другим, кирпичом.

Глава 8

Боль колет глаза, словно вонзает и поворачивает лезвие ножа.

Под языком горьковатый, металлический привкус. Я кашляю.

– Идет.

Голос мужской. Кто?

Пытаюсь открыть глаза, но они горят, словно с неба на них упало солнце. Мычу от боли.

– Кайла? – Чья-то рука касается моей. Эми. – Выключи свет, – говорит она. Свет гаснет, и я разлепляю веки и щурюсь. – Ну вот, – говорит она и улыбается.

Я на полу. Пытаюсь сесть.

– Не шевелись. – Снова мужской голос. Поворачиваюсь на звук. Парамедик? В дверном проеме белое лицо – мама.

Меня снова кладут на кровать. Эми держит капельницу. Кто-то все соединяет, еще кто-то вводит в вену иглу, и что-то теплое вливается в кровь. Боль слабеет. Я закрываю глаза.

Голоса смешиваются и уплывают.

Из-за кошмара? Не верится.

Она могла умереть...

День-два пусть полежит в постели. Обезболивающее...

Если бы Эми не проснулась, когда она упала на пол, все могло бы кончиться плохо... Последний шанс.

Глава 9

– Можно мне хотя бы книгу?

– Нет. Тебе предписано отдыхать, – говорит мама и складывает руки на груди.

– Я могу и отдыхать и читать.

– Нет.

– В больнице мне разрешали, – сообщаю я, притягивая правду за уши.

– Ты не в больнице, ты под моим наблюдением, и ты отдыхаешь. А теперь спи. – Вспугнув Себастиана, она выходит из комнаты и захлопывает за собой дверь.

Я могу убедить себя в том, что она руководствуется наилучшими намерениями. Но как же трудно отдыхать, когда кто-то заглядывает в комнату через каждые две минуты с единственной целью удостовериться, что ты действительно отдыхаешь.

Закрываю глаза. Ощущение такое, словно виски все еще сжимают тисками, хотя, конечно, утром было куда хуже: тогда даже кошачье мурлыканье отзывалось в голове барабанным боем. Пришлось попросить убрать Себастиана из комнаты. Но и уснуть я боюсь. Боюсь, что тот сон снова меня отыщет. Теперь, когда действие лекарства кончилось, случиться может что угодно.

Кошмары в больнице были ужасные, но запомнились почему-то плохо. Знаю только, что в большинстве случаев я просыпалась с криком. В самих этих кошмарах я часто убегала от чего-то, не зная, от чего именно.

Но в этот раз получилось иначе. Я помню все четко и ясно, как будто сон заново проигрывается прямо сейчас, у меня перед глазами, снова и снова. Я чувствую боль, вижу переломанные, окровавленные пальцы. Все как будто наяву.

Воспоминания словно выгравированы внутри. Такие ужасные, что их не забыть, как ни старайся. Но как раз воспоминаний у меня и не должно быть. Не должно быть ничего, что предшествовало Зачистке. Может быть, их вызвала из какого-то тайника моя попытка рисовать левой рукой?

Кто он? Реальный человек или творение моего воображения, только там и существующее? Во сне я никогда не вижу его лицо. Сначала меня ослепляет свет, потом мешают слезы и боль. Но та я, что жила во сне, знала его и даже узнавала его шаги.

Одно ясно и не подлежит сомнению. Если он настоящий, я не хочу его

знать.

– Ммм?

– Извини. Разбудила? – Это Эми.

И вправду уснула. Как будто провалилась в какое-то черное, молчаливое место, неподвижное и без сновидений. Может, остаточный эффект лекарств?

– Все в порядке. Надоело лежать в кровати. Мне можно встать?

Эми качает головой.

– Она не разрешает. Тебе нужно оставаться в постели весь день. Мама всегда строго исполняет врачебные предписания, независимо от того, верит в них или нет.

– Такая скука.

– Бедняжка. Как твоя голова?

– Не очень хорошо.

– Тебе что-нибудь нужно? Ты не проголодалась?

– Нет.

Эми поворачивается к двери.

– Подожди. Сделаешь кое-что для меня?

– Что?

– Мне нужен альбом. Она забрала его, и я не могу рисовать.

Эми колеблется. Потом идет в свою комнату и тут же возвращается.

– Это подойдет? – Она протягивает блокнот для записей и карандаш.

– Вполне. Спасибо.

– Только прячь получше, – подмигивает она.

Я поправляю подушки, сажусь повыше и поворачиваюсь так, чтобы вошедший в комнату не увидел блокнот. Прислушиваюсь – не скрипят ли ступеньки под ногой крадущейся наверх мамы.

Но стоит карандашу коснуться бумаги, как тревоги и беспокойства уходят, и меня все сильнее увлекает любимое занятие. Я бегу от себя, от сна, от всего.

Я становлюсь кем-то другим.

– Повезло, что не мама.

Я вздрагиваю.

Эми закрывает за собой дверь и ставит на стол рядом с кроватью поднос с тарелкой супа.

– Что рисуешь?

Показываю. Полумама, полудракон. В разных позах. Изрыгает пламя, летает над домом.

Эми смеется.

– Господи. Смотри только, чтобы она не увидела. Надо будет спрятать это и...

Она замолкает. Хмурится. Смотрит на мою руку. Левую руку, которая держит карандаш. Страх просачивается в живот холодными струйками.

– Вот уж не думала, что ты левша. Меня правой рисовала.

– Я и есть правша! И всегда правой работала. А сейчас просто переложила карандаш, чтобы передать тебе блокнот.

– О... Да, конечно. Извини, – говорит она и улыбается.

«Лево» вибрирует – 4.6.

– Шоколадку? – предлагает Эми.

Я качаю головой.

– Себастиана.

Она открывает дверь и вскоре возвращается с котом, которого кладет мне на колени. Себастиан мяукает, выражая свое недовольство тем, что его целый день не впускали в комнату. Я поглаживаю кота, и он, урча, укладывается, вытягивает лапы и выпускает коготки.

– Поешь? – спрашивает Эми.

– Немного погода.

Уровень поднимается до 5, и она уходит вниз смотреть телевизор. Я обнимаю Себастиана и прижимаю к себе так сильно, что он начинает выгибаться и протестовать. Отпускаю.

Почему я солгала?

Потому что боялась. Боялась Эми? Да это же безумие. Но страх был, невыдуманный, настоящий. Как будто Эми могла быть тем, с кирпичом.

Поднимаю левую руку. Поворачиваю из стороны в сторону. Пальцы выглядят нормально, никаких шрамов нет. Я почти могу убедить себя, что ничего особенного не случилось, что все придумало мое подсознание. Что сон вызван именно этим осознанием способности рисовать левой рукой. Никаким воспоминанием он быть не может. Я – Защищенная, у меня нет воспоминаний.

Но болезненная уверенность лежит на груди тяжким грузом, давит, стесняет дыхание. Инстинкт самосохранения кричит во весь голос, и не слышать его невозможно.

Никто не должен знать.

Глава 10

– Внимание все, у нас сегодня новенькая! – объявляет сестра Пенни, и ее звонкий голос почти дотягивает, чтобы сравниться с желтым джемпером.

«Все», к которым она обращается, это десяток с небольшим таких же, как я, Зачищенных, из ближайших деревень, рассеявшихся кружком в продуваемом ветром холле с высоким потолком.

Сестра Пенни подталкивает меня вперед.

– Давай. Представься и возьми стул.

– Привет, меня зовут Кайла, – говорю я и, взяв из угла стул, ставлю его в круг.

Остальные улыбаются мне и друг другу. Большинство заметно младше, и только одна девушка примерно моего возраста, сидит со скрещенными на груди руками и смотрит в темноту за окном.

Какое счастье. Первый день в Группе. Только этого мне и не хватало вдобавок к тяжелой, гнетущей боли за глазами. Обычно все проходит за два-три дня. Мама сказала, что это можно отложить до следующей недели, но я, подумав, решила, что чувствую себя не так уж плохо и в состоянии сходить сегодня. По крайней мере, под этим предлогом мне наконец-то удастся выбраться из дома. Да и какой смысл откладывать, если встречи проводятся каждый четверг, в семь часов вечера, до дальнейшего уведомления. Эми на эти четверговые собрания ходить больше не надо, так что «до дальнейшего уведомления» означает, наверно, до тех пор, пока они не убедятся, что я не нуждаюсь в постоянном наблюдении.

В больнице у нас тоже была Группа, так что дело это мне знакомое. Предполагается, что мы должны рассказывать о своих чувствах в «дружелюбной непринужденной атмосфере», но обычно все сводится к тому, что они говорят нам, что мы должны чувствовать.

Пенни складывает руки на груди.

– Кто-нибудь помнит, что вам нужно сейчас делать?

Они переглядываются.

Смотреть на это больно.

Наконец девушка постарше отворачивается от окна и закатывает глаза.

– Чем с вами сидеть, так веселее смотреть, как краска сохнет. Давайте, представляйтесь, пока мы здесь не померли от старости.

Как и все остальные, я смотрю на нее широко открытыми глазами. Она говорит вслух то, о чем мы только думаем. Какая смелая!

Пенни хмурится.

– Спасибо. Что бы мы без тебя делали. Может, сама пример подашь?

– Конечно. Приветствую тебя, дорогая Кайла. Я – Тори. Добро пожаловать в нашу счастливую группу.

Следом за ней и другие начинают поочередно называть себя. Улыбаясь и не понимая, что голос Тори буквально сочился сарказмом. И только Пенни по-прежнему смотрит на нее хмуро.

Вступительная часть заканчивается. Пенни смотрит на часы – десять минут восьмого.

– Итак, сейчас мы...

Но тут задняя дверь распахивается.

– Извините за опоздание, – произносит голос. Мужской.

Я поворачиваюсь – опоздавший тащит стул по полу. Тори отодвигает свой в сторону, и он садится рядом с ней.

Пенни старается придать себе строгий вид.

– Бен, тебе следует быть более пунктуальным. Как идут тренировки?

– Хорошо, спасибо. – Бен улыбается, и Пенни улыбается в ответ. По глазам видно, что он – ее любимчик. Опоздание никого из них не беспокоит.

Оно и не удивительно. Бен здесь определенно дольше любого из собравшихся, кроме разве что Тори. Улыбка у него настоящая, не сонная. Улыбка, на которую хочется ответить. Пенни упомянула про тренировки – на нем шорты, хотя вечер выдался довольно прохладный; ноги крепкие, с рельефной мускулатурой; торс обтягивает футболка с длинными рукавами. Кожа с легким бронзовым оттенком – на воздухе проводит больше времени, чем в помещении. И Тори – впервые за вечер – улыбается ему не натужно, а искренне. Улыбка совершенно ее преображает. Оказывается, она – потрясающая.

– Привет, ты новенькая? Я – Бен, – говорит он, и я с опозданием ловлю себя на том, что откровенно на него пялюсь. Щеки вспыхивают.

– Кайла? – окликает меня Пенни, и я вздрагиваю.

Тори закатывает глаза.

– Да, Бен, ты пропустил представление. Бен, это Кайла. Кайла, это Бен.

– Добро пожаловать, – говорит он и улыбается прямо мне в глаза.

– Спасибо. – Я смотрю в пол.

– Тогда давайте все-таки начнем? – предлагает Пенни и, пройдясь взглядом по кругу, останавливается на мне. – Кайла, почему мы здесь? Почему мы все здесь?

Я молчу.

Тот ответ, что вертится у меня в голове – потому что должны здесь быть, – может быть, и верен фактически, но неправилен. В больнице я узнала, что, хотя Группа и считается местом безопасным, где говорить можно все, излишне откровенничать все же не стоит. Для меня это несколько раз заканчивалось тем, что доктор Лизандер подолгу ковырялась потом в моей голове, из-за чего я несколько дней чувствовала себя не в своей тарелке.

Улыбаюсь и молчу. Сестры, из тех, что не успели узнать меня получше, обычно попадают на эту уловку.

– Кайла, мы здесь для того, чтобы поддерживать друг друга на этапе перехода от больницы к семьям и обществу, – отвечает Пенни на собственный вопрос. – Итак, почему ты оказалась в больнице? – Она широко улыбается.

А вот это уже интереснее. В том смысле, что да, я знаю, что они со мной сделали. В общем смысле. Они стерли синапсы и нейронные связи в моем мозге, то, что составляло меня: мою личность, мои воспоминания. Обычные причины, по которым проводится Зачистка, мне известны, и самая распространенная среди них та, что человек представляет опасность для себя или общества. Какая причина сыграла в моем случае, я не знаю. Может быть, ответ на этот вопрос кроется где-то в файлах сестры Пенни?

– Ну, Кайла? – говорит она.

– Вот вы мне и скажите.

Тори поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Ее глаза сменяются.

Пенни сдвигает брови. Я проходила такое много раз и знаю, что никакого толкового ответа у нее нет. Но прежде чем Пенни успевает как-то отреагировать, на помощь мне приходит Бен.

– Нам дали новое начало. – Он снова улыбается мне, а я испытываю настоящий шок узнавания: влажные карие глаза, зачесанные назад и выющиеся за ушами темные волосы – все какое-то знакомое. Как будто мы уже встречались. Я одергиваю себя и заставляю отвернуться.

– Совершенно верно, – говорит Пенни. – Итак, сегодня мы продолжим с того места, где остановились на прошлой неделе. Кто-нибудь помнит, что мы собирались рассказать Кайле?

Она обводит глазами круг, но желающих не находится.

– Мы говорили о поддержании наших уровней. Какие они у каждого из нас?

Мы послушно проверяем и называем. У меня самый низкий – 4.8.

– Какая у тебя стратегия? – озабоченно спрашивает Пенни.

– Что вы имеете в виду?

– Если твой уровень падает, что ты делаешь, чтобы поднять его?

– Съедаю шоколадку. Обнимаю кого-нибудь. Или глажу кота.

– Это все внешние факторы. А внутренние?

Что ж, может быть, мы действительно научимся чему-то полезному.

– К достижению какого уровня мы стремимся? – обращается она к Группе. Я отключаюсь, потому что слышала это много раз.

Приемлемый уровень – 5 и 6.

10 – полная радость, восторг. 1 – злость, способная довести до убийства, или страдание, такое черное, что не можешь сдвинуться с места. При падении ниже 3 тебя уносит в ла-ла-лэнд (1. *нереальное, воображаемое место*; 2. *психологическое состояние, в котором человек не осознает, что на самом деле происходит*): «Лево» отключает чип у тебя в мозгу, и ты вырубаешься, как случилось накануне ночью со мной. В случае, если в твоём зачищенном мозгу ещё скрываются опасные импульсы, а уровни падают ниже 2, чип не просто отключается, а скорее поджаривается. Потом начинаются судороги, и если даже ты приходишь в себя, то роняющим слюну идиотом.

Цокая языком, Пенни просматривает файлы на нетбуке.

– Вижу, кошмаров и затмений на твою долю выпало немало. Давайте подумаем, какую стратегию мы можем предложить Кайле. Ну? Ребята?

Похоже, она даже не всех знает по именам. И наверняка не знает, что даже Зачищенные не отзываются на «ребята».

Пенни указывает то на одного, то на другого, и я, с неожиданным для себя интересом, слушаю их ответы.

Предложений много, и некоторые я уже использовала.

Отвлечься: сосредоточиться на чем-то другом. Повторять расписания, считать плитки на полу. Бен бежит – мне это знакомо. В больничном спортзале я, бывало, часами не сходила с бегущей дорожки, доводя себя до такого состояния, когда все чувства блекнут и остается только ровный ритм шагов.

Другой мой вариант: организовать неизвестное в лица из линий и теней, рисовать карты коридоров, дверей и прочего для создания границ. Не для того ли я это делаю?

Визуализация: удалиться в какое-то другое место в своём сознании. «Безопасное место», как называет это сестра Пенни.

Перенос: перекладывание своих чувств на кого-то другого.

Диссоциация: стать кем-то другим, отбросив все чувства.

В этом я становлюсь экспертом.

Как и все мы?

Потом Пенни делит нас на небольшие группы – попрактиковаться в устном общении. Сегодняшняя тема: разговор о семье.

Все начинают двигать стулья, объединяться по двое-трое. Никаких споров, обсуждений – каждый хорошо знает, что и как. Я немножко теряюсь и вздрагиваю, когда на мое плечо ложится теплая рука. Бен.

– Присоединишься к нам? – спрашивает он с улыбкой, и я ловлю себя на том, что смотрю в его глаза и не могу оторваться. Они и впрямь карие, с теплыми золотистыми крапинками – вот бы написать такие, смешать краски и...

Он смотрит на меня с любопытством.

– Так что?

– Хорошо. – Я поднимаюсь. Его рука соскальзывает с моего плеча. Он берет мой стул и ставит рядом со стулом Тори, а потом подтягивает свой и садится напротив нас обоих.

Тори начинает говорить что-то, но умолкает – к нам подходит Пенни.

Вскоре я узнаю, что отец у Бена – учитель, а его мать – художница и работает в мастерской. Папа у Тори – чиновник в Лондоне, а она живет с мамой в деревне. Дома он бывает только по выходным, и, судя по тому, как она говорит об этом, ей такое положение вещей нравится. Им обоим, Тори и Бену, по семнадцать лет, и они на год старше меня. Оба знакомы с Эми по школе. Той школе, куда пойду и я, когда разрешат.

– А ты на самом деле откуда? – спрашивает Тори, как только Пенни отходит от нас и идет к другой группе.

– Ты о чем?

– Ну, где ты была до того, как попала сюда?

– В больнице. Меня выписали в прошлое воскресенье.

– Я тебе не верю.

– Тори, – вмешивается Бен. – Полегче.

Она ухмыляется.

– Она бы не говорила так, если бы ее только-только выписали. Ты это не хуже меня понимаешь. Нас с тобой три года назад выпустили, и ты знаешь, какие они, новенькие.

– Меня продержали в больнице дольше, чем других. Из-за кошмаров.

– Дольше – это сколько?

– Девять месяцев, так мне сказали.

– Все равно. Ты – другая.

Я не согласна и готова спорить и уже открываю рот, но тут же его закрываю. Вот и доказательство. Большинство Защищенных просто

улыбаются и соглашаются со всем, что бы им ни говорили. Какой смысл отрицать очевидное?

Пожимаю плечами.

– Ну и что с того?

– Ага! – торжествует Тори.

Бен наклоняется, с интересом смотрит на меня.

– А что плохого в том, чтобы быть другим?

Тори хмурится, но Бен обнимает ее.

– Не хочешь присоединиться к нам в воскресенье? – спрашивает он. – Собираемся сходить на выставку.

Тори неприятно удивлена и не скрывает этого.

– Не знаю, – говорю я. – Надо спросить, разрешат ли папа с мамой.

Она закатывает глаза.

– Ну конечно. Смотри сама.

У меня уже сложилось четкое понимание, что если я хочу поладить с Тори, то должна держаться подальше от Бена. А вот этого мне не очень-то хочется.

Собрание закончено, все идут к выходу. Пенни ловит меня и отводит в сторонку.

– Пстой. Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Мы ждем, пока все выйдут, а потом она садится рядом.

– Слышала, ты недавно сознание теряла. Надо проверить твой «Лево».

Пенни достает ручной сканер, прибор такой же, как в больнице, только поменьше, и подключает его к нетбуку. Потом подносит к моему браслету. На экране появляются какие-то диаграммы.

– О господи.

– Что?

– Посмотри сама. – Пенни касается экрана, выбирает диаграмму, обозначенную 15/09. Целый участок ее, утро вторника, окрашен красным. Еще одно касание, и на экране возникают числа. – Кайла, у тебя было 2.3. Слишком низко. Что случилось?

Я смотрю на нее непонимающе. Еще немного, всего 0.3, и я бы уже не очнулась. В животе все как будто стягивается в узел.

– Так что?

– Не знаю. Приснился кошмар, вот и все. Я не проснулась. Очнулась, когда парамедики ввели «хэппи джус». До сих пор голова болит.

– Сны на уровень «Лево» не влияют, и тебе это прекрасно известно. А вот когда ты просыпаешься потом...

Я пожимаю плечами.

– Как проснулась, не помню.

– А что снилось?

– Не помню, – вру я.

Пенни вздыхает.

– Я только лишь хочу помочь. Следующая больничная проверка у тебя в конце следующей недели, но, может быть, стоит сдвинуть ее на этот уик-энд.

– Нет! Мне просто надо... – как бы это выразиться помягче? – надо отвлечься, заполнить чем-то время и голову. А можно мне начать ходить в школу? Пожалуйста.

Она откидывается на спинку стула и пристально, словно ищет что-то, смотрит мне в глаза.

– Слишком рано. Сначала тебе нужно привыкнуть к дому. И...

– Пожалуйста. – Я не говорю о том, что не хочу оставаться дома наедине с мамой, Дракошей. Последние дни, проведенные в компании с ней и Себастианом, оказались едва ли не хуже кошмаров.

– Отвлечение – дело, конечно, хорошее, но тебе необходимо еще и перенаправление. Я дам тебе несколько упражнений, хорошо? Займись ими. Займись по-настоящему, всерьез, и тогда мы определим тебя в школу на следующей неделе. Договорились? – Пенни протягивает руку.

Смотрю на нее недоуменно. Сегодня четверг, до понедельника всего четыре дня.

– Ладно, договорились. – Я пожимаю ее руку.

Дверь в конце коридора приоткрывается. Это Эми. Наверно, ее послали узнать, почему я не вышла.

– Эми? – Пенни машет ей рукой. – Входи. Поможешь нам.

Под их руководством я придумываю себе «безопасное место», или «убежище». Представляю зеленый уголок с деревьями и цветами, где можно лежать на траве и смотреть на проплывающие в небе облака. Когда плохо, когда расстроена или напугана, я должна мысленно бежать туда. И делать это почаще, доводя до автоматизма. Легко и просто, правда?

Глава 11

– Ты точно справишься? – спрашивает мама уже от двери. – Сможешь присмотреть за ними обоими?

– Да, смогу. Я же тебе сказала, – отвечает Эми. – Иди.

Мне бы ее уверенность. Голова от шума только что не раскалывается. И как только такая кроха может производить столько шума? Мамммма, мамммма, мамммммммма – и так без остановки.

Дверь закрывается. Я смотрю в окно. Мама и папа идут по дороге в паб. С ними папина младшая сестра, наша тетя Стейси, у которой, похоже, выработался полный иммунитет к воплям собственного сыночка.

Малыш судорожно вдыхает, готовясь к очередному приступу.

Эми склоняется над ним.

– Роберт, хочешь печенку?

Он кривит рот. Она протягивает руки, и на заплаканном, мокром от слез личике проступает нерешительность. Эми поднимает его и несет в кухню. Через несколько секунд малыш с довольным видом гукает и хрумкает печенкой на полу.

– Как это у него получается? Минуту назад плакал и кричал, а теперь смеется.

– Ребенок, его легко отвлечь.

В кухню входит Себастиан и, бросив один взгляд на Роберта, отпрыгивает подальше, на безопасное расстояние.

– Киса? – малыш тянет к нему руки. – Киса!

Он бросает печенку, поднимается, хватаясь за ножки стула, делает несколько шажков, шлепается на попу и, обескураженно оглянувшись, слезливо морщится.

– Все хорошо, Роберт! – Эми подхватывает его на руки и подносит к Себастиану, который как будто смирился со своей участью. – Погладь кису... вот так... – Она показывает малышу, как это делать, точно так же, как показывала мне в первый день. Но урок не идет впрок – поглаживания больше смахивают на удары, потом ладонь идет против шерсти. Себастиан спрыгивает со стола и исчезает, сбежав через дырку в двери.

Прежде чем Роберт успевает расплакаться, Эми садится, усаживает малыша на колени и начинает его щекотать.

По прошествии часа, наигравшись с дверцами шкафчиков и поколотив по кастрюлям деревянными ложками, Роберт начинает тереть глазки и

засыпает у Эми на руках.

– Чай?

Я поднимаюсь, наливаю воды в чайник и ставлю на плиту.

Не вставая со стула, Эми поворачивается. Как и обещала маме, она наблюдает за нами обоими. Присматривает. Словно я могу обжечь пальцы о плиту или шлепнуться на попу, как Роберт.

Сестра Пенни сказала маме, что я как малое дитя. Но посмотрите на него – он не может учиться так же быстро, как я. Не может даже приласкать как надо кота. Свои первые шаги он делает уже несколько недель, но до сих пор падает. Ему больше года, но он почти не говорит.

На то, чтобы научиться ходить, мне после Зачистки понадобились считанные недели. Говорить полными предложениями я начала через пару недель после того, как произнесла первые слова. Да, верно, я училась быстрее многих, но даже самые медлительные из нас могли поддерживать разговор уже через месяц-другой.

Воспоминаний меня лишили, но тело, мышцы забыли не все. Вот так моя левая рука не забыла карандаш. Стоило мне взять его, как она поняла, что с ним делать. Проблема не в том, чтобы начать все заново. Проблема в том, что, найдя правильный рычажок, можно делать забытое. Кто знает, на что еще я способна?

Ставлю на стол чашку с чаем и сажусь.

– Рука затекла. Можешь подержать его немного? – спрашивает Эми, и я подсовываю руки под Роберта. Она устраивается удобнее, а малыш продолжает спать.

– Спасибо. Милый, правда?

Я с сомнением пожимаю плечами.

– Слишком шумный, когда бодрствует. Мне он больше вот таким нравится.

– Ты права. Как он хныкал, требуя мамочку.

– Мне показалось, она оставила его без особых колебаний. Улетели с мамой и не оглянулись.

– Да, мама с трудом его переносит.

Я это тоже заметила, причем проявилось это не только в очевидных вещах вроде того, что ребенок плакал, поскольку ему требовалось сменить подгузник. Желание уйти от малыша куда подальше возникло у нее едва ли не сразу после его появления. Именно она первой предложила пойти в паб, оставив дома нас троих.

– Почему?

– Даже не знаю, можно ли говорить.

– Что? Скажи.

Эми смотрит на меня молча, потом кивает.

– Ладно, но это семейная тайна. И ты не должна никому говорить.

Киваю.

– Хорошо.

– Прошлой весной, когда я была в сиделках, мне об этом рассказала тетя Стейси. Мама не знает, что я знаю. В общем, до того как папа и мама встретились, мама была с кем-то еще, и у них был ребенок по имени Роберт. Потом они разошлись. Стейси дружила тогда с мамой, так она и познакомилась с папой. Они поженились, а Роберт умер. Вот почему и Стейси назвала сына Робертом. Хотела как лучше, но мне кажется, что мама, когда видит его, думает о своем умершем сыне.

– Ужасно! – У меня перехватывает горло. Сначала родители, когда ей едва исполнилось пятнадцать, потом сын. Не удивительно, что она – Дракоша.

– Знаю, с мамой бывает трудно, но на то есть причины, – говорит Эми.

– А о своем Роберте она никогда не говорит?

– Никогда. По крайней мере, со мной.

Смотрю растерянно на Эми. Мама полна противоречий. Казалось бы, вот она вся, как на ладони, но при этом, оказывается, столько прячется внутри.

– Не понимаю ее, – говорю я наконец.

– А ты смотри на это вот с какой стороны: ты поладишь с ней лучше, если будешь общительнее. Как она.

С улицы доносятся голоса и шаги.

Эми подносит палец к губам, и я киваю.

Передняя дверь открывается, и через несколько секунд в кухню входят мама и тетя Стейси.

– Мой мальчик, – с чувством вздыхает тетя Стейси и, забрав Роберта у Эми, начинает прощаться.

– А где папа? – спрашивает Эми.

Мама закатывает глаза.

– Ему позвонили – какая-то срочная работа. Ушел и даже ланч не закончил.

Она подметает крошки от раздавленных Робертом печенек. Через дыру в двери проскальзывает и трется о ее ноги Себастиан.

– У тебя обед? – спрашивает мама и тянется за банкой в шкафчике. Тут ее внимание и привлекают остатки нашего ланча и чая.

– Ну уж, наверно, никто бы не умер, если бы помыл за собой посуду! –

сердито бросает она.

Я вздрагиваю и с трудом удерживаюсь от того, чтобы тут же броситься к раковине. А она будет стоять, смотреть и указывать, что я делаю не так. Но внутренний голос шепчет мне: выскажи ей, что ты думаешь.

– Не успели убрать, потому что занимались Робертом, – говорю я.

Мама поворачивается ко мне, смотрит удивленно, потом кивает.

– Ладно, оправдалась. Хорошо, что ты появилась не в подгузнике, – говорит она и смеется. Я смеюсь вместе с ней. Эми, когда мама отворачивается, одобрительно подмигивает. Все вместе мы готовим обед, и я, впервые за все время, чувствую себя почти расслабленной в ее присутствии.

Позднее мы с Эми говорим маме спокойной ночи и идем к лестнице. В последний момент Эми останавливается и оборачивается.

– Почти забыла. Мам, нам можно сходить завтра на Тейм-шоу?

Шоу! Не его ли имел в виду Бен, когда предлагал пойти с ним и Тори? Я тоже поворачиваюсь.

Мама откладывает книгу.

– С кем?

– Да все идут, мам. Ты их знаешь: Дебс, Хлоя, Джазз... все.

Она смотрит на нас с прищуром.

– Ну, если только все... Почему бы и нет? Но я сама потом вас заберу.

– Спасибо, – говорит Эми, но на ее лице написано что-то еще.

Мы поднимаемся наверх. Она закрывает дверь и закатывает глаза.

– Надо же, она нас заберет! Как будто мы дети. Как будто нам по двенадцать.

– Она что-то подозревает.

– Что? – Эми смеется. – Если ты имеешь в виду меня и Джазза, то это далеко не все.

– То есть?

Она бросает в меня подушку.

– Есть еще Бен.

– Что?

– Он подходил ко мне вчера в школе. Спрашивал, сможешь ли ты выбраться и пойти на шоу. По-моему, ты произвела тут впечатление.

– Ох...

– Ох? И все? Парень-то симпатичный, да?

– Наверно. – Конечно, симпатичный и даже более того. Он из какой-то другой категории. И есть в нем что-то еще, что-то такое, чему я не могу пока найти определение. Но строить планы смысла нет – по крайней мере,

пока рядом с ним Тори.

– На него даже девчонки-шестиклассницы западают. Не замечала, правда, чтобы хоть одна чего-то добила.

Я пожимаю плечами.

– По-моему, ему и Тори хватает.

– Сомневаюсь, она – не его тип.

– Почему это? Она шикарная. – Она и впрямь была шикарная, особенно когда улыбалась. Хорошенькая, пропорциональная фигурка. Длинные, темные струящиеся волосы. Тори могла бы стать моделью, если бы эта профессия не значилась среди запрещенных для Защищенных.

– Потому. Я просто знаю. Она злая и испорченная, а он милый. Это же очевидно.

– Если и так, то сама Тори об этом, похоже, не догадывается.

Эми смеется.

– Ну, тогда она просто дурочка. Но рано или поздно и у нее глаза откроются.

Эми выключает свет и скоро засыпает. Немного погодя я слышу, как кто-то скребется в дверь, и открываю. Себастиан мяукает и запрыгивает на мою кровать. Если не считать его, в доме темно и тихо.

Сон не идет. Слишком много впечатлений, слишком многое нужно обдумать. Все такое сложное, с виду – одно, заглянешь внутрь – другое. Эми понимает маму так, как не понимаю я, но она точно ошибается насчет Бена и Тори. Хотя я и хотела бы, чтобы она была права.

Глава 12

Оказывается, Тейм-шоу – предприятие масштабное. Когда мы втроем – мама, Эми и я – после долгих разъездов и стояний в пробках на путаных сельских дорогах, выющихся между фермами и полями, добираемся наконец до места, то попадаем еще и в длинную очередь желающих оказаться внутри. Настроение у всех приподнятое, все оживленно болтают, толкаются и понемногу продвигаются ближе к входу. Но дальше, в накрывающей вход палатке, полная тишина.

Зрителям нужно проходить через калитку безопасности. Мама взирает на нее с удивлением.

– В прошлом году такого не было, – говорит она, понизив голос.

Но примолкли зрители не из-за калитки. Рядом с ней, по другую сторону, стоят несколько сурового вида не улыбающихся мужчин. Цепкие взгляды скользят по толпе. Никто не смотрит на них, каждый старается отвернуться и смотреть куда-то еще, но такая избирательность только подчеркивает значимость этого места.

По пути сюда мама уже объяснила, что выставка Тейм-шоу появилась столетия назад, но потом начала терять популярность вместе с упадком сельского хозяйства в начале XXI века и в конце концов закрылась. Затем, по прошествии нескольких десятилетий, когда Центральная Коалиция взяла курс на самообеспечение и аграрное развитие, сельские выставки были восстановлены. Теперь Тейм-шоу – самое большое из всех имеющихся. Больше даже, чем было когда-либо в своей истории.

Очередь снова растягивается – через калитку пропускают по одному. Нас с Эми, с нашими «Лево», разумеется, отводят в сторонку, поближе к мужчинам в серых костюмах, и сканируют с ног до головы.

Бояться, что меня с кем-то или чем-то идентифицируют, нет никаких причин, и тем не менее руки начинают дрожать. Наконец с процедурой закончено. Эми берет меня за руку и едва ли не тащит за собой к тому месту, где нас ждет мама.

– Что с тобой? Ты вся белая.

Я пожимаю плечами и смотрю на «Лево»: чуть ниже 4.6, но держится стабильно. Помогло, что я вовремя вспомнила про визуализацию: зеленые деревья голубое небо белые облака зеленые деревья голубое небо белые облака...

Входим. Мама смотрит на меня с прищуром.

– Зрителей много. На тебя такая толпа не давит? – спрашивает она и обнимает за плечи.

– Все в порядке, – отвечаю я и нисколько не кривлю душой: между ними двумя – Эми с одной стороны и мамой с другой – я и впрямь чувствую себя хорошо и даже не помню, что вывело меня из себя.

Вокруг шум и гам, повсюду люди и животные. В воздухе густые запахи. Я держусь поближе к маме и не спешу за Эми, когда сестра убегает с подругами.

Везде, куда ни глянь, бесконечные выставки, представления и состязания: овощи, фрукты и сладкая выпечка; инструменты и резные поделки из дерева; в загонах – всевозможный домашний скот. Мама знает едва ли не каждого и постоянно останавливается переброситься с кем-нибудь парой фраз.

– Кайла! Пришла все-таки! – слышится голос у нас за спиной.

Мы оборачиваемся – Бен и Тори. Он тепло улыбается мне, но вокруг его руки обвилась ее рука. Мой, заявляет она этим жестом, и возражений с его стороны не видно.

Мама тоже улыбается.

– Неужто Бен? Давненько тебя не видела. Наверно, с тех самых пор, как Эми перестала ходить в Группу. А ты вырос!

– Да, миссис Дэвис.

– Хорошо, что я тебя встретила. – Мама машет кому-то рукой. – Присмотришь за Кайлой? А я выпью чего-нибудь со знакомой.

Я краснею от смущения. Ну вот, опять мне требуется нянька.

– Конечно, – соглашается Бен. – Мы как раз собирались на Овечье шоу, не хотите?

Тори закатывает глаза.

– Вот радости-то. Его рекламируют как Мисс Мира среди овец. Я уже сгораю от нетерпения.

Мама вскидывает бровь.

– Вам не помешает, юная леди, быть поосторожнее сегодня со словами, – говорит она так тихо, что ее слова едва слышны в окружающем нас шуме и гаме. А уже в следующий момент мама исчезает вместе со своей знакомой.

На какое-то время Тори застывает с отвисшей челюстью.

– Эй, кем эта женщина себя возомнила? – вопрошает она громко и сердито, не обращая внимания на предостерегающее шипение Бена.

– Если не знаете, юная леди, я вам подскажу, – говорит стоящий позади нас мужчина, слышавший, должно быть, весь разговор до единого

слова. – Это Сандра Армстронг-Дэвис.

– И что? – подбоченивается Тори.

– Дочь Уильяма Адама М. Армстронга.

До Тори, похоже, начинает доходить, но я так и остаюсь в полном неведении и, когда мы отходим подальше, спрашиваю:

– А что он имел в виду?

– Так ты даже не знаешь, кто твоя мать? – Тори недоверчиво смотрит на меня.

Я поворачиваюсь к Бену.

– Она – дочь Уэма, того самого, который безжалостно разгромил банды в 2020-х. Потом он был начальником лордеров, пока его не взорвали террористы.

– Я думала, ее родители погибли в автомобильной аварии...

Тори смеется.

– Так оно и было, если назвать подрыв машины автомобильной аварией.

– Ты в порядке? – спрашивает Бен и берет меня за руку другой рукой. – Это все дела давние. Я подумал, тебе стоит знать.

– Ничего, все хорошо, – не в первый уже раз привираю я.

Идем на Овечье шоу. Симпатичных овечек здесь на любой вкус – если кого такое привлекает – и с разными интересными именами, вроде Леди Гага и Мэрилин Монро. Животных выставляют напоказ, их достоинства всячески расхваливаются, после чего начинается наградная церемония. Это так глупо, что вскоре нас всех, включая Тори, захватывает буйное веселье. В конце концов победительницей становится Мэрилин.

Следующее развлечение – стрижка. Овечка поначалу сопротивляется, но потом в ее глазах появляется осознание того, что человек, прижавший ее к помосту, слишком силен. Бедняжке остается только одно: лежать покорно, наблюдая, как острые лезвия лишают ее шерсти, обрекая на холодную зиму. Может быть, это уже и не важно, если ее время истекает.

Интересно, как у нее с визуализацией и каким она представляет свое «безопасное место»?

Там меня и находят мама и Эми.

– Ну что, идем? – спрашивает мама, и я киваю.

Выйти легче, чем войти. Нас никто не проверяет, и мы просто проходим через ворота. Но мужчины в серых костюмах никуда не делись; они стоят в сторонке и наблюдают за выходящими. Скользят взглядами по лицам. И, словно они находятся в некоей коллективной слепой зоне, люди притворяются, что не замечают их.

Поздно вечером я лежу в постели и смотрю в потолок. Эми подтвердила все то, что говорил о маминной семье Бен. Почему никто ничего не сказал мне раньше?

Может быть, потому, что знали: я сделаю то, что не пожелала сделать Эми, установлю связи, которых не увидела она. Родителей мамы убили террористы; ее отец посвятил свою жизнь искоренению и уничтожению банд, которые едва не разрушили страну, и было это до того, как появился такой вариант лечения, как Зачистка. Тогда их всех убивали.

И, однако же, теперь она воспитывает двух Защищенных. Двух дочерей, бывших, независимо от того, что они помнят сейчас, преступницами. Бывших, возможно, членами банд или террористками или даже теми и другими.

Надо же. Только-только я начинаю чувствовать, что вроде бы понимаю ее, как вдруг выясняется, что нет, не понимаю. Совсем не понимаю. А еще спать не дают те мужчины в серых костюмах, на которых все старались не обращать внимание. Сама не знаю почему, я так и не решилась спросить, кто они такие, но их присутствие напугало меня до холодного пота. До такой степени, что у меня ноги к полу приросли. Но инстинкт самосохранения внутри меня не сдавался и кричал: сделай так, чтобы они не заметили тебя. Удалось ли? Когда мы вернулись домой, Эми пришлось сопровождать меня в комнату.

Снизу доносится какой-то звук. Себастиан? Сегодня он не свернулся, как обычно, у меня в ногах; может быть, поэтому и уснуть не получается. Я выскальзываю из постели и спускаюсь по ступенькам.

– Себастиан? – тихонько зову я и вхожу в темную кухню. Под голыми ногами холодный пол. По рукам и спине разбегаются мурашки.

Я поворачиваюсь на какое-то движение, не звук даже, а легкое колыхание воздуха, форма и размер которого никак не соответствуют коту.

Свет заливает глаза.

Из рта рвется крик.

Глава 13

– Ты точно не хочешь чаю? – спрашивает папа.

– Нет, я в порядке. – Я отступаю к двери.

– Извини, если напугал. – Он улыбается, но глаза остаются серьезными. Вид у папы усталый и взъерошенный, словно он не переодевался и совсем не спал с тех пор, как уехал вчера, но черные брюки и пуловер, которые на нем сейчас, не то, в чем он отправился в паб.

Тем не менее на его ловкости и реакции это никак не отразилось. Метнувшись через кухню, он мягко прижал ладонь к моему рту и остановил рвущийся из горла крик, так что все закончилось сдавленным всхлипом.

Он отпустил меня, как только я перестала сопротивляться. Как только поняла, что это он.

Теперь папа как будто обдумывает что-то, потом кивает в ответ на собственные мысли.

– Садись. – Он ставит рядом с чайником две чашки.

Я сажусь.

Он не спеша заваривает чай. Поглядывает на меня. Обычно такой разговорчивый... Молчание ложится и ширится между нами.

– Хочу спросить кое о чем, – наконец говорит он.

– О чем?

– Во-первых, почему ты встала?

Я пожимаю плечами.

– Не могла уснуть.

Папа размешивает чай. Как будто бы хочет спросить о чем-то, потом качает головой.

– Второй вопрос. Почему ты спустилась?

– Искала Себастиана.

Он вроде бы обдумывает ответ, потом кивает.

– Третий. Почему ты так испугалась, когда я включил свет? – Для него это не вопрос, а констатация факта, который он пытается прояснить.

– Не знаю. Ты меня напугал, – отвечаю я. Хотя... Может быть, это имело какое-то отношение к моему сну: когда меня ослепил свет и я не смогла разобрать, кто...

– Говори, о чем ты только что подумала, – велит он, и я вздрагиваю.

– В моем кошмаре в лицо мне бьет свет. Я ничего не вижу, и мне

страшно. Может быть, поэтому... – С удивлением ловлю себя на том, что отвечаю на вопрос о сне, о котором никому не рассказываю.

– И тогда ты отключилась.

Я киваю.

– Тем не менее, несмотря на то что сейчас ты испугалась, твой уровень не упал.

– Нет.

Действительно, «Лево» показывает вполне приемлемые 5.1.

– Интересно, – говорит папа и, помолчав, улыбается своей обычной, счастливой улыбкой. – Иди спать. Тебе ведь завтра в школу? Надо отдохнуть.

Оставив нетронутым чай, взбегаю по ступенькам. Странный получился разговор. И вообще, что это было? Чувство осталось такое, что меня как будто допрашивали. И что я выдала даже больше, чем хотела бы. Словно оказалась под давлением. Еще немного, и, наверно, рассказала бы, как мне в кошмаре разбивали кирпичом пальцы.

Но нет, эту деталь я почему-то оставила при себе. А еще мне почему-то кажется, что папа каким-то образом знает, что я рассказала не все. И ему это не нравится – даже несмотря на его улыбки.

Глава 14

Утро понедельника. Наконец-то.

– Понять не могу, чего тебя так тянет в школу, – говорит Эми. – Ничего особенно хорошего там нет.

Я надеваю форму: белую рубашку, черные брюки и бордовый джемпер. Купили это все в пятницу, когда стало ясно, что даже старые вещи Эми слишком велики для моих пяти футов.

– Мне нравится учиться, – говорю я, причесываясь. Это так, хотя ответ мой не полон. Мне нужно – необходимо – знать все. Каждый факт, каждая деталь, которую я могу отыскать и классифицировать, зарисовать и положить в папочку, это еще один шаг вперед.

– Ну, наверно, это хорошо. Но есть и остальное.

– Что ты имеешь в виду?

Эми вздыхает.

– Эта школа – не больничная. Там не все будут приятны и милы.

В кухне, куда мы спускаемся завтракать, суетится мама. Я нервно оглядываюсь – где же папа? Будет он здесь или его не будет и что это значит, если будет или не будет? Уж не приснилось ли мне все?

– Потише, – говорит она. – Папа вернулся вчера поздно и еще спит.

Значит, не приснилось.

Мы с Эми едим кашу. Мама, закончив с делами, садится наконец с нами.

– Послушай, Кайла. Ты точно хочешь пойти сегодня? Потому что если не хочешь, то можешь не идти.

Смотрю на нее удивленно. Она ведь обрадовалась, когда услышала, что я собираюсь идти в школу! Сказала даже, что наконец-то от меня избавится и сможет сама вернуться на работу.

– Конечно, хочу.

– Вчера, на выставке, ты не очень уютно чувствовала себя в толпе. Школа лорда Билла – большая, учеников там больше тысячи. Ты точно знаешь, что сумеешь со всем этим справиться?

– Пожалуйста, разреши мне пойти. – Меня вдруг охватывает тревога – я не пойду в школу и буду сидеть дома день за днем, неделя за неделей. Время сольется в долгое, монотонное шествие к зиме, и мне не с кем будет поговорить и нечего будет делать.

Мама задумчиво смотрит на меня, потом пожимает плечами.

– Хорошо. Раз уж ты так уверена, что именно этого хочешь. Может, мне отвезти тебя на машине?

– Нет. Я прекрасно доеду с Эми на автобусе.

Поднимаюсь и начинаю составлять тарелки.

– Оставь. Я сама уберу.

Ну и ну.

Смотрю на Эми. Она улыбается. Мама несет посуду в кухню.

– Я же тебе говорила, что она не такая уж плохая, – шепчет Эми.

В школьный автобус захожу первой. Эми следом. Автобус почти полный.

На меня смотрят. Негромкий ручеек голосов катится за нами, пока мы идем по проходу. Взгляды как прикосновения к спине. Вижу два свободных места, одно напротив другого. Я делаю шаг к одному из них, и девушка у окна встречает меня неприязненным взглядом и ставит на пустое место свой портфель.

Эми складывает руки на груди. Автобус слегка накрывается, отъезжая от тротуара, и я, чтобы не упасть, хватаюсь за спинку кресла.

– Знаешь, по-моему, получилось немного грубовато, – говорит Эми.

Девушка у окна молча смотрит на нее и кладет на сиденье ноги. Разговоры стихают. Все поворачиваются и смотрят.

Кто-то машет мне из задней части салона.

– Кайла! Здесь есть место.

Смотрю поверх голов – это Бен. Я облегченно вздыхаю – наконец-то знакомое лицо. И безопасное место.

Эми все еще буравит взглядом девушку у окна.

– Все в порядке, – говорю я ей и прохожу дальше, повторяя про себя: зеленые деревья синее небо белые облака зеленые деревья синее небо белые облака...

– Привет. – Я сажусь рядом с Беном. Здесь же еще несколько ребят из Группы. Все сидят плотно и, хотя улыбаются, жмутся друг к другу. Все, как и остальные, в одинаковой бордово-черной форме, но на Бене она смотрится лучше. На нем все смотрится лучше. Но почему нет Тори?

Он наклоняется к самому моему уху и, понизив голос, говорит:

– От этой девчонки лучше держаться подальше.

– Почему?

– Она ненавидит Защищенных.

– О...

«Зеленые деревья синее небо белые облака зеленые деревья синее небо белые облака...»

– Извини, что так случилось, – говорит Эми, когда мы выходим из автобуса.

– Ты ни в чем не виновата.

– Надо было предупредить. Я...

– Ты весь уик-энд об этом говорила.

– Обычно по утрам нас подбрасывает до школы Джазз, но сегодня он на приеме у зубного врача.

В животе понемногу распускаются узелки.

Эми и Бен показывают мне дверь с табличкой «Отделение ООП» и отправляются на уроки.

– Ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо, – говорит Бен и, махнув на прощание, уходит.

«Отделение ООП» – для учащихся с особенными образовательными потребностями. Очевидно, пока не будет установлено иное для таких, как я.

В комнате сидящая за письменным столом женщина постукивает по экрану.

– Э, здравствуйте, – говорю я.

Она смотрит на меня. Серьезно, без улыбки.

– Да? Что тебе нужно?

– Я – новенькая.

– Еще одна? Имя.

Я смотрю на нее. Имя? Какое...

Женщина переводит взгляд на мой «Лево» и вздыхает.

– Твое имя? – громче и медленнее говорит она.

– Кайла. Кайла Дэвис. – Новая фамилия, та же, что у мамы, папы и Эми, все еще звучит непривычно, как будто плохо сочетается с именем Кайла. Но кто знает, как меня звали раньше и сочетались ли имя и фамилия лучше.

Женщина перебирает бумаги в ящике и достает файл.

– Да, есть. Выписалась несколько недель назад? Я как раз пыталась составить для тебя расписание. Садись. – Она вздыхает и указывает на стул, потом встает и, прихватив файл, выходит через другую дверь.

Сижу.

Так проходит едва ли не весь день. Из комнаты я не выхожу. Время от времени заглядывают какие-то люди. Говорят, что завтра со мной проведут экскурсию, что нужно сдать тесты. Показывают, где туалет. В перерыве на ланч съедаю в столовой приготовленные мамой сэндвичи. Компанию мне составляет группа других Зачищенных. Ни Эми, ни Бена не видно. Все улыбаются и жуют, как те коровы на лугу, мимо которых мы проезжали

утром. У каждого стола по паре безымянных ассистентов преподавателей. Разговаривать они не настроены – наблюдают и слушают.

После ланча получаю книжку «История школы лорда Уильямса». Мама называла ее школой лорда Билла. Школа старая, по-настоящему старая. Основана в 1559 году, так что ей скоро будет пятьсот. Сначала в ней учились только мальчики, потом она открылась для всех. Раньше, до ликвидации аутизма, в ней был класс для страдающих аутизмом; не в нем ли я сейчас? После беспорядков и бунтов школу закрыли на пять лет. Заново ее открыла Центральная Коалиция – двадцать лет назад, с большой помпой, с новыми спортивными площадками и беговыми дорожками на присоединенной земле. Сейчас это специализированный сельскохозяйственный колледж, как и большинство средних школ.

Эми и Джазз заходят за мной после занятий. Я улыбаюсь Джаззу – он вернулся от дантиста, а значит, ехать на автобусе не придется.

– Ну? Как прошло? – спрашивает Эми.

Я пожимаю плечами.

– Скучно. Весь день сидела, ждала, что что-нибудь случится.

– Добро пожаловать в школу, – смеется Джазз.

Мы идем по тропинке между двумя кирпичными зданиями – к парковке и выдавшему виды двухдверному автомобилю. Цвет этого транспортного средства преимущественно красный, но с «лоскутами» других красок.

– Леди, ваша колесница, – с поклоном объявляет Джазз.

Я пробую повернуть ручку, но из этого ничего не получается.

– Дай-ка мне, тут есть одна хитрость. – Он берется за ручку, упирается ногой в подножку и с силой дергает.

Эми садится впереди, а я забираюсь на заднее сиденье.

– А где ремень безопасности?

– Нет. Был, да порвался. Ты просто держись крепче.

Хороший совет. Джазз со скрипом и лязгом мчится по дороге и резко тормозит на углу. Меня бросает вперед, на спинку кресла, в котором сидит Эми. Хрипит коробка передач. Машина дергается и катится дальше. Большого опыта знакомства с автомобилями у меня нет, и я, может быть, не совсем справедлива, но автобус кажется предпочтительнее.

Джазз сворачивает с шоссе на петляющий проселок и останавливается перед отдельным домом в конце длинной подъездной дорожки.

– Кайле задерживаться долго нельзя, – говорит Эми. – Мама выходит на работу только завтра.

– Тогда по-быстрому, – говорит Джазз. – Автобус мы опередим.

Он снова дергает дверцу, и мы с Эми выбираемся из машины.

– Навестим моего куза, – говорит Джазз.

– Кузена, – переводит Эми.

Он стучит в дверь и открывает ее.

– Мак, ты здесь?

Мы с Эми идем следом за ним в глубь дома.

– Да. Возьмите выпить, я сейчас, – отвечает голос.

Джазз оборачивается, открывает буфет и достает несколько темных бутылок.

Я выхожу за ними в сад. То есть я знаю, что в большинстве случаев за задней дверью находится сад, да только этот не зеленый. Ни травы, ни деревьев, ни цветов. Только части автомобилей. Из-под одной груды железа и вылезает Мак. Джазз нас знакомит.

– Вот так он и мою машинку собрал, – говорит Джазз и протягивает мне бутылку. Без этикетки.

– Ты хоть раз пиво пила? – спрашивает Эми, и я замечаю, что она не пьет.

– Нет.

– Хочешь попробовать? – спрашивает Джазз. – Мак сам делает – блеск.

Я смотрю на Эми. Она пожимает плечами и морщится, давая понять, что не такой уж это и блеск.

– Ладно, давай.

Джазз открывает бутылку и протягивает мне. Я закидываю голову, и пиво ударяет в горло. Я кашляю.

– Ну, как оно? – спрашивает Джазз.

Вкус у пива горький. Я качаю головой и возвращаю бутылку.

Мак смеется.

– Пойло не для девочек – серьезная штука.

Но что бы он там ни говорил, обижаться на Мака невозможно. Ухмылка у него заразительная и немножко сумасшедшая, и при этом он смахивает на свои машины – как будто его самого собрали из разнородных кусочков. Руки и ноги длиннее, чем им полагается быть, русые волосы спутались неровными прядками, как будто он стрижет себя сам и совершенно не переживает из-за того, как выглядит, – лишь бы в глаза не лезли.

– Нам правда некогда, – говорит Эми, поглядывая на часы. – Автобус вот-вот будет.

– А, да, Дракоша! – Джазз допивает свою бутылку, потом мою и вскакивает.

Мы все выходим из дома.

– Ты точно должен садиться за руль? – тревожится Эми.

– Я в порядке.

– Не надо было пить вторую.

– Не пропадать же пиву.

– Давай я поведу, – говорю я.

Они смеются.

– Ты что, получила права в больнице? – спрашивает с улыбкой Эми.

– Нет. Но можно?

– А почему бы и не попробовать? – говорит Джазз. – Хотя бы здесь, на проселке.

Эми закатывает глаза.

– Да вы оба рехнулись. Но машина твоя...

Джазз дергает дверцу и кивает Эми.

– Забирайся. Садись сзади.

Я устраиваюсь на водительском кресле. Джазз рядом. Начинает Долго и занудливо объяснять – передачи, сцепление, тормоз...

Поворачиваю ключ зажигания. Не все из того, что он говорит, понятно, но мои руки и ноги знают, что нужно делать. Сцепление, передача – выезд задним ходом на дорогу. Не слушая протестов Эми, аккуратно выкатываю на шоссе.

– У нее все получается само собой, – изумленно говорит Джазз. – Вот что значит отличный учитель.

Дело не в нем. Я помню. Главное – не задумываться и позволить рукам и ногам самим принимать решения; в них спрятана память, к которой мозг не имеет никакого отношения.

Я умею водить. И я делаю это лучше, чем Джазз.

Глава 15

– Привет, Кайла! Я – миссис Али, ассистент преподавателя. В ближайшие недели я буду помогать тебе освоиться в школе, и начнем мы с экскурсии. – Она улыбается, смотрит на меня своими большими и темными глазами и протягивает руку. Я отвечаю.

Может, сегодня будет интереснее.

Я выхожу за ней из комнаты, и мы отправляемся в обход.

Миссис Али рассказывает и показывает: вот – корпус английского языка, вот – библиотека, сельскохозяйственный центр. Математический класс, спортивные площадки и посевные участки для высаживания весной новых сортов. Древние кирпичные постройки соседствуют с относительно недавними, разбросанными на большой территории, с полянками и лабиринтом пересекающихся дорожек.

– Не беспокойся, если не сразу сможешь ориентироваться, поначалу все теряются. Я буду присматривать за тобой ближайшие несколько недель и всегда помогу.

Нет. Я не заблужусь. Карта надежно отпечаталась у меня в голове, наложилась решеткой тропинок и зданий. Но я только улыбаюсь своему gidу.

От дальней стороны школьного участка миссис Али ведет меня к административному зданию – через другие строения, мимо классов с учениками, к главному офису, заставленному письменными столами и шкафами, компьютерами и звонящими телефонами. Работают здесь человек шесть-семь, и вид у всех загнанный.

– Это Кайла Дэвис – на оформление, – сообщает всем миссис Али. Через несколько секунд из-за стены каталожных шкафов появляется высокий не улыбающийся мужчина в очках с толстыми стеклами.

– Сюда, – говорит он, и мы следуем за ним через еще одну дверь.

Оформление? Я вопросительно смотрю на миссис Али.

– Просто получишь карточку-идентификатор, – объясняет она.

Не все, однако, так просто. Сначала мои пальцы один за другим прижимают к небольшому экрану – для помещения отпечатков в цифровое хранилище данных. Потом голову крепко сжимают, и в правый глаз направляют яркий луч света – сканируют сетчатку. Моргать нельзя, и к концу процедуры на глазах выступают слезы. Задержавшийся на сетчатке призрачный послеобраз напоминает крону дерева – черное на белой стене,

белое на темном полу, – потом постепенно исчезает. Фотография наконец готова. Мужчина присаживается к компьютеру, и через пару секунд машина выдает пластиковую карточку.

– Вы должны носить это постоянно. – Он просовывает ее в держатель и вешает мне на шею.

Поднимаю, смотрю. Под фотографией – мои имя и фамилия. После них красная буква «З». На губах неуверенная улыбка, вытащить которую из меня миссис Али смогла перед самой вспышкой.

– Ну вот. Теперь ты официально считаешься ученицей школы лорда Уильямса, – говорит она таким тоном, словно это какое-то достижение или сделанный мною осознанный выбор. – А теперь нам нужно вернуться в Отделение.

На этот раз мы выходим из административного здания через переднюю дверь. У входа большой каменный монумент, окруженный розовыми кустами. На постаменте выбита дата – 2048. Шесть лет назад.

– Что это? – спрашиваю я.

– Памятник. Погибшим учащимся.

Меня как будто влечет к нему. Подхожу ближе. Миссис Али тянется за мной.

На камне – перечень имен с указанием возраста. Первым значится Роберт Армстронг, 15 лет, последней – Элейн Уайзнер, 16 лет. Всего в списке имен тридцать. И все примерно моего возраста.

– Что с ними случилось?

– Они ехали классом на экскурсию в Британский музей в Лондоне, когда последовала атака АПТ. Они не были целью нападения, просто отклонились от маршрута, и автобус попал под обстрел. Выжили немногие.

Я смотрю на нее непонимающе.

– АПТ?

– Антиправительственные террористы. – Миссис Али кривит губы, как будто попробовала что-то горькое. – Идем, – говорит она.

Я иду за ней по дорожке, машинально переставляя ноги, а в голове сменяющие одна другую картины: зажатый в лондонском трафике автобус, взрывы, пламя. Крики, окровавленные руки стучат в окно... последний взрыв... И тишина.

Каменный мемориал, тернистые розы, список имен.

Миссис Али оставляет меня на стуле возле офиса.

– Подожди здесь, пока она позовет, – говорит ассистент преподавателя и исчезает за поворотом коридора.

На двери табличка – «Доктор Уинстон, педагог-психолог». Вскоре

дверь открывается; из кабинета выходит ученик.

– Следующий! – доносится из комнаты женский голос.

Кому это она? Мне? Никого больше поблизости нет.

– Следующий! – повторяет тот же голос, но теперь громче. Я поднимаюсь со стула, неуверенно заглядываю в офис.

– Привет! Кайла Дэвис? Не стесняйся,ходи.

Женщина улыбается. Или нет? Накрашенные ярко-красной помадой губы похожи на повернутый вверх полумесяц. Косметики на лице столько, что если она улыбнется по-настоящему, оно может треснуть.

– Вижу, идентификационную карточку ты уже получила. Хорошо. Посмотри, там, у двери прибор. Когдаходишь, нужно провести по нему карточкой, и прибор скажет, кто ты.

Я оборачиваюсь: на стене у двери небольшая коробочка со слотом. Смотрю на свою карточку. Беру ее в руку и перевожу взгляд на женщину.

– Можешь не снимать. Просто поднеси лицевой стороной к слоту.

Я следую указанию, и прибор пищит.

– Молодец. Садись. Вот так ты и будешь теперь делать при входе и выходе. Таким образом мы знаем, где находится каждый ученик. – Снова улыбка.

Я опускаюсь на краешек стула перед ее столом.

– А теперь слушай. Я объясню, чем тебе предстоит заняться до конца дня.

Она говорит, что я должна пройти тесты, чтобы решить, в какие классы меня определить: общие, специализированные для начинающих и другие. И тогда завтра утром я получу расписание с предписанными занятиями.

– Вопросы есть? – спрашивает доктор Уинстон, уже закрывая папки на экране компьютера.

– Да, один.

– О? – Она выжидающе смотрит на меня.

– Можно мне в класс искусств? Я уже хорошо рисую. И медсестра говорит, что мне нужно...

Я умолкаю. Доктор Уинстон бросает нетерпеливый взгляд на часы. До меня ей нет никакого дела.

– Вот что я сделаю: положу записку в твой файл. – Она опять улыбается и пробегает пальцами по клавишам. – Вот: «Кайла интересуется искусством». Все так? А теперь поспеши вниз, на ланч, и будь хорошей девочкой.

Я поднимаюсь и направляюсь к двери.

– Подожди.

Останавливаюсь.

– Тебе же нужно отметить! А иначе компьютер будет думать, что ты еще здесь.

Я вставляю карточку в слот, и прибор пищит.

Внизу самостоятельно нахожу столовую и замечаю сканер у двери. Вставляю карточку. Сканер срабатывает.

После ланча, как и обещала доктор Уинстон, меня ждут тесты. Все выполняются на компьютере, все многовариантные. Миссис Али внимательно наблюдает, как я снова и снова нажимаю А, В, С или D. Вопросы по большей части простые и касаются многих тем: математики, английского, истории, географии, биологии.

К концу тестирования занемели плечи и устали глаза. Думаю, я все сделала правильно.

Результаты будут готовы завтра, говорит миссис Али и провожает меня до двери. И тут же звенит звонок – уроки закончились.

Домой еду на автобусе с Беном. Эми отправилась с Джаззом. Бен убедил ее, что со мной все будет в порядке.

Иду за ним по проходу. Теперь, когда голова свободна от тестов, мысли возвращаются к памятнику и расстрелу террористами автобуса с учениками. Автобусу, такому же, как этот.

Змечаю движение слишком поздно.

Цепляюсь ногой за выставленную и тут же убранный ногу, спотыкаюсь и лечу вперед. В последний момент пытаюсь выставить руки, но кто-то дергает мой рюкзак, оттягивая назад плечи. Я врезаюсь лицом в спинку сиденья и падаю в проход.

По салону раскатывается смех.

Поднимаюсь на колени, трогаю губу – на пальцах остается кровь.

Выпрямляюсь. Оборачиваюсь.

Это она. Та самая девушка, которая не дала мне вчера сесть на свободное кресло рядом с ней.

– Приятная поездочка? – ухмыляется она.

Сжав кулаки, шагаю к ней, и улыбочка сползает с ее лица. Зрачки расширяются...

– Кайла? Кайла! – Бен хватает меня за руку, дергает и тянет за собой в конец салона.

Водитель встает со своего места и выходит в проход.

– У вас тут все в порядке?

Все молчат. Я стою за Беном, и меня ему не видно. Он возвращается,

садится, и через минуту автобус отъезжает от школы.

Бен обнимает меня за плечи и ведет к свободному месту сзади.

– Надо быть осторожнее, Кайла. Смотреть под ноги. – Лицо его непроницаемое, но в глазах не злость, а озабоченность. Конечно, он понимает, что это она сделала мне подножку. Умышленно.

Бен роется в кармане, достает салфетку и протягивает мне. Я прижимаю ее к губе, потом отнимаю и вижу ярко-красное пятно. Хотя и небольшое.

Бывало и хуже.

Или нет?

Глава 16

– Я в порядке.

– В порядке ты не выглядишь. – Мама промокает мою губу салфеткой с антисептиком. – Что случилось?

– Споткнулась. В автобусе. Ударилась лицом о сиденье.

Я не говорю о выставленной ноге, о смехе, под который поднималась с пола. Не говорю, как повернулась и уже была готова врезать той девчонке кулаком в лицо. И она поняла это – за секунду до того, как Бен увел меня прочь, я увидела в ее глазах неуверенность и страх.

– А где была Эми, когда это случилось?

Что сказать? Не знаю. Да, что Джазз – ее бойфренд, это секрет. А что Эми была в его машине, это тоже секрет? И мамы не должно было быть дома так рано – ушла с работы пораньше. Как будто уловила что-то своим драконьим радаром.

– Она не смогла меня поймать, – говорю я. Вроде бы и не соврала – Эми ведь там не было.

– А где она сейчас?

– По-моему, зашла домой к подруге. – Я стараюсь отделяться общими заявлениями.

– Ты разбила губу, а она даже не зашла с тобой домой?

– Э...

Мама поджигает губы.

– Ступай наверх и переодейся.

Стою в комнате, прижимаю лед к губе.

Я была готова ударить ту девушку в автобусе. Я это знаю. Никакого намерения или плана – отреагировало тело. Мышцы напряглись, и пальцы сжались в кулаки сами по себе.

Предполагается, что сделать этого я не могла. Из-за «Лево».

Малейший намек на агрессию, и «Лево» меня отключает.

Однако ничего такого не случилось. На протяжении всего эпизода уровень стабильно держался около 5.

Бен и все остальные просто сидели и улыбались, хотя и прекрасно понимали, что обидели, обидели преднамеренно, одного из них. Нет, им не было все равно. В конце концов, Бен ведь подошел и помог мне. Скорее всего, в их маленьких, довольных, зачищенных мозгах случившееся не отозвалось волнительной рябью.

Я не такая, как они.

И я не понимаю этого.

Внизу открывается входная дверь. Я слышу голоса.

Разговор на повышенных тонах.

Проходят минуты. Шаги по лестнице. Дверь открывается – Эми.

– Ты в порядке? – Она проходит через комнату, смотрит на мою губу. – Больно, наверно.

Я пожимаю плечами.

– Немного.

– Хорошо.

Эми поднимает свою книгу, лежащую у второй кровати, снимает халат с двери. Забирает все вещи, перебравшиеся в мою комнату за последнюю неделю, когда она оставалась, чтобы я не была одна ночью. Выходит в коридор и скрывается в своей комнате. Дверь за ней захлопывается.

Словно уловив своим особым кошачьим чутьем, что в нем нуждаются, в комнату заглядывает Себастиан. Мяукает, запрыгивает на кровать и трется головой о мою руку, пока я не начинаю поглаживать его. По щеке скатывается и падает на губу слезинка. Соленая. Я слизываю ее.

«Зеленые деревья голубое небо белые облака зеленые деревья голубое небо белые облака...»

– Обед! – кричит снизу мама.

Я перекладываю уснувшего Себастиана с колен на кровать.

– Приготовила для тебя суп – есть с твоей губой будет легче.

– Спасибо.

Сажусь за стол.

Мама ставит на стол мою глубокую тарелку с супом и две с пастой, потом идет к лестнице.

– Обед, Эми! – кричит она и возвращается в кухню. – Что ж, если мисс не желает присоединиться к нам, пусть остается голодной.

Я смотрю на суп.

– Попробуй, я приготовила его специально для тебя.

Беру ложку.

– У тебя все хорошо? – Мама берет меня за руку, и как раз в этот момент «Лево» начинает вибрировать. 4.3. Она вздыхает. – Ты ведь не просто споткнулась в автобусе.

Дракоша читает мысли.

– Дело не в этом.

– Тогда в чем?

Молчу. Размешиваю ложкой суп.

– Дело в Эми, да? Что она сказала?

Я откладываю ложку. Опускаю голову.

– Она злится на меня, а я не понимаю...

– Ох, девчонки, какой кошмар! С мальчишками куда легче. Подожди здесь.

Мама топает наверх и вскоре возвращается с Эми, которую втаскивает за собой в кухню.

– Садись!

Эми садится.

– Послушайте меня, мисс. Кайла не сказала мне ничего, понятно? Ни о твоём глупеньком бойфренде, ни о езде на его дурацкой машине? ни о чём-то ещё. Я все вычислила сама. А теперь вы двое разберитесь между собой. Я поем у телевизора. – Она забирает тарелку и сердито уходит в гостиную, ногой захлопнув за собой дверь.

Эми виновато смотрит на меня.

– Извини. Я подумала, что ты ей рассказала.

– Она как будто мысли читает.

– Не знаю, как у нее получается, но я во всем ей призналась. А у тебя секретов вообще быть не может. Как ни старайся, твоё лицо – открытая книга. Я должна была это предвидеть. Извини.

Эми берется за пасту и ничего больше не говорит, но я вижу – своими секретами она больше со мной не поделится.

Мне доверять нельзя.

В эту ночь Эми остается в своей комнате, и я сплю одна.

Водитель жмет на клаксон. Почему, я не знаю. Они все равно никуда не едут – пробка. Дорога превратилась в одну огромную автостоянку; впереди, справа, крепкие кирпичные здания. На одном из них вывеска: «Лордерс. Лондонский офис». Они застряли, как крысы в гнезде.

«Сделайте что-нибудь! – кричу я водителю. – Откройте двери! Выпустите их!»

Но он не знает, что случится. И не слышит меня.

Сначала пронзительный свистящий звук, яркая вспышка, оглушительное БУМ, от которого трещит череп и звенит в ушах. А потом – крики.

Удушающий дым. Разбитые в кровь руки колотят по стеклам окон. И крики, крики... Снова свист... вспышка... взрыв... Зияющая дыра в боку автобуса, но большинство уже умолкли.

Я кашляю от дыма, едкого дыма от горящего топлива, металла и чего-то еще. Накрываю ладонями уши, но крики не стихают.

Все уходит.

Я уже не там. Я где-то еще. Кто-то еще. Ужас, дым, кровь – ничего этого нет. Все ушло, не оставив ни малейшего воспоминания. Только сон. И не больше.

И не меньше.

Я смеюсь и играю в прятки с другими детьми в моем зеленом уголке. Высокая трава и высокие деревья, яркие полевые цветы, желтые и фиолетовые. Я приседаю за какими-то кустиками и вижу свои ручки и ножки. Я – маленькая. Сердце трепыхается от волнения. Найдут или нет?

Открываю глаза и ничего не вижу. Открываю еще шире, поднимаюсь и иду на ощупь к окну. Отвожу штору, выглядываю – сегодня луны нет.

Получилось. В самой середине кошмара я сбежала в «безопасное место». Никого не разбудила своими криками, не отключилась. И уровень на моем «Лево» вполне приемлемый – 4.8.

А вот сон изменился. Деревья, трава, облака – остались. Но на этот раз я была не одна и играла в прятки с детьми. Там, в этом счастливом месте, я была ребенком.

Ужас первого сна блекнет, детали рассеиваются, как поднимающийся в небо дым. Но ощущение реальности произошедшего не проходит, как будто я сама была там в тот день и своими глазами видела, как погибали ученики. Безумие.

Глава 17

В автобус на следующее утро захожу с неприятным ощущением. Но спину мне прикрывает Эми.

Она на своем обычном месте, та, что вчера сделала мне подножку. Сидит, выпрямившись, смотрит в окно. Проходя мимо, я не спускаю с нее глаз. Больше она меня врасплох не застанет. Эми следит за моим взглядом.

– Та самая? – спрашивает она шепотом, но я не отвечаю.

Я сажусь сзади рядом с Беном.

– Бедняжка... – Он осторожно трогает мое лицо, касается нижней губы подушечками пальцев. За ночь губа распухла и потемнела и выглядит хуже, чем вчера. – Больно?

– Только если улыбаюсь.

Бен берет мою холодную руку в свою, теплую.

– Значит, сегодня никаких улыбок, – строго говорит он и делает серьезное лицо.

И сразу меняется. Общее для всех Защищенных довольное выражение исчезает, хотя глаза еще улыбаются. А у меня снова возникает чувство, что я знаю его и знала всегда и что рядом с ним мне ничто не угрожает. В груди теплеет. Приятно.

Миссис Али ждет меня в Отделении. Увидев, хмурится.

– Что у тебя с лицом?

– Упала в автобусе.

– Конечно.

– Да.

– Послушай, Кайла, если тебя кто-то донимает, скажи мне. Мы с этим разберемся. Так что на самом деле случилось?

Смотрю в ее глаза и вижу только озабоченность. Я уже почти готова рассказать, что произошло, но тут внутренний голос шепчет: «Не самая лучшая мысль».

– Споткнулась и упала.

Миссис Али качает головой.

– Ладно. Если вспомнишь что-нибудь еще, расскажи мне. Итак, мы получили результаты твоих тестов. Умная девочка. С сегодняшнего дня отправляешься прямиком в основной курс. Одиннадцатый год обучения. Получается, ты немного старше других учеников. Хотя этого никто знать не будет, если ты сама не скажешь, ведь большинство повыше тебя.

Она вручает мне расписание.

– У тебя общая группа. В английский корпус.

Я открываю расписание и пробегаю взглядом.

Сначала быстро, потом внимательнее. Общая группа, английский, математика, история, биология, самостоятельные занятия, основы естествознания, агрономия и Отделение три раза в неделю, что бы это ни значило. Основ искусства нет.

– А как же с основами искусства?

– В чем дело, Кайла?

– Основы искусства. В расписании их нет.

– Нет. У тебя пока нет права выбирать, как у других учащихся. Нам приходится учитывать наполняемость. Сейчас просто нет места.

Я смотрю на нее молча. Как же так? Единственный предмет, который я действительно хочу изучать. Предмет, ради которого я и хотела пойти поскорее в школу. Даже в больнице были уроки основ искусства.

– Но...

– Никаких «но». На все времени нет. Ты опоздаешь на урок. Если что-то будет не так, поговори с доктором Уинстон. – Миссис Али торопливо выходит. Я, как оглушенная, тащусь за ней. Так нельзя. Это неправильно. Даже сестра Пенни сказала, что мне можно заниматься искусством, если я подхожу, ведь так же? А доктору Уинстон просто нет до меня никакого дела, это же очевидно. И разговаривать с ней бессмысленно.

Миссис Али тащит меня по дорожкам и через корпуса зданий, едва успевая избежать столкновения со спешащими туда и сюда учащимися. У входа в класс она еще раз напоминает мне про карточку, потом представляет мистеру Гудману – моему тьютору и преподавателю английского. В классе уже появляются и занимают свои места другие ребята. Миссис Али уходит, пообещав вернуться и отвести на следующий урок.

Я стою растерянно у доски и не знаю, что делать.

– Подожди минутку, Кайла, – с улыбкой говорит мистер Гудман.

Ученики входят, проводят своими карточками по ридеру и рассаживаются. Звенит звонок. Последняя девочка идет от двери через класс.

– Снова опаздываешь, Феб?

– Извините, сэр, – отзывается она тоном, в котором нет и намек на сожаление, и садится за последнюю парту. Теперь единственное свободное место в классе рядом с ней. С той, которая сделала мне подножку в автобусе.

Она смотрит на мою распухшую губу и улыбается. Я смотрю на нее и не улыбаюсь. По классу проносится шепоток. Неужели все уже знают?

– Успокойтесь, 11-С. Это Кайла. Она будет заниматься в нашей группе. Я хочу, чтобы вы приняли ее радушно.

Стою рядом с ним, оглядываю комнату, полную глаз: любопытных, враждебных, неуверенных. Так или иначе все смотрят – на меня и на «Лево» у меня на запястье.

– Садись рядом с Феб, – говорит мистер Гудман.

Иду к последнему столу, и все эти взгляды как будто виснут у меня на ногах, отчего каждый шаг дается тяжелее. Отодвигаю стул как можно дальше от Феб – но при этом все равно остаюсь за столом – и сажусь. Мистер Гудман поворачивается к доске. Теперь все наблюдают за Феб.

Мой «Лево» вибрирует. Бросаю взгляд – 4.4. Феб ухмыляется, и вибрация усиливается. 4.2.

Моя соседка поднимает руку.

– Сэр! По-моему, новенькая вот-вот отключится.

И снова смешки и переглядывания. Глаза... глаза повсюду...

3.9...

Я закрываю глаза. «Зеленые деревья голубое небо белые облака зеленые деревья голубое небо белые облака...»

Слышу тяжелые шаги... прикосновение руки к плечу.

– Все в порядке, Кайла? – спрашивает мистер Гудман.

Я открываю глаза.

Да.

– Молодец. А теперь, пожалуйста, спиши с доски клятву гражданина.

Я открываю тетрадку.

На последнем утреннем уроке меня ожидает приятный сюрприз – Бен в моем классе по биологии.

Провожу карточкой по ридеру у двери и вижу, как он машет мне и говорит что-то сидящим рядом парням. Те ворчат, но пересаживаются, освобождая место рядом с ним.

– Как дела?

Я молча пожимаю плечами, но он все понимает по моему лицу.

– Ничего, дальше будет лучше, – совершенно серьезно говорит Бен. – Нет, правда. У меня первый день тоже получился поганый.

Смотрю на него и не знаю, что думать. Иногда он кажется мне таким же, как все Зачищенные, – туповатым, с глупой ухмылкой. С другой стороны, я вижу, что у него есть и свои мысли. Может быть, я не так уж и отличаюсь от других, как представляется порой. Или дело в Бене, рядом с

которым я не чувствую себя одинокой.

Он гримасничает.

– Не забывай – никаких улыбок. Это больно.

– Ах да. Верно. – Я сдерживаю только-только пробивающуюся ухмылку и улыбаюсь ему одними глазами.

Наша учительница биологии, мисс Ферн, чудаковатая и забавная. Дает задание: выбрать птиц, которыми нам хотелось бы быть, посмотреть про них в книгах и на веб-сайтах, а потом сделать постер.

Какую птицу выбрать? Не представляю. Начинаю с того, что пролистываю книгу и натываюсь на черные глазки, белые перышки, серьезную, в форме сердечка, мордочку, такую плоскую, что напоминает маску с темными прорезями. Сипуха. Что-то в сове говорит: «Это я».

Составляю таксономическое описание, отмечаю пищевые привычки и для начала делаю наброски совы в разных положениях, а уже потом рисую ее в полете, с распростертыми крыльями. Увлеченная делом, вовремя напоминаю себе не пользоваться левой рукой.

Над плечом склоняется мисс Ферн.

– Потрясающе! Кайла, у тебя талант.

Меня окружают другие ребята, и все хвалят, говорят приятные слова. В этом классе меня принимают намного лучше, доброжелательнее, хотя, может быть, лишь потому, что на моей стороне Бен. Девчонки не сводят с него глаз, и отношения с мальчишками у него ровные, дружелюбные. Он – один из них, они приняли его и теперь принимают меня. Как у него это получается?

Звенит звонок. За стеклянной стеной, в коридоре, ждет миссис Али.

– Идем на ланч? – спрашивает Бен.

Я улыбаюсь.

– Пойдем, но только дай мне минутку. – Неторопливо складываю принадлежности. Почти все ученики уже ушли, и только Бен ждет, вопросительно глядя на меня. Наберусь ли смелости?

Подхожу к учительскому столу.

– Мисс Ферн? Я... то есть... вы не могли бы мне помочь?

– В чем дело, Кайла? Смелее.

– Я хочу заниматься на курсе основ искусства, но они не дают. Говорят, у меня нет права выбора.

– Это так. Посмотрим, можно ли здесь будет что-то сделать. Не против, если я возьму вот это? – Она показывает на мой рисунок, и я протягиваю его ей.

Поворачиваюсь и... вздрагиваю – миссис Али стоит у меня за спиной,

сжав губы в тонкую линию. Я и не слышала, как она подошла. Не слышала даже, как открылась дверь.

– Мне можно пойти на ланч с Беном? – спрашиваю я.

– Нет. Согласно расписанию, у тебя ланч в Отделении, и ты должна его соблюдать. – Миссис Али поворачивается к Бену, который все еще стоит у двери. – Извини, Кайла сейчас занята.

Он машет мне и уходит.

Мы возвращаемся в Отделение, и миссис Али приглашает меня следовать за ней, но не в столовую, а в офис.

– У нас по расписанию ланч, – дерзко напоминаю я.

Она захлопывает дверь.

– Кайла, слушай очень внимательно. Ты висишь на короткой веревочке. Сорвешься – разобьешься.

Угроза? Однако же она улыбается мягкой, заботливой улыбкой.

– Не понимаю.

– Кайла, я здесь для того, чтобы помочь тебе интегрироваться в общество, стать его полезным и счастливым членом. Для этого ты должна следовать правилам. Расписание – одна из форм, которые могут принимать правила. Выходя из больницы, ты подписала договор, согласно которому взяла на себя обязанность исполнять их все: семейные правила, школьные правила, правила Группы, более широкого сообщества. – Она касается моей щеки. Пальцы у нее теплые, как и глаза, но слова холодны. – Нарушишь правила, попытаешься их обойти, и тебе не избежать последствий. Все. Отправляйся на ланч.

Глава 18

– Всем добрый вечер. – Сестра Пенни в еще одном ярком джемпере, который тоже подходит ее голосу; на этот раз он оранжевый.

Четверг, 7 вечера – время для Группы. Ни Бена, ни Тори, если уж на то пошло, не видно. Остальные на своих местах, сидят и улыбаются. Я стараюсь подражать им. Опухоль на губе не сошла, но болит уже не так сильно.

– Пусть каждый коротко расскажет, как для него прошла неделя после нашей последней встречи, – предлагает сестра Пенни и начинает с сидящих у противоположной стены. Слушая, она то и дело поглядывает на часы. Кто-то покатался верхом на лошади; у кого-то проверили зрение; кому-то купили щенка. Захватывающие истории.

Моя очередь приближается, но тут дверь вдруг распахивается, и в комнату вваливается насквозь промокший Бен. Футболка и шорты облепляют фигуру, выделяя интересные детали.

– Извините за опоздание. – Он хватается за стул, придвигает поближе ко мне, а я стараюсь не таращиться уж слишком откровенно.

Пенни делает вид, что сердится на своего любимца, но получается у нее плохо.

– Тебе не стоит бегать в такую погоду.

Бен пожимает плечами.

– Ничего страшного. Промок немного – да и только. От этого не умирают.

– Кайла как раз собиралась рассказать нам, что с ней случилось за прошедшую неделю.

Все смотрят на меня.

– Уф, в понедельник я пошла в школу. Со вчерашнего дня хожу на уроки. Мы с Беном в классе биологии.

– Ты уже на основном курсе? – удивляется Пенни. – И как? Все хорошо?

Пожимаю плечами.

– По большей части да, но... – Я замолкаю. Будет ли нарушением правил, если упомянуть, что меня не допустили до уроков основ искусства?

– Но что? – спрашивает Пенни.

– Ничего. Все в порядке.

– Не забудь рассказать про воскресенье, – напоминает Бен.

Пенни поворачивается к нему, и он объясняет:

– Мы встретились на Тейм-шоу. – Тут Бен начинает рассказывать про выставку, и все хихикают. Даже Тори тогда смеялась над их глупыми кличками и парадом овец.

– Подожди-ка, – перебиваю его я. – А где Тори?

Бен смотрит на меня, потом на Пенни, и на лице у него проступает большой вопросительный знак.

– Тори больше не в нашей Группе, – отвечает Пенни и переходит к моей соседке, которая за прошлую неделю научилась делать печенье с шоколадной крошкой. На свет появляется пакет с печеньем, и разговор на некоторое время останавливается.

Бен набрал целую пригоршню и шумно хрумкает рядом. Крошки падают на мокрую футболку, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не смахнуть их ладонью.

– Бен, – говорю я, понизив голос, – почему Тори больше не в нашей Группе? Она тебе сказала? Почему она не была в школе на этой неделе?

Он качает головой.

– Не знаю. Мне она ничего не говорила.

– И ты не беспокоишься? Может, с ней что-то случилось.

Бен ненадолго задумывается.

– Может, простудилась или что-то еще. Во-общем-то я об этом не думал, – говорит он, но по его лицу видно, что теперь задумался. – Слушай, я сегодня загляну к ней и проверю, все ли в порядке.

Сестра Пенни идет дальше, а я думаю о Тори и реакции Бена на ее внезапное, без какого-либо предупреждения, исчезновение. Она была его подругой; по крайней мере так мне казалось.

Но впечатление такое, что если бы я не спросила, он о ней и не вспомнил бы. Да я и сама ничем не лучше: заметила же, что ее нет в школе, но ничего не сделала, ни у кого не спросила – своих забот хватало.

Интересно, если я когда-нибудь тоже исчезну из-за того, что нарушу слишком много правил, заметит ли Бен мое отсутствие? Или будет преспокойно сидеть на уроке биологии рядом с другой девчонкой и ни о чем не думать?

После занятия меня задерживает Пенни.

– Что у тебя с лицом, дорогая? – озабоченно спросила она.

– Споткнулась и упала в автобусе.

– Понятно. Случайно?

Не знаю, что сказать, и молчу.

– Говори, Кайла. Я никому ничего не скажу, если ты сама этого не

захочешь.

Я качаю головой.

– Не случайно. Кто-то сделал мне подножку.

– Какой ужас. Мне так жаль. Тебе нужно быть осторожнее. Увы, не все милы и доброжелательны. Как у тебя дела в школе?

– Хорошо. Я знаю, кого опасаться.

– Дорогая, есть люди, которых следует опасаться, и ты сделала большой шаг вперед, осознав это. – Она сжимает мою руку.

Я смотрю на нее и думаю, как все запутано. Миссис Али казалась доброй и внимательной, а потом вдруг так переменилась. Сестра же Пенни, раздражавшая вначале, теперь оказалась на моей стороне.

– Спасибо, – говорю я и улыбаюсь ей. По-настоящему.

Встаю и уже собираюсь уходить, но она качает головой.

– Подожди, Кайла. Я попросила твою маму заглянуть к нам на минутку.

И почти сразу же дверь в заднем конце коридора открывается, и появляется мама.

– Ну и погодка! – Она трясет зонтиком, хмурится и направляется к нам.

Мама – еще одна загадка. На моей ли она стороне? И кто она – Дракоша или заботливая опекунша, готовящая суп, когда мне больно? Не знаю.

Они говорят обо мне, Пенни и мама, но на этот раз я не вмешиваюсь. Пенни считает, что мне уже можно дать немного свободы, позволить делать что-то самой, чтобы развивать независимость. Мама возражает, но в конце концов все же соглашается.

Вечер полон сюрпризов.

Глава 19

Поворачиваю лицо к небу. Капельки дождя такие крохотные, что ощущаются не по отдельности, а как нечто единое, сырое, влажное. Больше похожее на туман, чем на дождь. Но капельки собираются вместе и тонкими холодными струйками стекают по моему лицу. Совсем не то, что слезы, – те горячие.

– Капюшон, чтобы не мокнуть, полагается надевать на голову, а не стелить по плечам, как будто ты им дождь ловишь, – ворчит Бен, натягивая капюшон и убирая под него мои волосы. Руки у него теплые.

Наши взгляды встречаются, и его ладони замирают на моих щеках. Дождь и лес отступают далеко-далеко, а вот его глаза, глубокие, с золотыми искорками, остаются на месте.

Бен опускает вдруг руки и оглядывается по сторонам. Никого не видно, но неподалеку слышны голоса.

– Идем, – говорит он и направляется в сторону от других. Потом оборачивается и смотрит на меня. А я стою в нерешительности и не могу определиться. Идти за ним? Бен поднимает правую руку и сгибает мизинец. Смотрю на его руку, пока он не переводит взгляд на мою левую руку. Поднимаю. Он цепляет мой мизинец своим и тянет, а потом поворачивается и идет через лес. Я тащусь за ним, как на прицепе. Это так смешно, что я хихикаю.

Что Бен понемножку, по чуть-чуть уводит меня от остальных, я заметила не сразу. Зачем? День холодный, но мне жарко. У нас урок биологии, и класс разбрелся по лесу. Задание – взять образцы воды из ручья и собрать листья, чтобы потом определить по ним деревья. Голоса ребят удаляются, и вскоре их совсем не слышно.

Бен останавливается и поворачивается ко мне. Сама не знаю почему, делаю шаг назад.

– Нам ведь нужно собрать листья, да? Как насчет вот тех...

– Мне надо с тобой поговорить. – Бен уже не улыбается. Припоминаю, что он и утром, в автобусе, был сам не свой. Я еще спросила его глазами, что случилось, и он, также глазами, ответил, мол, позже.

Значит, вот оно и пришло, это позже. Он просто хотел поговорить наедине. За облегчением приходит раздражение, а потом растерянность.

– О чем?

– О Тори.

Я отворачиваюсь, чтобы он не увидел, как вспыхнули мои щеки, когда он произнес ее имя. Можно было догадаться.

– Вчера вечером, после нашего разговора в Группе, я пошел к ней домой. – Бен медлит.

Дождь усиливается, и он прислоняется к дереву. Крупные, тяжелые капли ползут по оставшимся листьям и срываются, падают на землю. Бен берет меня за руку, притягивает под толстый сук.

– Ее там больше нет, – говорит он тихо, почти шепотом, словно деревья – шпионы.

– В каком смысле?

– Я поговорил с ее мамой. Все очень странно. Сначала она сказала, что Тори не живет там больше. Я спросил почему и не уехала ли она к отцу, в Лондон. И тут мама как-то непонятно заговорила, с каким-то чудным выражением. Мол, что-то не сработало, и Тори пришлось вернуть. Потом она вроде как встряхнулась и сказала, что я не должен приходить, не должен расспрашивать. Едва ли не вытолкала меня за дверь.

– Ее вернули? – От изумления у меня глаза полезли на лоб. – А разве так можно?

Бен кивает.

– Так она сказала. Как будто речь шла о паре ботинок, которые не подошли по размеру, или посылке, которую доставили не по адресу.

– Но куда ее вернули? – спрашиваю я, и ужас начинает вытеснять шок. Тори было семнадцать, а зачищают только тех, кому не исполнилось шестнадцать. Определят ли ее в другую семью? А если нет, то что с ней сделают?

Какой-то звук, едва уловимая вибрация, приглушенная курткой.

– Дай-ка посмотреть. – Он протягивает руку. Я отворачиваю рукав и вижу его «Лево» – 4.3. – Что я могу сделать?

Бен беспомощно пожимает плечами.

– Надо бежать, – говорит он, но с места не трогается. Пальцы сжимают мое плечо, и «Лево» опять вибрирует – 4.1.

Я обнимаю его. Он кладет руки мне на плечи. Придвигается ближе. Дождь сильнее, но Бен высокий и нависает надо мной, так что на меня не падает ни капли. И даже через школьные джемперы и куртки я чувствую тук-тук-тук его сердца. Мое бьется быстрее. Я тычусь лицом в его мокрую куртку, и тепло перетекает через меня. Бен расстроен из-за Тори. И обнимать он хочет не меня.

Свист. Мы вздрагиваем и отстраняемся.

– Это мисс Ферн. Собирает всех к себе. Решила, наверно, что дождь

слишком уж сильный.

– Побежали?

Мы бежим, скользим на мокрых листьях и через две-три минуты добираемся до группы. Мисс Ферн считает учеников по головам.

Практическое занятие пришлось прервать, и учительница дает нам другое задание: ответить на вопросы.

Но сосредоточиться не получается. Что случилось с Тори? В животе у меня засело неприятное ощущение – ничего хорошего. Я знала ее недолго. У нее была привычка высказывать вслух то, о чем я только думала. На выставке мама оборвала Тори, посоветовав быть сдержаннее.

Может быть, я неправильно оценила ее тогда? Может, мама пыталась предупредить Тори?

Уровень у Бена то падает, то поднимается, и в конце концов мисс Ферн отпускает его с урока и посылает под присмотром ассистента на спортплощадку.

Звенит звонок. Мисс Ферн подходит, заглядывает мне через плечо и видит, как мало я успела сделать.

– Вот как ты меня благодаришь, – укоризненно говорит она и тут же улыбается.

– За что?

Мисс Ферн садится на стул Бена.

– Я разговаривала с мистером Джанелли, руководителем отдела искусств, показала ему твой рисунок совы. Сказала, что ты мечтаешь стать художником. – Она подмигивает.

– И?..

– Теперь он бьется за то, чтобы перевести тебя в свой класс. Посмотрим, чем это обернется, но я надеюсь, что победа будет за ним. Этому человеку долго отказывать невозможно – так или иначе он своего добьется.

В следующий раз я вижу Бена на Ассамблее.

Он сидит со своей Группой на одном из верхних рядов. Волосы влажные – то ли от пота, то ли от дождя, – и цвет лица заметно лучше. Когда мы входим, он замечает меня.

«О'кей?» – спрашиваю я одними губами. Он кивает – «да» – и даже выдавливает из себя улыбку.

Для каждого годового курса Ассамблея проводится раз в неделю; для меня эта Ассамблея первая. Я в конце ряда, Феб – довольно далеко, и ее можно не замечать. Девушку рядом со мной зовут Джулия, и мы сидели с ней на английском. Особенно дружелюбной я бы ее не назвала, но она

показала, где мы остановились в «Ромео и Джульетте», и объяснила, что и как. Все ерзают на своих местах и негромко переговариваются, но затихают, когда открывается дверь.

– Это директор, Риксон, – шипит Джулия мне в ухо. Объясняет.

Он в голубом костюме, который не очень идет ему, но держится он прямо. Глаза холодные, и, оглядывая зал, директор останавливает взгляд то здесь, то там, словно говоря: «Я за вами наблюдаю». Все замирают, как будто обратившись в камень, но кто обратил их в такое состояние, он или следующие за ним двое мужчин и женщина, я не уверена.

Лица бесстрастные, костюмы на всех одинаковые: серые пиджаки и брюки.

– Лордеры, – шепчет Джулия так тихо, что я даже не знаю, услышала это слово или оно мне послышалось.

Мы видели их на выставке, где одно их присутствие, как и здесь, повергло в безмолвие толпу. И точно так же, как тогда, в животе у меня затягивается холодный узел страха.

Кто такие лордеры? Так получилось, что я и знаю, и одновременно не знаю ответ на этот вопрос. А потом вспоминаю сон: взрывающийся школьный автобус, умирающие ученики и вывеска на здании рядом с автобусом с надписью «Лордерс. Лондонский офис». Но если то был сон, реакция мозга на мое знакомство с мемориалом, как получилось, что я вставила в него лор-деров, не зная, кто они такие? А если сон был необычный? Может, убившие школьников бомбы предназначались лордерам? Но если то был не сон... то почему я попала туда? Шесть лет назад мне едва исполнилось десять. Бессмыслица какая-то.

Лордеры отходят в сторону, словно показывая, что они посторонние, что они только слушают и смотрят.

Риксон обращается к Ассамблее, и я отрываю взгляд от троицы в серых костюмах и стараюсь сосредоточиться на его словах той частью мозга, которая не застыла от шока. Между тем Риксон говорит о том, что наша школьная команда по бегу по пересеченной местности возобновляет тренировки по воскресеньям, и выражает надежду на нашу поддержку и участие, а потом называет имена учащихся, дошедших в прошлом году до финала. Командный отбор будет проходить в следующем месяце. Потом он с горечью добавляет, что некоторые школьники не в полной мере реализуют свой потенциал, и призывает проявить больше усердия.

Все встают, и Джулия толкает меня локтем в бок, чтобы я поднялась тоже. Вытянувшись гуськом, мы движемся к выходу – мимо лор-деров. У меня перехватывает дыхание, но я все же иду, переставляю поочередно

ноги и смотрю строго перед собой. И все равно ежесекундно ожидаю прикосновения к плечу холодной руки.

Нескольких учащихся останавливают у выхода и отводят в сторонку. Идущие мимо бледнеют и старательно отводят глаза. Может быть, это они не реализовали в полной мере свой потенциал.

Может быть, это случилось и с Тори.

Глава 20

Металлической штучкой, напоминающей лопатку для торта, он наносит на верхний ряд что-то белое и по одному кладет сверху кирпичи. Подхватывает белые потеки, разглаживает. Потом переходит к другому ряду.

Я смотрю. Несколько раз он отрывается от дела, поглядывает в мою сторону, но продолжает работать.

Понимаю, что паяться на людей нельзя, что большинству это, как правило, не нравится. Но ничего не могу с собой поделать.

Кирпич за кирпичом. Над землей уже поднялись пять рядов.

Проторчу здесь еще – будут неприятности. Уж мама-то точно знает, сколько требуется времени, чтобы дойти до угла следующей улицы и бросить письмо, которое я все еще держу в руке, в почтовый ящик. В первый раз мне позволено пойти куда-то одной. Если не справлюсь с поручением, первый, вполне вероятно, станет последним.

Он снова поднимает голову, потом опускается на корточки. Ему лет тридцать, на нем синий комбинезон в пятнах краски, цемента и сажки. У него замасленные волосы. Он сплевывает на землю.

– Ну?

Я вздрагиваю.

– Хочешь чего-то, дорогуша? – Он усмехается и бросает взгляд на мое запястье.

– Извините. – Я поворачиваюсь и мчусь по улице, до самого угла. Вслед мне катится смех.

Бросаю письмо в ящик и возвращаюсь той же дорогой. В том месте, где он работает, стоит белый фургон с надписью «Бест. Строительные работы» на боковой дверце. Он занят тем же, выкладывает кирпичную стену сада.

Увидев меня, каменщик свистит. Я иду и не обращаю внимания, хотя щеки горят от стыда.

– Что так долго? – спрашивает мама. Она сидит на ступеньке крыльца и, как только я выхожу из-за угла, сразу же машет мне рукой.

– Ничего. Просто прогулялась.

– Все в порядке?

– Да, все хорошо. – Я поворачиваю к лестнице.

– Куда идешь?

- Домашнюю работу делать. – А вот это уже вранье.
- Правильно. Прилежная ученица, да? Обед через час.

У себя в комнате я закрываю дверь и трясущимися руками достаю альбом для рисования. Уровень начинает падать: 4.4... 4.2...

Рисую стену. Кирпич за кирпичом, ряд за рядом стена поднимается над землей. Карандаш летает все быстрее и быстрее; уровень уже не падает и даже понемногу подрастает к отметке 5. Мне нужно закончить стену. Выполнить рисунок правой рукой – чтобы все было правильно: Тори вернулась, лордеры в школе, лордеры в моем сне. Почему-то я знаю, что если построю стену, то все будет хорошо.

«Зеленые деревья голубое небо белые облака зеленые деревья голубое небо белые облака...»

- Не самая интересная тема.

Я едва не подпрыгиваю. Эми. Открыла дверь, прошла через комнату и заглянула мне через плечо – я даже не услышала.

Закрываю альбом и пожимаю плечами. Мне уже спокойнее – рисунок закончен, кирпичи заняли всю страницу, не оставив свободного места. Не знаю почему, но это важно.

Почему?

За обедом я почти забываю о стене. Мама ошарашивает заявлением насчет того, что Эми уже достаточно взрослая, чтобы встречаться, если ей так хочется, с Джаззом. Это их общее с папой решение. Мою посуду – новизна прошла, и я начинаю понемножку ненавидеть это занятие. Потом делаю домашнюю работу, на этот раз уже настоящую.

Прежде чем лечь спать, достаю рисунок и проверяю, нет ли в стене зазоров и щелей, через которые можно пробраться. Кто или что может пробраться, я не знаю. Затушевываю по краям и наконец откладываю рисунок и закрываю глаза. Забыться, уснуть и ничего не видеть.

Но перед глазами кирпичи – их кладут один за другим на поднимающуюся стену.

Кирпич... раствор...

Стена.

Боль растекается по ногам, заполняет грудь. Сил больше нет. Я падаю на песок.

Пусть кричит, угрожает, умоляет – вскоре все это будет неважно.

Ближе.

Он опускается на колени, держит за плечи и смотрит в глаза. «Никогда не забывай, кто ты. Пора. Быстрее! Строй стену!»

Ближе.

И я строю стену. Кирпич за кирпичом, ряд за рядом. Я окружаю себя башней.

«Никогда не забывай, кто ты!» – кричит он и встряхивает меня, когда я кладу на место последний кирпич. Отрезаю последний лучик света.

Теперь вокруг лишь тьма и звуки.

Жуткие крики раскалывают голову. Ужас и боль. Загнанный в угол зверек дрожит в ожидании смерти.

Или чего-то еще хуже.

Не сразу, но до меня доходит...

Это же я.

Внезапно, я словно переношусь в калейдоскоп, все сдвигается и меняется. Трава щекочет босые ноги. За деревьями слышатся детские голоса, но я лежу, скрытая высокими стеблями, и смотрю на ползущие по небу облака. Сегодня мне не хочется играть.

Мало-помалу облака и трава уплывают. Я открываю глаза, на сегодня хватит. Больше я их не закрою.

Сработало. У меня снова получилось – укрыться от кошмара в моем «безопасном месте».

Только на этот раз, как бы ни было ужасно, я не хотела его покидать. Я знала и не сомневалась, что вот-вот найду нечто важное. Как будто укладка кирпичей, одного за другим и каждого на свое место, затронула что-то скрытое глубоко внутри. Показала след, идя по которому можно наконец понять, кто я или что я и что со мной не так.

Кто преследует меня? Кто он, тот человек? «Никогда не забывай, кто ты» – так он сказал.

Но я забыла.

И самое главное: почему и как я строила стену?

Глава 21

Я еду в больницу. Впервые с тех пор, как меня выпустили оттуда. Ощущения странные. В тот день я так боялась покинуть ее стены и окунуться в большой мир. И вот, кажется, прошла вечность, целая другая жизнь, которая на самом деле исчисляется днями.

Встреча с доктором Лизандер назначена на 11 часов, но мы можем опоздать. Более того, можем вообще туда не попасть. Эми развернула карту и отыскивает альтернативные маршруты, а мама негромко клянет все на свете и, переключаясь со станции на станцию, слушает дорожные сводки.

– На последнюю милю у нас ушло двадцать минут. Можно поворачивать и ехать домой, – ворчит она.

– Давай повернем на следующем съезде? – предлагает Эми. Ей очень хотелось поехать с нами, и она даже убедила маму, что, может быть, встретит доктора Лизандер. Упустить такой шанс она не хотела.

Мама выключает радио и сердито хмурит брови.

– Никаких сводок. Не нравится мне это. Что-то происходит. Эми, найди мой телефон и позвони папе.

Эми находит телефон в маминой сумочке и тычет пальцем в кнопки. Я наблюдаю за ней с удивлением. Пользоваться мобильными разрешено с двадцати одного года. Может, все дело в том, что мама сама разрешила ей воспользоваться телефоном?

– Никто не отвечает. Оставить сообщение?

– Да. Скажи, что мы застряли, и попроси позвонить.

Машина медленно ползет вверх по скату. Над головой пролетают вертолеты. Мы уже почти на вершине холма. Останавливаемся. Слышны сирены. Мимо проносятся черные фургоны.

Звонит телефон. Мама отвечает.

– Понятно... Хорошо... Пока.

Она дает отбой.

– Впереди дорожные посты. Думаю, нам беспокоиться не о чем.

Движение возобновляется. Мы добираемся до вершины холма. По другую сторону трасса М-25. Ползем как черепахи, и снова остановка. Мужчины в черном, похожие на больничных охранников, проверяют идущие в обе стороны машины. Нам машут – проезжайте.

– Кто они такие?

– Лордеры, – отвечает Эми.

Я оборачиваюсь. Эти не в серых костюмах, а в черном: черные брюки и длинные черные рубашки, сверху какие-то жилеты. Если они одеты как больничные охранники, то, может быть, те охранники тоже лордеры?

Мне становится не по себе, но я все же задаю вопрос, которого долго избегала:

– А кто такие лордеры?

Мама поворачивается и вскидывает брови.

– Разве ты не знаешь? Агенты «Закона и порядка». Выслеживают бандитов и террористов. Вот и сейчас кого-то ищут.

Должно быть, они действительно очень хотели найти кого-то, если решились останавливать и осматривать каждую машину на автотрассе.

– Но это те же люди, которые были на выставке и в школе? – спрашиваю я. – Только не в черных костюмах, а в серых, да?

– Да, на выставке были они, уж и не представляю зачем. Обычно они в сером, но для оперативной работы – а в наше время это по большей части контртерроризм – одеваются в черное. Раньше занимались бандами. Но чтобы лордеры пришли в школу... – Мама хмурится. – Эми, это правда?

Эми кивает.

– Иногда они являются на Ассамблеи. Не всегда. В последнее время приходят чаще.

Слева от нас расстилаются поля, за ними – деревья. Краем глаза ловлю какое-то движение, блеск, как если бы солнечный луч отразился от стекляшки или металла.

– Там кто-то есть, – говорю я.

– Где? – спрашивает мама.

– В лесу. – Я протягиваю руку. – Вон там что-то блеснуло.

– Уверена?

– Да.

Она снова достает телефон, но в том месте, куда я указала, появляется вертолет, а к деревьям бегут какие-то люди.

Мама убирает телефон.

Рат-та-тат-та-тат...

– Что они делают? – удивленно спрашиваю я. – Неужели стреляют в кого-то?

– В террористов, – фыркает Эми. – Свобода или смерть, такой у них девиз? Вот и получили – смерть.

Через какое-то время движение возобновляется. Мама звонит в больницу и сообщает, что мы опаздываем.

К Новой Лондонской больнице мы подъезжаем по той же дороге, по

которой уезжали из города почти две недели назад: те же картины разворачиваются передо мной в обратном порядке. Кишащие людьми и машинами пригороды; офисы и квартиры в разгар рабочего дня. Чем ближе к месту назначения, тем больше охранников на углах. Все в черном – лордеры. Люди обходят их стороной, словно натываются на невидимый запретный барьер.

Только-только впереди появляются сторожевые башни больницы, как на дороге возникает очередной контрольный пункт. Снова лордеры. Мы опять застреваем в очереди между грузовиком и автобусом, и перед моими глазами мелькают картины из сна: свист, вспышка, взрыв. Глаза бегают по сторонам, но не находят ничего подозрительного. Лордеры проверяют каждую машину, и мы дюйм за дюймом продвигаемся вперед. Но потом, как и на автостраде, нас пропускают без досмотра, просто машут – проезжайте. На этот раз я замечаю, что лордеры, увидев маму, касаются правой рукой левого плеча, а потом протягивают вперед ладони.

– Почему нас не останавливают, как других? – спрашиваю я.

– Иногда быть дочерью моего отца имеет свои плюсы, – говорит мама, и я вспоминаю Уэма, человека, разгромившего банды, тридцать лет назад терроризировавшие страну.

– Что ты имеешь в виду?

– Почему ты задаешь так много вопросов? – бросает она. Потом вздыхает. – Извини, Кайла. Поговорим об этом как-нибудь в другой раз, ладно?

– Почему во сне ты играешь в прятки? – Доктор Лизандер откидывается на спинку и складывает руки на груди. Смотрит и ждет.

Я уже решила, что должна дать ей что-то настоящее, что-то значимое. Я никогда не рассказывала ей о береге, страхе, бегстве: в различных формах это все повторяющийся сон, появившийся тогда же, когда я впервые осознала, что нахожусь в больнице.

И дело даже не в том, что доктор отлично разбирается в мимике, произвольных жестах, движении глаз, моргании, то есть во всем том, что можно наблюдать и интерпретировать. Все еще проще, когда у меня на запястье «Лево», прибор, осуществляющий мониторинг моих эмоций. Ей достаточно просканировать его, чтобы понять, говорю ли я правду или лгу. Впрочем, доктор Лизандер уверена, что обращаться к помощи каких-то штучек ей совсем ни к чему. И, надо признать, ее уверенность оправданна.

И все же обман не исключен полностью, хотя это и нелегко. Я чувствую себя иллюзионистом, задача которого состоит в том, чтобы отвлечь ее внимание от того самого объекта, который она намерена

исследовать. И при этом не выдать себя.

– Можно спросить? – говорю я.

Доктор Лизандер откидывается на спинку стула. Она часто отвечает на вопросы – надо только осмелиться спросить. Но для начала все же лучше убедиться, что она в подходящем настроении.

Наклоняет голову вперед. Разрешение даровано.

– Почему вас так интересует эта игра в прятки? Сон же счастливый, я просто играю. В нем не случается ничего плохого.

– Что он означает?

– Не понимаю.

– Ты прячешься от других, и это твоя игра, понимаешь? Почему ты прячешься? Что ты прячешь?

О... Я на секунду задумываюсь. Неужели я прячу что-то? Вот уж не знала.

Уезжаем из больницы. Все почти так же, как и в тот день, когда я познакомилась со своей семьей. Поднимаемся по винтовому пандусу к воротам. У нас с Эми проверяют уровень «Лево». Охранники мельком осматривают машину и поднимают наконец шлагбаум. Ограда и сторожа остаются позади, и я облегченно вздыхаю. Сегодня весь больничный комплекс как будто давил на меня, выжимал из легких воздух. Как я прожила здесь так долго?

И охранники... Они ведь тоже лордеры. Живя за этими стенами, я принимала все как само собой разумеющееся: башни с пулеметами, зарешеченные окна, патрульных с собаками. Высокие заборы.

Для чего это? Чтобы не впускать или чтобы не выпускать?

Всю обратную дорогу из больницы я смотрю в окно. Мама за рулем и занята своими мыслями. Эми дуется – ее герой, доктор Лизандер, не нашла времени, чтобы поговорить с ней, и даже как будто не заметила.

Мы едем домой. А он мой? Я привыкаю к нему, чувствую себя комфортнее. Я больше не просыпаюсь по утрам, не зная, где нахожусь, и легко ориентируюсь в темноте. Прохождение через больничный пост охраны, за колючей проволокой и сторожевыми вышками вызывает клаустрофобию: хочется выпрыгнуть из машины и бежать, бежать из города в деревню. Подальше от этих улиц с вооруженными людьми, этих спешащих толп, этих автострад с блок-постами и черными фургонами.

По крайней мере, доктор Лизандер согласилась с сестрой Пенни и порекомендовала маме давать мне больше самостоятельности, позволять гулять одной. Чему мама не обрадовалась, так это высказанному доктором Лизандер желанию видеть меня не раз в две недели, а каждую неделю. Так

что теперь нам придется проезжать этим маршрутом каждую субботу.

Мы уже почти дома, когда я вспоминаю кое-что. Почему мама звонила папе насчет того, что происходит на дороге? По радио об этом ничего не говорили, ни тогда, ни теперь.

Откуда же ему было знать?

Глава 22

Воскресное утро встречает нас сияющим голубым небом и морозцем: вылетевшее изо рта дыхание обволакивает лицо белой пеленой. В ожидании автобуса, который повезет нас на тренировку по бегу по пересеченной местности, я ежусь, топчусь на месте и похлопываю ладонями. Школьники понемногу подтягиваются к остановке. Появляется и учитель с блокнотом.

За автобусом к школе подкатывает автомобиль с Беном за рулем. Я жду его, остальные забираются в автобус.

Бен удивленно улыбается.

– Я и не знал, что ты побежишь.

К участию в тренировке меня подтолкнуло то ужасное ощущение, которое возникло вчера в больнице. Я знаю, почему бежит Бен; я, бывало, тоже бегала в больничном спортзале. Их называют эндорфинами, эти химические соединения, вырабатываемые организмом, когда бежишь и бежишь, бежишь, преодолев точку изнеможения и мышечной боли, когда уже не чувствуешь, что ты делаешь с собственным телом, а ощущаешь только струящееся по венам радостное возбуждение, когда не хочешь останавливаться, и все внутри успокаивается и становится кристально ясным и понятным. И может быть, отчасти я хочу бежать из-за сна, в котором не могу бежать и падаю. Мне хочется научиться убегать.

Мама не сразу поверила в серьезность моих желаний, так что пришлось напомнить ей рекомендации доктора Лизандер насчет предоставления мне большей свободы. Эми же только ухмыльнулась и, когда мы остались вдвоем, отпустила пару шпилек.

Тренер по бегу, мистер Фергюсон, увидев меня, делает большие глаза и картинно вздыхает.

– Только еще одной фанатки и не хватало, – говорит он и косится на Бена. Кое-кто из мальчишек глуповато улыбается, и до меня начинает доходить, о чем тут речь.

– Я сама бегаю, – сердито говорю я, чувствуя, как розовеют щеки.

– Что ж, малышка, посмотрим, – смеется мистер Фергюсон.

Всего собралось около дюжины мальчишек и примерно столько же девчонок. Все, похоже, знают друг друга, и все повыше и покрупнее меня, так что я и впрямь «малышка».

В автобусе сажусь к окну. Бен пристраивается рядом. Мы отъезжаем от

школы, и он, наклонившись, шепчет мне на ухо:

– Это правда?

– Что?

– Что ты здесь только из-за меня?

– Нет! – Я возмущенно щипаю его за руку.

– Уу! – Бен трет локоть. – А я, признаться, надеялся...

Я смущенно отворачиваюсь. Неужели он серьезно? А как же Тори? Не знаю, что сказать, а потому молчу.

Десятикилометровый маршрут проложен по сельской местности: тропинки пересекают поля и лесные массивы, холмы, канавы и ручьи. Не совсем то, к чему я привыкла в спортзале. Справлюсь ли? Всем, кроме меня, маршрут знаком. Фергюсон показывает карту и говорит, что на маршруте есть курсовые указатели – оранжевые флажки. Я внимательно просматриваю карту – нескольких секунд вполне достаточно, чтобы заложить курс в память.

Первыми стартуют парни; один за другим они бегут через поле, и я провожаю их взглядом. Нам нужно подождать десять минут. Я делаю разминку.

– Тебя ведь на других тренировочных забегах не было, – говорит, подходя, мистер Фергюсон.

– Нет. Я не могла, потому что в школу только неделю назад пришла.

– И то верно. Будь осторожна, смотри под ноги и постарайся рассчитать силы. Десять километров – путь долгий. Огребаю каждый раз, когда приходится вызывать «Скорую».

– Вы такой заботливый.

Он смотрит на меня удивленно и смеется.

– Ха! Ты права. Ладно, посмотрим, на что ты способна, а?

Вид у некоторых девушек не слишком довольный.

Тренер дает нам старт.

Вначале мы бежим через поле. Не привыкшая к неровной поверхности, я не тороплюсь, постепенно вхожу в ритм. Парни уже скрылись из виду, а мы растягиваемся, и я оказываюсь где-то в конце середины.

Солнце. Ноги движутся в своем ритме, сердце стучит в своем, чуть быстрее. Хорошо.

Тропинка уходит в лес. Пора прибавлять.

За поворотом лежащая на земле ветка внезапно поднимается прямо передо мной. Ни уклониться, ни перепрыгнуть времени уже нет. Нога цепляется, и я, выставив руки, лечу вперед и тяжело бухаюсь на тропу. Две

девушки выскакивают из кустов, бросают ветку и со смехом убегают.

Не могу продохнуть. Лежу на земле, хватая воздух открытым ртом, как выброшенная на берег рыбина. Дыхание постепенно восстанавливается. Я пытаюсь сесть.

Мимо пробегают еще несколько девушек. Одна останавливается.

– Ты как?

Я только машу рукой, и она бежит дальше.

Теперь они все впереди.

У меня царапины на руке и порез на колене. Осторожно поднимаюсь, осматриваю ноги.

Вроде бы все в порядке. Ладно, по крайней мере, Фергюсону не придется огребать за вызов «Скорой». Меня распирает злость. Чтоб их! Зачем же так? Дышу глубже и медленнее, чтобы успокоиться. Проверяю «Лево» – 5.8. Бег поднимает уровень.

Я бегу снова.

Бегу быстро. Потом еще быстрее.

Кое-где, как и сказал Фергюсон, встречаются маршрутные указатели, оранжевые флажки. Но потом, вот что странно, у развилки флажок почему-то оказывается не на правой – как должно быть – тропинке, а на левой. Я останавливаюсь, закрываю глаза, вызываю из памяти карту, которую запомнила перед стартом. Так и есть, флажок определенно не на той стороне.

Кто-то ведет другую игру? Неважно. Карта надежно спрятана у меня в голове. Я оставляю флажок на месте и бегу дальше.

Вскоре я перегоняю девушку, которая интересовалась моим самочувствием, потом нескольких других. Я там, в том месте, где бежать и дышать – это и есть все, и где все – это чувствовать землю под ногами и лететь вперед. Я вся забрызгалась грязью, когда бежала вдоль ручья, царапины на руке и колене сочатся кровью, но мне нет до этого никакого дела.

Я обхожу двух девчонок, сбивших меня веткой на повороте. Обхожу с запасом. На их лицах удивление. Они пытаются прибавить, но не могут. И исчезают из виду у меня за спиной.

Обгоняю еще одну. И еще нескольких. Я сбилась со счета – остался ли кто-то еще впереди? Пройти нормально меня уже не устраивает – я хочу быть первой. И прибавляю.

Обхожу двух или трех мальчишек, потом еще нескольких, и далеко впереди появляется финиш, то место, откуда мы стартовали.

Я прохожу вершину холма, и Фергюсон, Билл и с полдюжины парней

подбадривают меня криками.

Пересекаю финишную линию. Тренер смотрит, прищурясь, на секундомер и качает головой.

– Ты что же, весь маршрут на спринте прошла?

Я останавливаюсь, пытаюсь ответить, но не могу. Мир начинает кружиться...

– Не отвечай! Пошла!

Хрипя, сдерживая тошноту, бегу вокруг автомобильной стоянки. Бегу, понемногу сбавляя, и наконец, чувствуя, что меня уже не выворачивает наизнанку, останавливаюсь.

К финишу подтягиваются мальчишки, потом девчонки.

– Что случилось? – спрашивает Фергюсон, заметив кровь у меня на руке и ноге.

Я пожимаю плечами.

– Споткнулась. Все в порядке, «Скорая» не понадобится.

Он смеется, достает аптечку и накладывает повязку на мое колено.

– А мы с тобой хорошая пара, – говорит Бен, когда мы садимся в машину.

– Да?

– Я пришел первым из парней, ты – первой из девушек.

– Ты пришел раньше меня – на сколько?

Бен пожимает плечами.

– Минут на пять, а что?

– Мы стартовали через десять минут после вас. А значит, я прошла маршрут быстрее тебя.

Удивление на лице Бена сменяется ухмылкой.

– Хорошо. Теперь у меня появилась причина тренироваться усерднее.

Он смотрит на мой «Лево» – 8.1 – и показывает свой – 7.9.

– Ты и здесь меня обошла. – Автобус трогается, и Бен наклоняется ко мне. – Так что сейчас самое время... – Он говорит так тихо, что мне приходится наклониться, и я рада этому. Его тело пышет жаром, а мое холодеет с каждой секундой.

– Время для чего?

Бен уже не улыбается.

– Я тут проверил кое-что, порасспросил...

– О чем?

– Тори не первая, кто исчез. В нашей школе были и другие Защищенные, которые пропадали внезапно и без всякого объяснения.

– Их возвращали, – шепчу я и невольно сжимаюсь от холода. Бен

обнимает меня за плечи.

– Это не все. Пропадали не только Защищенные. Как те трое, которых увели в пятницу с Ассамблеи. Теперь их тоже нет, и такое случается не впервые.

– То есть обычные люди тоже пропадают? Тех, кто был на Ассамблее, увели лордеры. Должно быть, они их и забрали. – Живот сводят спазмы.

– Но зачем?

– С ребятами дело более или менее понятное. Я слышал, что одного взяли с мобильным телефоном. Второй тоже был придурок, вечно лез в драки и во все такое. Может, в банде состоял?

– А девушка?

Бен пожимает плечами.

– Ничего плохого она не сделала. Но была очень умная, задавала учителям неловкие вопросы. По истории. Типа, почему делалось так и не делалось этак.

Задавала неловкие вопросы. Как Бен.

– Тебе нужно остановиться. Перестань расспрашивать, а иначе можешь оказаться следующим.

– Но как же Тори? Если никто не будет спрашивать, то никому и дела до нее не будет. Неужели не понимаешь? На ее месте может оказаться любой, ты или я. Нет, я должен выяснить, что с ней случилось.

– Не хочу, чтобы ты исчез, – шепчу я, и он обнимает меня крепче. В его объятии глина и пот, и его сердце бьется под моим ухом.

Парни сзади начинают шуметь и посвистывать.

– Никаких обнимашек в автобусе! – кричит, обернувшись, Фергюсон. Я выпрямляюсь, но Бен не выпускает мою руку.

Держит так же крепко, как держал руку Тори.

Сюрприз! Автобус возвращается к школе, и там меня ждут двое, мама и папа. Я машу на прощание Бену и другим и иду к машине, грязная и усталая, с перевязанной коленкой. Тело как будто одеревенело, и каждый шаг дается с напряжением.

Мама выскакивает из машины с перекошенным лицом.

– Что, черт возьми, с тобой случилось?

– Со мной все в порядке. И посмотри. – Показываю ей «Лево» – 6.6. Даже с учетом нашего невеселого разговора на обратном пути бег определенно наилучший способ для поддержания высокого уровня.

– Посмотри, в каком ты состоянии! – Она поворачивается и с решительным видом направляется к мистеру Фергюсону. Папа тоже выходит из машины и оглядывает меня с головы до ног.

– Здорово было, да? – улыбается он.

– О да. – Улыбаюсь в ответ и прислоняюсь к машине, чувствуя, что иначе упаду. Папу я не видела с той ночи, когда он напугал меня в темной кухне. Но сейчас он совсем другой – довольный, спокойный, ничуть не похожий на того хмурого, сурового дознавателя, который расспрашивал меня едва ли не до полуночи.

– Как прошло?

– Закончила первой.

– Ух ты! – Он поднимает руку. – Давай пять?

– Что?

– Подними руку... вот так. – Я поднимаю, и он хлопает ладонью о мою ладонь, а потом кивает вслед маме и подмигивает: – Если будешь продолжать, ей это не понравится. Терпеть не может грязь и кровь.

Вечером на обед приходит Джазз. С лица Эми не сходит широкая глуповатая улыбка, мама изо всех сил старается казаться добрым драконом, а папа отпускает неудачные шутки. Джазз отзывается на «Джейсона» и почти не разговаривает, смирившись со своей участью и ограничившись двумя фразами: «да, пожалуйста» и «спасибо». Я сосредотачиваюсь на еде.

– Проголодалась? – удивленно спрашивает мама, когда я тянусь за второй порцией жаркого с картошкой. Подливка и йоркширский пудинг – ням-ням.

Пожимаю плечами.

– Я пробежала сегодня десять километров.

– Обязательно возьми овощей. – На моей тарелке уже лежат несколько похожих на крохотные деревья зеленых стебельков. Пока что мне удавалось их обходить.

– Что это?

– Брокколи. Ты что же, еще не пробовала? – удивляется она.

– Не помню. – Все смотрят на меня, и мне ничего не остается, как подцепить зелень вилкой, отправить в рот и прожевать. Брокколи – упругая и ужасная. Пытаюсь проглотить, но организм протестует, и горло сжимается. Я давлюсь и кашляю.

– Все хорошо? – Мама привстает со стула, но я поднимаю руку, и она садится. Кусочек брокколи проскальзывает дальше, а остальное, когда никто не смотрит, я выплевываю на салфетку, а потом отправляю в мусорную корзину. Отвратительно.

Глава 23

– Пропустишь урок. Отправляйся прямиком к доктору Уинстон, – говорит миссис Али. – Быстрее.

– Что? Почему? – Я поворачиваюсь, но по ее лицу ничего не понять.

– У нее и узнаешь. Иди наверх и жди. – Она улыбается, но легче от этого не становится.

В чем дело? Я поднимаюсь по лестнице и сажусь, сцепив пальцы. Может быть, они каким-то образом узнали, что мы с Беном говорили об исчезнувших людях? Может быть, в автобусе установлены подслушивающие устройства и лор-деры прямо сейчас вытаскивают его из класса? Может быть...

Дверь открывается, из кабинета выходит какой-то мальчик.

– Следующий!

Поднимаюсь и вхожу. Провожу карточкой по сканеру, закрываю дверь и сажусь.

– Доброе утро, Кайла! – Она улыбается накрашенными губами.

– Здравствуйте.

– Со мной разговаривал один учитель. И знаешь о чем? – Доктор Уинстон поджигает губы. Я напрягаю память. Учитель? Что такого я могла натворить?

– Кто-то из наших учителей? Я... нет, не знаю.

– Успокойся. Не паникуй. Да, один из твоих учителей, но ты пока еще его не знаешь. Мистер Джанелли, руководитель отделения искусств. Похоже, он увидел какой-то твой рисунок и теперь добивается твоего перевода в свой класс.

– Правда? – Я чувствую, как растягиваются в улыбке губы.

Она хмурится.

– Он был в высшей степени назойлив.

– Мне очень жаль, но... Так я могу ходить к нему на курс?

– Да. Вот твое новое расписание. – Миссис Уинстон сует мне листок. – Теперь, чтобы все сошлось, придется передвинуть математику. У тебя будет два занятия в неделю во время ланча, а остальными днями распоряжайся отныне как хочешь.

– Спасибо. Спасибо большое. Я...

– Все, иди.

Я торопливо встаю, иду к двери и провожу карточкой по сканеру.

– И да, Кайла?

Поворачиваюсь.

Да?

– Не слишком-то радуйся. Я не хочу, чтобы ты меня беспокоила или чтобы кто-то беспокоил меня из-за тебя в ближайшее время. Это понятно?

Последние слова доктор Уинстон произносит с милой улыбкой, отчего они звучат особенно неприятно.

Я прячу улыбку, киваю – да, понятно, – вылетаю из офиса и мчусь вниз по лестнице.

Мистер Джанелли, мой защитник и спаситель, встречает меня совсем не так, как я ожидала.

– Ты кто? – сурово вопрошает он, когда я проскальзываю в класс после звонка.

– Кайла Дэвис.

– Кто?

– Новая ученица. Вы разговаривали насчет меня с доктором Уинстон?

При упоминании имени на его лицо наползает грозная тень.

– Ага! Девочка с совой. Это из-за тебя мне пришлось вынести три встречи с этой невыносимой женщиной.

Я нервно оглядываюсь, но дверь закрыта, и миссис Али ушла. Обвожу взглядом учеников, и настроение падает – Феб. Замечательно. Мы с ней снова вместе, теперь и на этом курсе.

Между тем мистер Джанелли выхватывает из стопки на столе мой набросок с совой, показывает всему классу и начинает объяснять, как я могла бы сделать его лучше. И да, тут он прав.

Но сегодня у нас живопись.

Что бы изобразить?

Мое безопасное место. Может быть, мне будет легче попадать туда. Начинаю с неба. Смешиваю краски на палитре, добавляю белого для кудрявых облачков, подчищаю мастихином. Я так увлечена работой, что почти не слышу голосов за спиной.

– Интересно, что такое она натворила, чтобы ее зачистили?

– Держу пари, ничего хорошего.

– Вряд ли что-то серьезное – такая дохлая да еще и размазня.

– Может, издевалась над малышами – они же отпора дать не могут.

– Или подожгла свой дом и поджарила заживо родителей. Типа приготовила барбекю из папочки и мамочки. То-то, наверно, криков было.

Оборачиваюсь.

– А может, перерезала кому-то горло мастихином. – Я взвешиваю

ножичек на ладони.

Подруга охает и откидывается назад, но Феб смеется.

– Ты же знаешь, что бы она ни сделала раньше, теперь она никому не может навредить. А если попробует, умрет. У нее просто мозги расплавятся!

Я отворачиваюсь и возвращаюсь к работе.

«Зеленые деревья голубое небо белые облака зеленые деревья голубое небо белые облака...»

– Ну как? – с милой улыбкой спрашивает на перемене миссис Али. – Довольна новым расписанием?

А я не знаю, что сказать. Да – потому что, даже принимая во внимание гадости, которые говорили Феб с подругой, мне там нравится? Или быть посдержанней, чтобы она не подумала, будто я радуюсь тому, как ловко обошла правила?

Она смеется.

– Посмотрела бы ты на себя со стороны.

Миссис Али определенно в хорошем настроении сегодня.

Я неуверенно улыбаюсь.

– Мне нравится на основах искусства. Этот курс... – стараюсь вспомнить, что там говорил директор на Ассамблее, – поможет мне полнее раскрыть мой потенциал.

– Не повторяй чужие слова, Кайла. Ты подписала контракт и должна делать все, чтобы его выполнить.

– Можно вопрос?

– Конечно.

– Что бывает, если кто-то не выполняет контракт? Их могут... вернуть?

Миссис Али смотрит мне в глаза. Что-то мелькает на ее лице. Мелькает так быстро, что я не успеваю понять, что именно. Она снова улыбается.

– Держись потише, Кайла. Не высовывайся какое-то время. Пусть доктор Уинстон забудет, как ты ее допекла.

Мы идем на следующий урок, и я думаю о том, что она сказала. Мой вопрос так и остался без ответа. И это уже можно понимать как своего рода ответ.

Глава 24

Шлепаю по беговой дорожке.

«Может, издевалась над малышами... Или подожгла свой дом и поджарила заживо родителей. Типа приготовила барбекю из папочки и мамочки... Или перерезала кому-то горло мастихином».

Я прибавляю... быстрее... быстрее...

Представляю себя с ножом. С острым ножом из кухни – мастихин слишком тупой. Или устраиваю пожар – обливаю стены бензином и бросаю спичку. Или так: в руке стеклянная бутылка с горючей жидкостью и подожженная тряпка... все летит в окно... Осталась бы послушать крики? Нет. А уверена, что тебе это сошло бы с рук?

В том-то и дело, что не сошло бы. Вот так-то.

Дорожка расплывается перед глазами, и я бегу, чтобы удержать уровень, но мысли и образы лезут и лезут в голову.

Как насчет издевательств над детьми? Нет, этого я не могла. Или могла? Вспоминаю сон – автобус, разорванные на куски ученики. Практически дети.

Могла ли я сделать это?

Кто-то приближается сзади. Я прибавляю, но они догоняют... расстояние сокращается... Поворачиваю голову вправо – Бен.

– Ого. Так это ты.

Я киваю, говорить не могу – легкие изо всех сил стараются удержать необходимый организму запас кислорода.

Еще несколько кругов... еще... Бен рядом. Урок основ искусства закончился, но сказанное Феб не выходит из головы. После утренней смены я пошла в спортзал на беговую дорожку; сегодня первый день, когда мне не надо идти в общую группу на ланче. Присутствие Бена успокаивает, хотя он и умолкает после того, как несколько его попыток заговорить натываются на мое молчание. Он постепенно сбавляет шаг. Оставлять его одного я не хочу и тоже понемножку сбрасываю ход.

– Хватит? – спрашивает наконец Бен. Я киваю. Мы останавливаемся. Он берет меня под руку и ведет за собой. Ребят на территории много, но большинство делают вид, что не замечают нас.

– Не хочешь сказать, что случилось?

Я пожимаю плечами.

– Кто-то же завел тебя так, что ты носишься как сумасшедшая.

– Ничего особенного. Просто некоторые девчонки сказали кое-что. Глупости.

– Что сказали?

Я не отвечаю, но тяну Бена за руку, и мы меняем направление. Идем вдоль административного здания до мемориала, перед которым я останавливаюсь.

Как много имен вырезано на камне. Все они умерли шесть лет назад. Ну и воображение! Мне тогда было всего лишь десять лет, и я просто не могла там находиться.

– Что это такое?

– А тебе самому не интересно? Что такое ты сделал, чтобы тебя зачистили? А что, если я была террористкой? Что, если я убивала людей, например, вот этих ребят? Если это я бросила бомбу в автобус?

Бен трясет головой.

– Не знаю, что такого я мог сделать. Думаю, ничего настолько страшного, как ты описывала. Я на это не способен. И ты тоже. Но мы этого никогда не узнаем. Так что будем жить той жизнью, которая у нас есть, быть теми, кто мы сейчас.

Я обдумываю его слова. Представить, что Бен или Эми сделали что-то ужасное, невозможно. А вот в себе я не так уверена.

– Но как можно знать, кто ты сейчас, если не знаешь, кем ты был?

– Я знаю, кто ты: Кайла, сумасшедшая бегунья и мой друг. – Он кладет руку мне на плечи. – Кайла – девушка с застенчивой улыбкой и лицом, на котором отражаются все ее чувства. Что еще мне нужно знать?

Смотрю в теплые, как расплавленный шоколад, глаза Бена и вижу в них вопрос: кто ты, Кайла?

– Мне нравится рисовать, – говорю я. – И у меня это хорошо получается.

– Кайла – художник. Хорошо. Что еще?

Ломаю голову, ищу ответы.

– Терпеть не могу брокколи. И люблю кошек. – Для начала кое-что есть.

Бен улыбается и обнимает меня еще крепче. Внутри у меня все переворачивается. Шестнадцать, а ее не целовали. Что-то в его глазах говорит, что это случится сейчас, когда я, в промокшей одежде и с влажными волосами, стою у всех на виду. Тори все еще между нами, но именно сейчас ни ему, ни мне нет до этого никакого дела.

В последний момент что-то заставляет меня повернуться и еще раз посмотреть на мемориал с вырезанными именами погибших. И одно из

них, вверху, внезапно бросается в глаза, словно кто-то выкрикнул его громко, во весь голос.

Роберт Армстронг.

Я тихонько охаю и отстраняюсь. Бен опускает руки.

– Что такое?

Я подхожу к памятнику, провожу пальцами по буквам. Эми говорила, что у мамы был сын, Роберт, который умер. И что до замужества мама носила фамилию Армстронг.

Роберт Армстронг.

Ее сын? Мой... брат?

– Кайла, что случилось?

Но я качаю головой. Вижу, что он разочарован, но сказать не могу. На его лице как будто написано: ты мне не доверяешь? Однако Эми взяла с меня обещание, и нарушить его я не могу.

После полудня все как в тумане. Уровень держится около 5, как всегда после бега, но мысли разбегаются. Как смогла мама взять нас, меня и Эми, если ее сына убили террористы? Если еще раньше так же погибли ее родители? Если тебя зачистили, значит, ты сделал что-то по-настоящему плохое. Что, если я – террористка?

Обед проходит как-то неестественно жутко. Мама не сводит с меня глаз, как будто пытается поймать на чем-то. И мне приходится сидеть ровнее, есть брокколи – которая, как я ни стараюсь, все равно застревает в горле – и отвечать на бессмысленные вопросы о школе. Может, ей нужен предлог, чтобы отослать меня обратно? Вернуть, как Тори?

Эми надо готовиться к тесту по математике, и я вызываюсь мыть посуду. Надо собраться и сделать все правильно: составить тарелки, вытереть стол. Блюда держать аккуратнее и...

– Что с тобой сегодня?

Я резко оборачиваюсь и сбиваю локтем стакан. Он падает на пол, разбивается, и осколки разлетаются по сторонам. Мама вздыхает, а я хватаю щетку и совок и опускаюсь на колени, чтобы подмести мусор.

– Извини.

– Кайла, это просто стекло. Невелика потеря. И ты скажешь мне наконец, что случилось?

Я смотрю на маму, смотрю по-настоящему, и вижу, что она никакая не Дракоша. Вижу обеспокоенное, а не сердитое лицо, и она протягивает руку, чтобы помочь мне подняться.

– Так что, м?

За глазами начинает покалывать, и я отчаянно моргаю, но это не помогает.

– Ну?

– Ненавижу брокколи, – выдавливаю я, и слезы катятся по щекам. Но, конечно же, плачу я не из-за этого, ведь так? Дело не в том, что я возненавидела брокколи в тот первый раз, когда попробовала ее несколько дней назад. Мой организм узнал вкус сразу, как только она оказалась во рту. Словно я всегда – еще до того, как меня зачистили, – не любила эту капусту. Что бы они ни говорили, я не новый человек. И что бы я ни сделала, часть той меня все еще живет, спрятавшись где-то внутри. Пока эти мысли ворочаются в голове, слезы продолжают литься, и рыдания сотрясают тело, как будто оно никак не соединено с мозгом. Почему? Я не понимаю.

«Лево» начинает вибрировать, и мама негромко ругается и тащит меня в гостиную, на диван. Приносит Себастиана, готовит горячий шоколад. Сидит со мной. Растирает мне плечо. На коленях мурлычет кот. Ее лицо – непонимающий вопрос.

– От меня слишком много проблем, – говорю я наконец, нарушая тишину. – Вы хотите отослать меня обратно.

– Что? Конечно, нет. Почему ты так говоришь?

Я рассказываю о Тори, которую вернули. Мама слушает, но не удивляется.

– Тори? Та милая девочка, что была с Беном на выставке, да?

Я киваю.

– Что с ней случилось?

Мама медлит с ответом.

– Пожалуйста, скажи мне.

– Я действительно не знаю, – говорит она, но видно, что ее выводы недалеки от наших с Беном: ничего хорошего. – Но, может быть, ее мать и не имеет к этому никакого отношения.

– То есть как?

– Девочка была языкаястая, дерзкая. Возможно, кто-то услышал и решил, что она не выполняет условия контракта. Понимаешь? Ей предоставили второй шанс, но она оказалась недостаточно благодарной.

– Кто-то услышал? Кто же, например? Неужели все вокруг только и шпионят за мной все время? – Я оглядываюсь, как будто везде за мебелью прячутся невидимые глаза и уши.

– Все не так плохо, Кайла, – мягко говорит мама. – Регулярные доклады составляют немногие: учителя, медсестра, наверно, доктор

Лизандер.

– Ты докладываешь обо мне? А папа?

– Конечно. Это часть договора, который мы подписали, когда брали вас с Эми. Но ты не беспокойся, я никогда не скажу ничего такого, что вызвало бы у них тревогу. Понимаешь?

Показалось ли мне только или она действительно подчеркнула слово «я»?

– Послушай меня, Кайла. Я не собираюсь отсылать тебя. И я этого не сделаю.

– Несмотря ни на что?

– Несмотря ни на что. И я больше не стану заставлять тебя есть брокколи.

В тот же вечер, уже лежа в постели и чувствуя спиной теплое урчание Себастиана, я не сразу вспомнила, из-за чего так расстроилась. Но я знала, что – как в случае с нелюбимой брокколи, умением водить машину и рисовать левой рукой – никогда не рыдала так, как сегодня. Я не знала, как плакать, у меня это плохо получалось, потому что я этого не делала.

Кем бы ни была Кайла, во мне есть другая личность, скрытая, прячущаяся. И вот ее-то я боюсь больше всего.

Сначала звук.

Царапающий, заканчивающийся глухим шлепком. Как будто кто-то скребет металлом по шероховатой поверхности. Или втыкает лопату в песок, поднимает и сбрасывает. И так снова и снова.

Открываю глаза.

Не лопата – мастерок. Подбирает раствор, шлепает его на верхний ряд кирпичей... где-то вверху, надо мной.

Кирпичи ложатся по кругу, стена растет. Стоит немного развести руки, и они упрутся в грубоватую поверхность стен. Ряд за рядом, они все выше и выше. Единственный свет – тусклый, меркнувший кружок в вышине.

Я в башне без окон и дверей. Верхний край стены высоко надо мной и с каждой секундой уходит все дальше.

Внезапно кружок света вверху исчезает. И скребущий звук сменяется тишиной.

Вихрь паники внутри сменяется злостью. Я стучу в стену, пинаю и толкаю, снова и снова, и наконец наваливаюсь на нее. Сидеть здесь невозможно, слишком тесно; голые ноги и руки сбиты в кровь.

– Выпустите меня! – кричу я.

Открываю глаза. Два кружочка отраженного света смотрят на меня в

темноте. Моргают. Себастиан?

Сажусь, включаю прикроватный свет. Себастиан рядом со мной на кровати, шерсть торчком, хвост распушился, и на моей руке набухает красным аккуратный ряд ровных царапин.

– Ты меня разбудил? – шепчу я и, осторожно протянув руку, глажу его по спинке. Возможно, это он спас меня от отключки. Почувствовал что-то или цапнул только потому, что я ударила его во сне?

Шерсть вскоре ложится; Себастиан устраивается рядом, вытягивается и урчит. Сердце замедляет бег, уровень поднимается от 3 почти к 5, но я не закрываю глаза. И не выключаю свет.

Я боюсь темноты.

Глава 25

– Колесница подана, – говорит с поклоном Джазз.

Поскольку одним из условий сделки, согласно которой Эми разрешается видеться с Джаззом, является присутствие на их встречах третьего, кататься на школьном автобусе с Беном мне больше не светит. Я забираюсь на заднее сиденье.

Ременя безопасности нет. Эми и Джазз садятся впереди, и я вздыхаю и внутренне подбираюсь. Джазз выезжает со школьной стоянки на главную дорогу, но через некоторое время сворачивает на проселок. Так мы что, домой не едем?

– Кайла, у меня для тебя сюрприз, – сообщает Джазз, глядя в зеркало заднего вида. Дорога его интересует меньше.

– Осторожно! – вскрикивает Эми, и он резко тормозит – дорогу переходит стадо овец. Фермер и его пес выражают недовольство сердитыми взглядами; сами же овцы шествуют через дорогу неспешно и бесстрастно.

– Ух ты. – Джазз посылает фермеру безмолвное «извините» и машет рукой, торопя овечек.

– Что за сюрприз? – спрашивает Эми, когда мы снова трогаемся с места.

– Мак нашел старый ремень безопасности для заднего сиденья.

– Ура! – говорю я с искренним чувством, мысленно умоляя Джазза остаться на дороге.

После едва не случившегося инцидента с овцами Джазз ведет себя немного осторожнее. Тревожная ночь и последующие попытки не уснуть на занятиях оставили меня без сил. Веки снова и снова ползут вниз, и стоит им только сомкнуться, как я ощущаю себя замурованной в кирпичной башне. Голова в очередной раз опускается на спинку переднего сиденья, и в голове начинают кувыркаться уже привычные образы: памятник с вырезанным на нем именем Роберт Армстронг, тесная башня...

– Держись, не засыпай, – говорит Эми, и я вздрагиваю.

– Вот видишь, – вставляет Джазз, – водитель не так уж плох, если пассажир может уснуть.

Мак вытаскивает из машины заднее сиденье.

– А что, если мы пока прогуляемся? – Джазз подмигивает Эми и со значением смотрит на меня. – Конечно, если ты устала...

– Вид у тебя и впрямь измученный, – подхватывает Эми. – Мы недолго.

Они направляются к отходящей от дороги тропинке.

– Не хотите брать меня с собой, так прямо и скажите, – обиженно бросаю им вслед я.

Мак выглядывает из машины и смеется.

– Выпей чего-нибудь, если хочешь.

– Нет уж, спасибо, – говорю я, помня о домашнем пиве, которым он угощал меня в прошлый раз.

– В холодильнике есть что-то полегче, – ухмыляется он, как будто знает, о чем я подумала. – В любом случае иди в дом. Перекуси, если захочешь. Включи телик. Они так быстро не вернутся. – Он снова смеется.

Другими словами, не стой над душой, пока я разбираюсь с этой грудой ржавого железа.

Ну и ладно. Я иду в дом. В холодильнике действительно обнаруживаются напитки, вполне невинные в сравнении с теми бурными бутылками в буфете. В перерыве на ланч я пробежала несколько кругов и теперь чувствую себя по-настоящему голодной. Бен составил мне компанию и даже не спрашивал, что случилось. Может, ему надоело задавать вопросы, на которые я не отвечаю.

Нахожу сыр и неровно нарезанный – тоже домашний? – хлеб. Высовываю голову за дверь и кричу:

– Сэндвич хочешь?

– Конечно, – доносится из машины. – Сейчас буду.

Готовлю сэндвичи. Хотя и не большая поклонница, включаю телевизор и быстро перещелкиваю с канала на канал, благо их всего три. По Би-би-си-1 идет какое-то тупое комедийное шоу с закадровым смехом, смысл которого от меня ускользает. На Би-би-си-2 садоводческая программа, посвященная увеличению производительности. Би-би-си-3 рассказывает о новостях и погоде. Осенью ожидается хороший урожай. Потом показывают Лондон. Снимали в том числе и на улицах, по которым я проезжала по пути в больницу и обратно, но сейчас их не узнать. Не видно, например, выгоревших зданий. И охранников.

– О чем задумалась? – На пороге стоит Мак.

– Знаешь, я была на этой дороге, но по телевизору она выглядит иначе: чище, аккуратнее. По-другому.

Мак вскидывает бровь. Садится.

– В новостях предпочитают показывать красивые места и довольных людей.

– Тогда какие ж это новости. Люди не всегда и не всем довольны. Вот этот дом – посмотри! – он еще неделю назад, когда мы проезжали мимо, стоял без окон и дверей. Его просто не успели бы отремонтировать так быстро.

Мак берет сэндвич.

– Ну, так ведь он выглядит получше, правда?

– Глупости.

– Да уж точно. – Он снова смеется.

Смотрю на него. Мак ест сэндвич. На взрослого он не похож ни внешностью, ни разговорами.

– Что? – Он с любопытством смотрит на меня. – Хочешь о чем-то спросить – спрашивай.

– Ты сам этот хлеб выпекал?

Да.

– А волосы тоже сам подстригал?

– Да.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать два.

Моложе, чем я думала. На шесть лет старше меня. И тут же мысль: на шесть лет старше. Мемориал возле школы установлен шесть лет назад.

– Ты ходил в школу лорда Уильямса? – спрашиваю я, не успев как следует подумать. Должно быть, из-за недосыпания.

– Ходил.

– А Роберта Армстронга знал?

Мак смотрит на меня без всякого выражения, потом по лицу как будто пробегают какая-то тень. Смешинки гаснут в глазах. Он встает, берет с полки буфета одну из своих бурых бутылок и снова садится.

– Да, знал. Роберт был моим другом, – говорит Мак негромко и открывает бутылку.

– Он был... моим братом?

– Все зависит от того, как на это смотреть. – Мак пожимает плечами. – Вообще-то он был сыном твоей нынешней матери.

Моей нынешней матери. Не настоящей. Интересное выражение. Но ведь все твердят, что она – моя мать.

Я уже открываю рот, чтобы спросить о Роберте, но Мак поднимает руку.

– Подожди. Довольно. Прежде чем расспрашивать меня, ответь на пару моих вопросов. Почему ты спросила о Робби?

Я смотрю на него. Сонливости как не бывало, но мне немножко

страшно. Робби, не Роберт, был настоящим, живым. Я почему-то чувствую, что это опасная тема. И зачем только начинала?

– Все в порядке, – успокаивает меня Мак. – Говори.

Есть в нем что-то такое, отчего хочется ему верить, и я рассказываю, сама удивляясь собственной смелости. Рассказываю, как меня заинтересовал сам мемориал, как я думала и думала о тех погибших в автобусе пятнадцати-шестнадцатилетних ребятах. О кошмаре и появившемся в нем имени: Роберт Армстронг. Вот только кто он такой, я так толком и не поняла.

– Интересное вы создание, юная леди, – говорит Мак.

– Я не создание!

Он смеется.

– Извини. Тебя зачистили, однако в отличие от той пустоголовой проказницы, которую обхаживает и, возможно, пытается растлить сейчас Джазз, у тебя, похоже, кое-что от собственных мозгов осталось.

– Эми не пустоголовая! И она не... не... – Я не знаю, что сказать, потому что не знаю, чем занимаются они с Джаззом. А еще меня не покидает неприятное чувство, что я оставила их без присмотра и не исполняю свои обязанности.

– Ладно, пусть так. Она не дурочка, я не это имел в виду. Она просто ни о чем не спрашивает.

Ох. Снова то же – Кайла другая.

Он подается вперед, серьезный как никогда.

– Но к тебе у меня очень важный вопрос.

– Какой?

– Задавать вопросы – одно, а вот что ты будешь делать с ответами?

– Наверно, постараюсь разобраться во всем, понять. Для себя.

Мак кивает.

– Для себя. Это важно, Кайла. Держи свои вопросы при себе. Будь осторожна, выбирая тех, к кому с ними обратиться. И с ответами тоже будь осторожна. Сможешь? Сможешь держать все это при себе?

– Да.

Он откидывается на спинку стула. Отпивает из бутылки.

– Тогда валяй, спрашивай. Что ты хочешь знать?

Сглатываю. Я хочу знать, что случилось в тот день. Но хочу ли? Отступаю чуть в сторонку.

– Каким он был, твой Робби?

– Парень как парень. Такой же, как большинство из нас. Серьезный, немного застенчивый. И башковитый. Увлекался наукой и всем таким.

Самое удивительное, что его подружкой была самая красивая девчонка в школе. Этого я никогда не мог понять.

– О случившемся сообщали в новостях? Это ведь, наверно, было не слишком приятно.

– Точно. Но ведь о таких вещах как говорят: бесчеловечные злодеи террористы убили группу школьников в рамках проводимой ими кампании террора.

– Значит, так оно и было?

– Не совсем. Террористы пытались атаковать офисы лордеров, и автобус просто оказался у них на пути. Все погибли. Не думаю, что они именно этого хотели.

– Но случилось то, что случилось. Они убили Роберта и всех остальных ребят, – возмущенно говорю я. – Неважно, что они пытались сделать. Может быть, террористы хотели убить других людей, которые заслужили или не заслужили смерти, а не детей. Но убили именно детей.

– И да, и нет.

– Ты о чем?

– Робби умер не в автобусе.

– Что? Но ведь на мемориальном камне его имя. Откуда ты знаешь?

– Я был там.

Потрясенная, я смотрю на Мака. Оказывается, я не задала самый важный вопрос. А ведь могла бы догадаться, если бы сама поворочала мозгами.

«Лево» вибрирует.

– Ты в порядке?

Смотрю на руку – 4.3. Пожимаю плечами.

– Пока что да. Шоколадка есть?

– И этого хватит?

Он находит шоколадку, я съедаю, сосредоточившись на ее сладости и дыхании. Уровень понемногу повышается до 5.

– Извини. Ничего не могу с этим поделать.

– Неприятная, должно быть, штука.

– Если разозлюсь, будет хуже.

Делаю глубокий вдох.

– Пожалуйста. Можешь сказать, что там на самом деле случилось?

– Выдержишь?

– Думаю, что да.

И Мак рассказывает. Он был в передней части автобуса, удар же пришелся в основном по задней. Ему запомнились взрывы, дым, крики и

наступившее потом молчание. Все как в моем сне. Мак получил легкое ранение головы, его вытащили. Роберт стоял там же и все кричал «Кэсси! Кэсси!» – звал подружку. Похоже, его даже не зацепило. А потом Мак вырубился.

В больнице у него спрашивали, что он видел в тот день. Мак сказал, что ничего не помнит. Что отключился, хотя на самом деле потерял сознание позже. Ему, кажется, поверили. Выйдя из больницы, он узнал, что в списке погибших значатся Кэсси и Роберт.

– Но если Роберт не пострадал, что могло с ним случиться?

– Я не знаю наверняка. А спрашивать боялся.

Он смотрит в сторону, тени бегут по его лицу, и за ними я вижу непреходящую вину. За то, что он жив. За то, что так и не рассказал миру о Роберте. И еще... Он знает. Есть в этой истории то, что Мак держит при себе.

Он поднимается со стула, открывает ящик, достает и протягивает мне фотографию.

– Это они, Роберт и Кэсси.

Я смотрю на него и вижу маму: тот же квадратный подбородок, те же волнистые волосы. Обычный парень, обнимающий девушку. Настоящую красавицу. С идеальной кожей, милым, в форме сердечка личиком, шелковистыми, цвета меда волосами. Она была идеалом, пока не оказалась, к несчастью для себя, в том автобусе.

– Но что случилось с ним?

– Некоторое время назад я пытался найти его на веб-сайтах пропавших без вести, но не нашел. Вряд ли тебя будут объявлять пропавшим без вести, если считают убитым.

– Но ведь у тебя есть свое мнение насчет того, что произошло с ним.

– Возможно.

– И что же?

Он молчит. Колеблется.

– Думаю, его зачистили.

Я смотрю на него растерянно. Как же так?

– Зачистили? Но его не могли зачистить. Так поступают только с преступниками.

– Конечно. Но почему пропадает так много детей? Что с ними происходит? Послушай. Робби был так сильно травмирован случившимся, что они решили зачистить его и таким образом сохранить как полезного гражданина. Они пытались помочь ему, полагая, что иначе он не выдержит.

По лицу Мака я вижу, что он с этим не согласен, но я в полной

растерянности и не знаю, что делать. Пропавшие без вести дети? Что он такое говорит? Неужели зачистку и в самом деле применяют в отношении детей, которые не являются преступниками?

– Что это за сайты с пропавшими без вести? Я о таких впервые слышу.

– Послушай, Кайла, это очень важно. То, о чем никогда нельзя упоминать. Секрет.

– Что?

– Идем.

Я иду за ним в заднюю комнату. Там полнейший беспорядок, разбросанная одежда, но потом он убирает кое-что, и я понимаю: это все для того, чтобы спрятать компьютер.

– Это немножко – или множко – незаконно. Машинка неразрешенная, так что держи рот на замке.

– О.

Мак показывает мне несколько подпольных, неподконтрольных лордерам веб-сайтов, управляющихся с территории Европы и Соединенных Штатов. Веб-сайты, посвященные пропавшим без вести, это лишь одна категория. Пропавших – огромное число, но большинство из них – дети.

– Сколько тебе лет? – спрашивает Мак.

– Шестнадцать.

Он печатает. Шестнадцать – женский – блондинка – зеленые глаза.

– Что ты делаешь?

– Хочу показать, сколько таких.

На экране мелькают образы, даты, когда пропавших видели в последний раз, имена, возраст... Всего совпадений тридцать шесть. Мой взгляд скользит по странице. Сколько девочек! И большинство пропали в подростковом возрасте. Что же случилось с ними?

– Ни фиги себе, – бормочет Мак.

– Что такое?

– Посмотри номер тридцать один. – Он щелкает по фотографии и увеличивает ее. Симпатичная, щербатая улыбка. Большие зеленые глаза, светлые волосы; на ней джинсы и розовая футболка; на руках серый котенок. Внизу подпись: Люси Коннор, пропала из школы в Кезике, Камбрия, возраст 10 лет.

– Немножко похожа на меня, – медленно говорю я.

– Очень даже похожа на тебя. – Мак кликает по ссылке «предположительно выглядит сейчас».

На экране появляется другое изображение: Люси в подростковом возрасте. Лицо, глаза... Нет. Не может быть. Я смотрю на Мака, потом

снова на экран – с надеждой, что она исчезла, что мне это только привиделось. Но нет, девушка на месте и смотрит на меня. Я, наверно, похудее, а у нее волосы подлиннее; в прочих же отношениях я как будто смотрю в зеркало.

– Она не просто похожа на тебя. Она и есть ты.

Наверно, это шок. Уровень не идет вниз, а остановился на 5, но я смотрю и смотрю на экран. В какой-то момент меня начинает трясти.

Пропала без вести?

Где же я была с десяти лет?

Мак выключает компьютер, берет меня за руку и ведет в переднюю. Все это происходит словно в тумане.

– Садись. Выпей. – Мак протягивает мне стаканчик. Я выпиваю – напиток обжигает горло.

Откашливаюсь.

Внутри растекается тепло. Со стороны тропинки доносятся голоса.

Мак опускается передо мной на колени и прижимает палец к губам.

– Ни слова, Кайла. Поговорим в другой раз. Обещаешь?

– Обещаю. Никому ни слова.

– Вот и молодец. – Он забирает у меня стаканчик.

Эми и Джазз входят через переднюю дверь. Вид у нее вполне счастливый, признаков растления, насколько я могу судить, не видно. Ни травинки в волосах, ни чего-то другого в этом роде – они просто держатся за руки.

– Извини, что задержались, – говорит она, и мы направляемся к машине. – Надеюсь, ты тут не скучала?

– Пристегнешься? – спрашивает Джазз, и я накидываю на себя новый – из старой рухляди – ремень безопасности.

Мак выходит из дома и машет нам на прощание. Машина катится по проселку, и он исчезает за поворотом.

«Зеленые деревья голубое небо белые облака зеленые деревья голубое небо белые облака...»

Вечером, сославшись на завал с домашней работой, я удаляюсь в свою комнату.

Себастиан обычно приходит ко мне после обеда, но сегодня его не видно, и я чувствую себя одиноко.

У Люси был котенок.

Если вызвать ее образ и смотреть на нее долго и пристально, в груди появляется боль. На фотографии с котенком на руках она выглядит такой счастливой. Что же случилось, что вырвало ее из этой жизни?

Люси – она, не я. Думать о ней я могу только в третьем лице, как о ком-то отдельном и отличном от себя. Вполне возможно, что это какое-то дурацкое совпадение. Она не может быть мной, она просто похожа на меня. Сгенерированный компьютером образ Люси в шестнадцать лет, не более того. Настоящая Люси может выглядеть сейчас совершенно иначе.

И все равно ее смеющиеся глаза отпечатались у меня в памяти крепко-накрепко. Я вскакиваю, хватаю альбом. Беру карандаш в левую руку и начинаю рисовать.

Может быть, Люси терпеть не могла брокколи и любила кошек.

Ее причислили к пропавшим без вести. Кто-то хочет знать, где она, что с ней случилось. Может быть, ее родители. Может быть, они любят ее и им отчаянно нужно знать, что с ней все в порядке.

В таком случае – если я и есть, или была, Люси – связываться с ними не имеет смысла, ведь так? С Люси не все в порядке, она все равно что умерла. Ее больше нет. Ее зачистили.

Люси смотрит на меня с рисунка. Я изобразила ее без котенка и на другом фоне, но глаза оставила те же. Мои глаза. Они не только моложе, но и счастливее. Даже без котенка. Рисунок я выполнила левой рукой, почти не глядя. Получилось хорошо, даже лучше, чем хорошо. Она выглядит как живая и, кажется, вот-вот сойдет с листа в комнату или повернется и поднимется на... гору?

Холодные капли пота бегут по спине. Позади Люси виднеется длинный, снижающийся влево хребет, то, что я никогда в жизни не видела своими глазами: горы. На фотографии их не было.

Глава 26

На следующее утро Себастиан так и не появляется.

Раньше я всегда, просыпаясь, обнаруживала его на кровати. Но теперь вот уже второе утро ни его самого, ни согретого им местечка я не нахожу.

Нет кота и внизу, когда мы с Эми спускаемся на завтрак. Папа укрылся за газетами в гостиной, мама со слезами на глазах торопливо готовит ланч для нас обеих. Ужин Себастиана стынет, нетронутый, со вчерашнего вечера.

– Где Себастиан? – спрашиваю я.

– Не знаю. У меня дел хватает и без поисков какого-то глупого кота. Может, мышку выслеживает, а может, приятеля навещает.

Эми отрывается от тарелки с кашей.

– Его не видно уже несколько дней. Пап, ты был в гараже?

Папа смотрит на нас поверх газеты.

– Вчера вечером. Загляну после завтрака, – говорит он и снова закрывается.

– Себастиан иногда прячется там и остается под замком, – объясняет Эми.

Но мне все равно не по себе. Если дети пропадают без вести и никто ничего не предпринимает, то что тогда говорить о коте?

Быстренько собираюсь и иду проверить сад. Гараж в самом конце заперт на замок. Окон нет, но я подхожу к двери и зову Себастиана. Слушаю – ответа нет.

С дороги доносится стук мотора – это Джазз. Теперь, получив официальный статус и обзаведшись полным комплектом ремней, он на законном основании возит нас в школу.

Я выхожу из-за угла дома и вижу, что Эми уже на месте.

– Быстрее. Вот опоздаем в школу, и, помяни мое слово, нас тут же вернут на автобус.

Мы ползем по дороге, и я смотрю в окно на чужие сады и дорожки, ищу глазами Себастиана. Столько машин проносится здесь каждый день туда и сюда.

Ничего.

– Да не переживай ты так, – успокаивает меня Эми. – Вот увидишь, он уже будет дома, когда мы вернемся.

– В чем проблема? – спрашивает Джазз.

– Кот пропал, – говорю я.
– Коты – исследователи, как я. Им нравится бродить по миру, совать нос туда и сюда.

Эми закатывает глаза.

– Ну конечно, мистер Колумб. Как скажете.

– Что у нас с гаражом? – спрашиваю я.

– А что ты имеешь в виду?

– Ключа от него нет. Я смотрела – на связке, где все остальные, его нет.

Эми равнодушно пожимает плечами – тема ей явно неинтересна.

– Не знаю. В гараже только папа и бывает.

– Наверно, забит всякими мужскими штучками, – встречается Джазз. – Типа граблей и газонокосилок.

– Нет, для них есть навес по другую сторону от дома. – Несколько дней назад я брала там грабли, чтобы собрать прелые листья, и Себастиан еще напал на эти самые грабли. Беспокойство не отпускает. С первого моего дня здесь он ходил за мной как тень. А где теперь?

Благодаря Джаззу в школу мы прибываем раньше автобуса, и я, пользуясь моментом, иду в Отделение учебных ресурсов – навести справки относительно еще одного не дающего покоя пункта: Кезика, где жила до исчезновения Люси. Мне нужно знать, существуют ли на самом деле те горы, что выросли у меня на рисунке.

Ввожу пароль и ловлю себя на том, что невольно сравниваю школьный компьютер с тем, который есть у Мака. Этот ничем не отличается от других, которые я видела до сих пор. Такой же и у нас дома. Папа занимается установкой и поддержкой компьютерных систем по всему району, и я готова поклясться, что они все одинаковые. Поисковый фильтр, сомкнутые Cs, как всегда, вверху слева... ЦК – Центральная Коалиция. Правительство. На экране у Мака этого лого не видно.

Я уже тянусь к клавиатуре, чтобы напечатать «Кезик», когда вспоминаю вчерашнее предупреждение Мака насчет поиска пропавших без вести на этих компьютерах – они все контролируются. Я выхожу, так и не приступив к поиску. Мне вдруг становится тошно оттого, что поиск Кайлой Дэвис городка Кезик, где шесть лет назад пропала без вести некая Люси Коннор, может отозваться тревогой в каком-то безымянном заведении.

Парой минут позже я открываю снятый с пыльной полки старый иллюстрированный атлас Соединенного Королевства. Наверно, ошиблась, нарисовав Люси с котенком. Кэтбеллс – горный хребет, пользующийся популярностью у туристов. Из Кезика попасть туда можно по берегу озера Деруэнт-Уотер. Представленная фотография – копия сделанного мной

вчера рисунка.

Может быть, я видела фотографию Кэтбеллса раньше и просто воспроизвела ее на рисунке по памяти. Или, может быть, ее помнит какая-то часть меня, какая-то часть Люси. Всматриваюсь в фотографию в атласе, потом закрываю глаза. Мысленно пытаюсь перенестись туда. Не получается. Картина остается плоской, двумерной; я не чувствую ничего, что связывало бы меня с этим местом. И все же моя левая рука, похоже, кое-что помнит.

Через комнату на меня с любопытством смотрит библиотекарша. Вот она ставит чашку на стол... и я торопливо засовываю атлас на место и спешу к выходу.

Мистер Джанелли ведет нас на улицу. Прогноз погоды, который я слышала по телевизору Мака – дождь, дождь, дождь, – не оправдался, и день выдался солнечный.

Проведя нас короткой тропинкой к лесистому берегу речушки Каттл, учитель плюхается на скамеечку с фляжкой чаю.

– Пошли! Пошли! Кшш! Нарисуйте что-нибудь, а через час возвращайтесь и поразите меня вашей работой.

Все разбредаются по лесу, в основном по двое и трое. Дорожки ведут во все стороны. Я смотрю, куда идет Феб, и поворачиваюсь к ней спиной.

Тропинки разбегаются, и я бегу, торопясь оторваться от остальных. В самой густой части рощи на глаза попадает удобный камень. Я сажусь и начинаю рисовать деревья, уже почти голые сейчас. Вдоль берега умирает трава, под ногами гниют листья.

Рядом никого. Я беру карандаш левой рукой. Интересно, что получится, если просто дать себе волю, отпустить воображение?

Думаю о Люси и ее котенке. Сером, с муаровыми полосками и короткой шерсткой. Кругленьком, с густой шерсткой. Урчащем, изворотливом пушистике. Изображу ее стоящей на задних лапах перед свисающим сверху шнурком, готовой к прыжку. Ее? Да, я почему-то уверена, что котенок – кошечка.

Не получается. Вместо серого котенка на странице вырисовывается Себастиан. Недовольная собой, терзаемая неясным беспокойством, я закрываю блокнот и иду дальше по тропинке.

Деревья посадили здесь более пятидесяти лет назад как часть природного заповедника, так рассказывала нам преподавательница биологии. В двадцатые, во время беспорядков, часть посадок сгорела, но потери восстановили. Теперь здесь никто ничего не регулирует, и территория постепенно дичает. Тут и там снуют птицы, из кустов

доносятся шорохи. Я сворачиваю с дорожки на едва заметную тропку и иду сама не зная куда. Стежка уходит то сюда, то туда, но все же постепенно возвращает в первоначальное направление.

Еще один поворот... Она словно застыла, и я не сразу ее замечаю. Феб. Сидит неподвижно на траве, прислонившись спиной к дереву, с блокнотом на коленях. По земле перед ней прыгает малиновка. Птаха чирикает, и Феб словно разговаривает с ней, издавая короткие шелестящие звуки. Малиновка все ближе и ближе и, наконец, запрыгивает ей на ногу.

Феб улыбается, и лицо ее – с маленькими, широко расставленными глазами, давно не знавшими щетки волосами и россыпью веснушек – преобразается. Мягкое, доброе, лицо не Феб.

Знала бы, что я здесь, не улыбалась бы. Я осторожно отступаю, но она, должно быть, улавливает движение и вздрагивает. Малиновка улетает.

– Вот черт. – Она поворачивается, видит меня и хмурится. – Как ты подкралась?

Ответить или убежать?

– Подкралась? Я не подкрадывалась, – слышу я собственный голос. – Просто шла и увидела, как ты разговариваешь с малиновкой. Как это у тебя получается? – Любопытство говорит само за себя.

– Не разговаривала я ни с какой малиновкой, – оправдывается Феб. – А ты подкралась, иначе бы я тебя услышала.

И тут я понимаю, что она права. Я не подкрадывалась в том смысле, как имела в виду Феб, но, сама не отдавая себе в том отчета, шла по тропинке осторожно, стараясь не наступить на сухую веточку.

– Ты умеешь разговаривать с птицами?

– Шшшш... – Малиновка вернулась, и Феб улыбается. Но не мне. Если я шевельнусь, птичка улетит. Если останусь, разозлю ее. Что же делать?

Феб рисует, и я, вытянув шею, заглядываю ей через плечо. Очень хорошо. Даже удивительно. Никакого сравнения с тем, что она делает в классе.

Наконец малиновка поворачивает голову и срывается с места. Феб закрывает блокнот.

– Послушай, ты. Не говори никому, что я разговаривала с малиновкой, понятно? А то пожалеешь.

Пожимаю плечами. Зачем мне кому-то говорить? И кому какое дело до того, что я скажу? Поворачиваюсь, чтобы уйти, но что-то не дает, удерживает, и я оборачиваюсь. Мы здесь наедине, на ее стороне никого, и она меня достала.

– У тебя ко мне какие-то претензии? Я ничего тебе не сделала.

– Так ты не знаешь? Неужели ты действительно настолько тупа, Спайхед?

Чувствую, как сжимаются кулаки, но заставляю себя расслабиться и дышать глубже. Смотрю на «Лево» – 4.8. Не так уж и плохо.

– Взорвешься – здесь тебе никто не поможет. – Она смеется.

– Почему ты меня так называешь?

– Потому что ты и есть Спайхед. Кем бы ни была раньше, теперь ты не настоящая. Ты – ходячий, говорящий правительственный шпион с чипом в голове, который отслеживает все, что ты говоришь и делаешь. Тебе нельзя доверять. Мы, остальные, никогда ничего не рассказываем старшим, но ты же так не можешь, даже если захочешь. Разве не так? Ты и другие, вы доносите на людей, а потом они исчезают. По вашей вине.

Феб поднимается и идет по узкой тропинке в мою сторону. Я не двигаюсь с места, и она сильно толкает меня в плечо, чтобы пройти.

Мой «Лево» вибрирует. Я не шпионка. Нет.

Или?..

Вернуться к мистеру Джанелли успеваю в самый последний момент. Он отбирает лучшие наброски и показывает их всем. Среди них и малиновка Феб. Я почти ничего не успела и пытаюсь спрятаться за спинами других, но из этого ничего не получается. Джанелли забирает у меня блокнот – там незаконченные деревья и трава, котенок Люси и Себастиан.

Он фыркает и возвращает блокнот.

– Полагаю, своих кошачьих друзей ты не под деревом нашла.

– Нет, я...

– Мы выходим из помещения, чтобы вы, юные художники, рисовали то, что видите вокруг себя. Когда надо изобразить зверинец, я обычно поручаю это Феб.

– Извините...

Джанелли направляется к школе, остальные тянутся за ним. Я складываю в сумку принадлежности, когда кто-то хватает вдруг мой блокнот.

Феб!

– Отдай!

Она отступает... открывает блокнот и видит Себастиана. Какая-то тень проходит по ее лицу. Феб разглаживает страницу и протягивает мне блокнот.

Телефон звонит вечером, во время обеда. Мама хмурится.

– Пусть оставят сообщение.

Но папа уже берет трубку.

Аппетита нет. Нет и Себастиана. Прошло уже два дня, и теперь даже мама начинает волноваться.

Папа возвращается с пальто в руке.

– Кто со мной забрать кота?

В машине он рассказывает, что Себастиана принесли в ветеринарную клинику в нескольких милях от нас. Кот был сильно поцарапан – возможно, лисой, – но сейчас в порядке.

– Как они узнали, что позвонить нужно нам?

– У него чип. Они просканировали чип и узнали, кто он и где живет.

Вот как. Значит, в этом мы с Себастианом схожи.

– А если бы кота не принесли, мы смогли бы найти его по чипу?

– Зависит от модели чипа. – Папа искоса поглядывает на меня. – Тот, что у Себастиана, отследить нельзя. Хотя сейчас чипы с трекерами ставят собакам лордеров и некоторым другим. А почему ты спрашиваешь?

Я пожимаю плечами.

– Говори. – Иногда голос у папы звучит так, что не ответить на его вопрос невозможно.

– Одна девочка в школе сказала, что я – правительственная шпионка, потому что у меня чип в голове. Что мне нельзя доверять.

Он смеется.

– Шпионка? Ну-ну. Тогда мне следует быть с тобой поосторожнее, не распускать язык.

– Так это правда? Он записывает все, что я говорю и делаю?

– Нет, конечно, – отвечает он, но у меня остается ощущение, что ответ не полный.

На двери ветеринарной клиники висит табличка «закрыто», но нас впускают.

– Ди-Ди, как дела? – приветствует папу ветеринар. Ди-Ди? А, да, Дэвид Дэвис.

– Ты же знаешь, как всегда.

Ветеринар толкает двустворчатую дверь за стойкой.

– Мисс Бест, пожалуйста, принесите кота.

– Он в порядке? – спрашиваю я. – Где вы его нашли?

– Не я. Нам здесь помогает девушка. Кот был у нее дома, а сегодня она принесла его сюда. Он в порядке. Мы наложили ему несколько швов и сделали укол на всякий случай.

– Сколько с меня? – спрашивает папа.

– Нисколько. Фирма платит. Можно тебя на минутку?

Ветеринар и папа уходят в офис, а за стойкой появляется Феб с Себастианом на руках. Я слышу, как он урчит, вижу его выбритый бок со стежками швов. Бедняжка.

Но что здесь делает Феб? От удивления у меня отвисает челюсть и глаза лезут на лоб. Только теперь я начинаю понимать, что случилось.

– Не лови мух, растяпа.

– Ты знала. Он был у тебя, а потом ты увидела мой рисунок, поняла, что это мой кот, и принесла сюда.

Она пожимает плечами.

– Кто-то нашел его вчера и отдал мне, чтобы я о нем позаботилась. А сегодня я принесла его сюда и сказала ветеринару, чей он. Он, правда, все равно проверил по чипу.

– Большое тебе спасибо.

Феб передает мне Себастиана.

– Ты только не думай, что мы теперь друзья. Ничего не изменилось, Чипхед. – Она выходит из приемной.

Я поворачиваюсь. У порога с задумчивым видом стоит папа.

– Идем. – Он приоткрывает пошире дверь. – Пора домой.

Мы садимся в машину и уже подъезжаем к дому, когда папа говорит:

– Так это она. – Он не спрашивает.

– Кто?

– Девочка, которая назвала тебя шпионкой. Я не отвечаю. Если скажу «да», то тогда я и есть шпионка.

Глава 27

Первое, что я слышу на следующее утро, это глубокое, раскатистое урчание. Себастиан. Похоже, он решил, что его спальное место – моя подушка, и свернулся на ней. Не знаю, как кто, а я будить его не стану – пусть спит, сколько заблагорассудится.

События последних дней – схватка с лисами или кем там еще, спасение и передача Феб, накладывание швов у ветеринара – ему как с гуся вода. Накануне вечером, отведав специально приготовленного мамой ужина, он сразу отправился спать. Феб... Для меня она загадка. С одной стороны, такая противная, а с другой, та птаха, малиновка, ей доверяла, а Себастиан мурлыкал у нее на руках. И она ведь вернула его мне. Я видела по ее лицу, что она не хотела, но все же отдала. Должно быть, звери и птицы нравятся ей больше, чем люди.

Впрочем, мне Себастиан тоже нравится больше многих людей, так что кто я такая, чтобы судить?

У Джазза классная экскурсия, так что в школу мы с Эми едем на автобусе.

Поднимаясь, я думаю, стоит ли подойти к Феб и сообщить, что Себастиан в порядке. Пытаюсь поймать ее взгляд – она хмурится и едва заметно качает головой. Вот и ответ на мой вопрос – нет.

Сажусь сзади с Беном.

– Ну как? Все хорошо?

– Себастиан дома. – В автобусе шумно, и я, опустив голову, рассказываю ему, что сделала Феб.

– Вот тебе доказательство, – говорит он.

– Чего?

– Того, что люди не всегда такие, какими ты их считаешь. Она поступила замечательно – кто бы мог подумать? – Он улыбается.

Вот только сделала это ради Себастиана, а не ради меня. Ничего не изменилось, так она сама сказала вчера вечером.

Возле класса, где пройдет первый урок, встречаю миссис Али.

– Можно тебя на минутку? – спрашивает она и, не дожидаясь ответа, тащит меня через коридор в пустое помещение и закрывает за нами дверь.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

– Не тревожься, Кайла. Ничего плохого ты не сделала. И ты знаешь, что я здесь для того, чтобы помочь тебе.

– Э, конечно.

– Слушай меня, Кайла. Если кто-то донимает тебя в школе, создает проблемы, ты должна сказать мне. Не люблю узнавать новости из других источников. Чувствую себя так, словно не справляюсь со своей работой.

Смотрю на нее растерянно. Единственная, кто подходит под эту категорию, Феб, но о ней никто не знает. В лесу, когда она говорила все те вещи, мы были одни.

– Не понимаю. Что вы слышали?

Миссис Али улыбается и едва заметно качает головой.

– Бедняжка. Этот мир, должно быть, слишком сложен для тебя, вот почему моя обязанность – помочь разобраться в нем. Но я не в состоянии помочь тебе, если ты не помогаешь мне. Итак, дорогая, ты хочешь о чем-то мне рассказать?

– Нет. И я не знаю, что вы имеете в виду. – Тем не менее я почему-то убеждена, что ей известно что-то о Феб и она ждет от меня какого-то признания.

Однако, что бы там ни говорила Феб, я не шпионка. И как я могу жаловаться на Феб, если без нее мы бы не получили назад Себастиана? Мы бы даже не знали, жив он или умер.

Миссис Али снова смотрит на меня пристально, и я вижу по ее глазам, что она знает: я скрываю от нее что-то. Она качает головой.

– Жаль, Кайла. Ты сама этого не понимаешь, но тебе нужна моя помощь. Я – единственное, что стоит между тобой и... серьезными неприятностями. Будь осторожна. А теперь отправляйся на урок.

Она поворачивается, открывает дверь и, не оглядываясь, выходит.

У меня дрожат ноги, колени как ватные. Что это было? Угроза? Какие серьезные неприятности она имела в виду?

Я стою в пустой комнате, тяну на себя дверь и пытаюсь собраться. Представляю «безопасное место», плыву на облаках. И чувствую – что-то не так. Я сделала что-то не так. И за это меня ждет расплата.

Самое меньшее – получу выговор за опоздание на урок. Я трясую головой: возьми себя в руки, Кайла. Делаю глубокий вдох, берусь за ручку, но слышу шаги. Четкие, отмеренные. Что делать? Рука падает. Свет в комнате выключен, а в коридоре включен, и в двери есть окошечко. Я отступаю в тень и наблюдаю. Шаги ближе... двое мужчин в сером. Лордеры.

Они открывают дверь в класс, где начинается урок английского и где сейчас должна быть я.

Неужели это и есть те самые серьезные неприятности? Неужели

пришли за мной?

Лордеры исчезают за дверью и вскоре появляются снова. Только теперь между ними испуганная, с белым как мел лицом, Феб.

В автобусе, куда я вхожу после занятий, перешептывания и бледные лица. Мне смотрят в спину, пока я иду по проходу и сажусь рядом с Беном, но когда поворачиваюсь, никто не смотрит в глаза. Они думают, я сделала что-то. Знают, как Феб вела себя по отношению ко мне, и теперь считают, что лордеры забрали ее из-за меня.

Место, на котором обычно сидит Феб, пусто. Она так и не вернулась. Автобус трогается. Значит, с ней не просто поговорили. Они забрали ее с собой.

По спине пробегает холодок.

Бен берет меня за руку.

– Ты в порядке? – Вслед за мной он обводит взглядом салон, видит, как уходят в сторону глаза, как отворачиваются лица. – Что происходит?

Я качаю головой, потому что не могу ничего сказать, потому что вокруг слишком много чужих ушей.

Хочу бежать. Прямо сейчас. Но я в автобусе и вокруг меня люди. Держусь за теплую руку Бена, закрываю глаза и стараюсь убедить себя, что я не здесь, а где-то еще.

– Что случилось? Расскажи мне. Может, я сумею помочь.

Я открываю глаза и качаю головой.

– Не сейчас. На тренировку до собрания Группы пойдешь?

Он кивает.

– Мне можно прийти?

Бен усмехается.

– Конечно.

– Вот тогда и поговорим.

Он сжимает пальцы. Понимает, что если для разговора мне нужно бежать, значит, дело серьезное.

Глава 28

Маму пришлось убеждать. Она бы никогда меня не отпустила, но папа еще дома, хотя и с портфелем в руке, – собирается в деловую поездку.

– Пожалуйста, – прошу я, – мне нужно побегать. – И он становится на мою сторону и даже каким-то образом уговаривает маму.

К тому времени, как у двери появляется Бен, папы дома уже нет.

– Ты уверена, Кайла? – спрашивает мама, обеспокоенно поглядывая на темнеющее небо. – Похоже, дождь собирается.

– Ничего со мной не случится. Эта штука водонепроницаемая, так ведь? – Я тяну рукав куртки. Бояться машин тоже не приходится – поверх куртки я, по маминому требованию, надела светоотражательную жилетку.

– Только по главным дорогам?

Бен обещает присмотреть за мной и смотрит на маму спокойно и уверенно. Ее это, похоже, успокаивает, и мы уходим.

Начинаем неторопливо и прибавляем постепенно. До собрания Группы у нас целый час, впереди пять миль – легко.

Бежим. Бен то и дело посматривает на меня с любопытством. Ждет, что я заговорю и все объясню, а я вдруг понимаю, что сказать-то и нечего.

Факт: Феб вела себя безобразно в отношении меня. Факт: лордеры забрали ее из школы и домой в автобусе она уже не вернулась. Но ведь это и все?

Бегу на пределе. Бен держится рядом. Ноги у него намного длиннее, и сил ему приходится тратить меньше.

– С такой скоростью придем раньше. Может, сбросим?

Мы сбрасываем и постепенно переходим на шаг.

– Это имеет отношение к Феб? – спрашивает Бен.

– Что тебе известно?

– Я узнал об этом сегодня после полудня, когда сошел с автобуса. Кто-то сказал, что видел, как ее утром усадили в фургон лордеров. Но все на уровне «он сказал... она сказала» – слухи, не больше того. Хотя домой на автобусе Феб уже не вернулась.

– Все так и было, я сама их видела. Два л ордера вошли в класс, а через минуту вышли, и один из них держал Феб за руку. Они провели ее по коридору и вывели из здания.

– Кто-нибудь знает почему?

– Я тебя собиралась спросить.

Бен мнется.

– Кое-кто думает, что ты могла что-то сказать. Навлечь на нее неприятности.

– Нет! Я бы ничего не сказала.

– Знаю. Тем более после того, как она вернула тебе кота, – говорит Бен, и я понимаю, что он имеет в виду. Вот только мне самой недостает его уверенности. Не исключено, что я как-то, не по своей воле, оказалась причастной к случившемуся с ней.

– Что-то еще? – спрашивает Бен.

Я пожимаю плечами.

– Только то, что сказала Феб. Мол, мы – правительственные шпионы из-за чипов у нас в мозгу.

– Неправда.

– А если правда? Если мы просто не знаем? Может, я выдала ее, сама о том не подозревая. Может, кто-то просканировал мой мозг и – пуф! – ее нет. Потому что она говорила такое, что не могло понравиться правительству.

Бен снова качает головой.

– Этого не может быть.

– Почему? Откуда ты знаешь?

– Потому что, если бы это было правдой, нас бы забрали первыми.

Шокированная, я смотрю на него. По привычке проверяю «Лево». Как всегда после бега, уровень держится около 7, но по коже словно бегут паучки. Бен прав. Мы говорили о возвращении Тори, о тех, кого забрали с Ассамблеи, спрашивали, что происходит. Это похуже, чем то, что говорила или делала Феб.

Так или иначе, меня не оставляет ужасное чувство, что случившееся с ней – моя вина. Наверно, это из-за миссис Али, которая сказала, что не любит узнавать новости из других источников. Должно быть, она услышала что-то о Феб, и это что-то оказалось связанным со мной.

– Я и еще кое-что узнал, – добавляет Бен. – Почему твоего кота отнесли Феб. Она, оказывается, присматривает за разными животными, особенно ранеными. Их ей отдают те, кто не в состоянии заплатить ветеринару. Похоже, Феб знает к ним подход.

И кто же позаботится о них теперь?

– Побежали, – говорю я.

Мы минуем здание деревенского клуба, где скоро начнется собрание Группы, и бежим дальше. Я думаю о том, что утаила от Бена. Об объявленной пропавшей без вести девочке, Люси Коннор; о Роберте, Робби, пережившем взрыв автобуса, но попавшем в список погибших на

памятнике.

Мы поворачиваем наконец к клубу.

– Опоздаем, – говорю я.

– Ну и что? – Бен пожимает плечами. Он опаздывает всегда. Я только не уверена, что сестра Пенни, которая смотрит на его опоздания сквозь пальцы, распространит свою снисходительность и на меня.

Мы вбегаем в клуб через пятнадцать минут после начала собрания.

– Я уже собиралась звонить твоей маме, – сообщает, подбоченясь, сестра Пенни. Бену она не говорит ни слова.

– Извините, это я виноват, – говорит Бен. – Выбрал длинный маршрут, и мы не успели вернуться.

Сестра Пенни немного оттаивает и улыбается Бену.

– Ну тогда ладно. Садитесь, оба. Мы как раз начали обсуждать, какие цели каждый из нас ставит на следующие месяцы, так?

Какое-то время я ее не слушаю. Мои цели просты: держаться как можно дальше от лордеров и избегать неприятностей. А еще выяснить, что случилось с Феб, шепотом напоминает настойчивый внутренний голос.

Я так занята собственными мыслями, что не замечаю, как сестра Пенни подходит ко мне. Бен толкает меня в плечо.

Пенни хмурится.

– Постарайся оставаться с нами, Кайла. Может быть, бег отнимает у тебя слишком много сил? Итак, расскажи, какие цели ты ставишь перед собой?

Целей немного, и они не для оглашения вслух, но то, что я говорю после недолгого раздумья, вполне соответствует моим мыслям: хорошо учиться и избегать неприятностей.

Собрание наконец заканчивается.

– Береги себя. – Бен сжимает мою руку и убегает. Я провожаю его взглядом и завидую – вот бы и мне так.

Другие тоже понемногу расходятся. Я направляюсь к двери.

– Кайла, подожди, – окликает Пенни. – На пару слов.

Оборачиваюсь.

– Да?

– У тебя все хорошо?

– Было бы хорошо, если бы не спрашивали постоянно, все ли у меня хорошо! – не думая, бросаю я и тут же, покраснев, добавляю: – Извините, не надо было так говорить. – Может быть, она – одна из тех, кто записывает каждое мое слово, каждую мысль.

Сестра Пенни вздыхает.

– Садись, Кайла.

Я сажусь.

Она закрывает нетбук и опускается рядом.

– Я на твоей стороне. – Ее слова так похожи на то, что говорит миссис Али. Я отстраняюсь. Пенни огорченно качает головой. – Не надо. Ты только не бойся меня. Этот разговор останется между нами. Понимаешь? Что бы ты ни сказала сегодня, я никуда не побегу и никому это не передам. Можешь мне доверять.

Несмотря ни на что, я верю, что она говорит искренне. Но кто знает, что может сделать человек ради моего блага?

– Расскажи мне. Я же вижу. У тебя на лице написано – что-то случилось. Что?

А если через нее удастся получить какую-то информацию?

– Из нашей школы сегодня забрали девушку. Лордеры. Я знала ее. Вот и все.

– Господи, что же произошло?

– Двое вошли в класс и увели ее с собой. Говорят, посадили в черный фургон.

– А ты знаешь почему?

– Не уверена. Может быть, сказала что-то не то.

– Я так понимаю, что в этой истории не все так просто, – говорит сестра Пенни и тут же поднимает руку. – Нет-нет, ничего мне не говори. Эта девушка, сколько ей лет?

– Не знаю. В школе она была в одном со мной классе.

– Одиннадцатый год?

Я киваю.

– Послушай, Кайла. Это очень важно. Не задавай вопросов и держись от этого дела подальше. – Она берет меня за плечи и смотрит мне в глаза. – Это ради твоего же собственного блага. Ты понимаешь?

Да.

Пенни отпускает меня и улыбается, ясно и безмятежно.

– Тогда до встречи в следующий четверг! До свидания, моя дорогая, и всего хорошего.

Она выходит. Я поворачиваюсь и вижу маму в конце коридора. Подхожу ближе.

– Все в порядке? – Она вскидывает брови.

– Да, все хорошо, – говорю я и в порыве внезапного воодушевления добавляю: – Мы с Беном немного задержались на маршруте, и сестра Пенни выговаривала мне за опоздание.

– Господи, что же произошло?

– Двое вошли в класс и увели ее с собой. Говорят, посадили в черный фургон.

– А ты знаешь почему?

– Не уверена. Может быть, сказала что-то не то.

– Я так понимаю, что в этой истории не все так просто, – говорит сестра Пенни и тут же поднимает руку. – Нет-нет, ничего мне не говори. Эта девушка, сколько ей лет?

– Не знаю. В школе она была в одном со мной классе.

– Одиннадцатый год?

Я киваю.

– Послушай, Кайла. Это очень важно. Не задавай вопросов и держись от этого дела подальше. – Она берет меня за плечи и смотрит мне в глаза. – Это ради твоего же собственного блага. Ты понимаешь?

Да.

Пенни отпускает меня и улыбается, ясно и безмятежно.

– Тогда до встречи в следующий четверг! До свидания, моя дорогая, и всего хорошего.

Она выходит. Я поворачиваюсь и вижу маму в конце коридора. Подхожу ближе.

– Все в порядке? – Она вскидывает брови.

– Да, все хорошо, – говорю я и в порыве внезапного воодушевления добавляю: – Мы с Беном немного задержались на маршруте, и сестра Пенни выговаривала мне за опоздание.

– Пунктуальность – очень важное качество, – наставляет мама и продолжает лекцию до самого дома.

На следующий день, как и каждую пятницу, ученики тянутся в зал собраний. Но на этот раз настроение совсем другое. Почти никаких разговоров, тычков, обмена планами на выходные.

Рядом со мной все, конечно, молчат, но за день я наслушалась всякого. Ее исчезновение подействовало на ребят еще сильнее, чем исчезновение Тори или других недель раньше. Тогда все знали, почему их забрали. Но Феб держалась в сторонке, ни с кем нелегально не общалась и, в отличие от прочих, жалоб начальству не высказывала.

Риксон появляется в сопровождении двух лор-деров, и зал встречает его тишиной. Он обводит собрание взглядом – все застывают, выпрямив спины и глядя строго перед собой.

– Добрый день, одиннадцатый год, – явно довольный, с улыбкой говорит он.

Ассамблея длится недолго. По окончании ее лордеры снова занимают место у выхода и пристально всматриваются в лица выходящих.

На этот раз за плечи никого не хватают и в сторону никого не отводят. На этот раз.

Сегодня домой нас везет Джазз. Я прихожу к машине первой, когда Эми еще нет. Она появляется из-за угла, и Джазз машет ей, а потом поворачивается ко мне.

– Парочку слов, пока мы одни.

– Что?

– Мак хочет с тобой повидаться. Где-нибудь на следующей неделе, он даст знать. И никому не говори, ладно? Никому.

Ответить не успеваю – Эми уже рядом. Джазз поворачивается, обнимает ее и открывает дверцу. Сдерживая дрожь, я забираюсь на заднее сиденье.

Мак и его нелегальный компьютер, веб-сайт пропавших без вести, на котором есть и Люси – я? Он доверяет мне, рассчитывает, что я никому не скажу. Мак сделал намного больше того, что сделали исчезнувшие, Феб и другие. Для зачистки он уже не подходит по возрасту. Что же будет с ним, если его найдут?

Лучше бы он не доверял мне. Что бы он ни хотел сказать – я не хочу этого знать.

Глава 29

Хочу бежать.

Чем ближе больница, тем сильнее и чаще волны паники. На дорогах сегодня свободнее, и мама пытается проехать другим маршрутом. Говорит, он длиннее, но быстрее. Вдох, выдох... Я стараюсь контролировать дыхание и не свожу глаз с дороги. Представляю транспортную схему, запоминаю, заставляю себя не думать о докторе Лизандер.

Она видит все. Если я не расскажу ей что-нибудь интересное, она станет искать и обязательно найдет какую-то коросту, которую я предпочла бы не трогать. Но сегодня мне предстоит защитить не только себя, но и Мака, Бена, Люси. Ту Люси, что прячется во мне. Ту Люси, что тенью, призраком идет рядом со мной, ступая шаг в шаг.

Мы подъезжаем к больнице с другой стороны, мне не знакомой. Тем не менее вид остается прежним: высокие заборы, сторожевые вышки на регулярном расстоянии одна от другой. Я машинально наношу их на воображаемую карту. Выходы, ворота. В одни из них проезжает фургончик службы доставки; мы катим по периметру к тем, которыми пользовались прежде.

Стоим в очереди. Охранники проверяют машины снизу с помощью зеркал, заставляют всех выйти, сканируют.

– Должно быть, объявлена тревога, – говорит мама, и я вздрагиваю. Весь день она молчала, и без ее вмешательства мои мысли созревали сами. Я смотрю на нее: тени под глазами, усталый, изможденный вид. Вспоминаю, что прошлым вечером меня разбудил поздний звонок телефона. Я слышала ее шаги, приглушенный голос.

– У тебя все хорошо? – спрашиваю я.

Она слабо улыбается.

– Об этом я должна тебя спрашивать, разве нет?

Очередь продвигается вперед, перед нами всего две машины.

– Я первая спросила.

– Первая, да. Но для разговора место неподходящее. Поговорим на обратном пути, ладно?

Еще одна подвигка. Значит, что-то не так и она собирается поговорить об этом со мной, но не здесь, на глазах у лордеров.

– Только не рассказывай мне никаких секретов, – торопливо говорю я. – Не уверена, что смогу их сохранить.

Мама смеется.

– Буду иметь в виду.

Проезжаем вперед и останавливаемся – теперь подошла наша очередь. Лордеров у ворот столько, сколько я никогда не видела в одном месте. Эти не в серых костюмах, а в черном, в жилетах и с оружием. Все напряжены. Расслабленными они вообще никогда не бывают, но сегодня напряжение расходится от них волнами.

Мы выходим из машины, и нас сканируют с головы до ног. Несколько человек быстро осматривают салон. И я снова не могу ничего с собой поделывать – меня охватывает страх. Но лордеры как будто ничего не замечают. Нас загоняют в машину.

– С чего вся эта суета? – спрашиваю я.

– Не беспокойся, Кайла. Возможно, опасаются нападения, но они справятся. Как всегда.

Смотрю на нее краем глаза. Как-то неубедительно она это сказала. Как будто в том, что лордеры решают все вопросы, нет ничего хорошего, а скорее даже наоборот.

Воображение, Кайла. Соберись.

– Войдите! – подает голос доктор Лизандер. Голос знакомый, ясный и чистый, но не громкий. Подниматься доктору не нужно – она привыкла к тому, что ей подчиняются без вопросов.

Мама ушла со знакомой медсестрой пить чай, и я в приемной одна. Встаю и торопливо прохожу в дверь – в коридоре остаются два лордера.

– Доброе утро, Кайла. – В отличие от моей мамы и лордеров – да и меня, если уж на то пошло, – доктор Лизандер совершенно невозмутима. Спокойна. Такой она всегда была и всегда будет. За темными глазами – аналитический, но не жестокий ум; отстраненность не отменяет внимательности.

Ловлю себя на том, что улыбаюсь ей и ощущаю странную уверенность. «Осторожно, опасность», – шепчет внутренний голос.

– Сегодня ты рада меня видеть.

– Да. – Я сажусь напротив ее стола.

Лицо доктора Лизандер смягчается.

– Приятно слышать, но почему?

Пожимаю плечами.

– Вы – всегда вы. Одна и та же.

Она вскидывает бровь.

– Даже не знаю, как воспринимать твое замечание. Хотя, конечно, оно в высшей степени точное. – Доктор бросает взгляд на компьютер, касается

экрана. – Итак, если сегодня ты ощущаешь комфорт в стабильности и непрерывности, то какие перемены, случившиеся или потенциальные, тебя беспокоят? – Она смотрит на меня.

Спрятаться некуда. «Скажи правду, но не всю, а только малую часть», – шепчет голос. Я моргаю.

– Боялась ехать сегодня в больницу.

– Чего именно боялась?

– Всех этих проверок. В прошлый раз нас останавливали на дорогах, а сегодня обыскивали машины.

Она склоняет голову чуточку набок, словно прислушивается к своим мыслям.

– Страх – вещь разумная и обоснованная. Ты же знаешь, кто такие террористы? Прошла информация о подготовке атаки на больницу, поэтому охрана была усилена.

Я смотрю на нее большими глазами.

– И вы не боитесь?

Доктор пожимает плечами.

– Нет. Я пережила слишком много тревог, чтобы чего-то бояться. – Она откидывается на спинку стула. – Но мне любопытно, почему это так беспокоит тебя.

Террористы, бомбы, взрывы, крики и...

– Расскажи мне, Кайла...

– Возле нашей школы есть мемориал. Шесть лет назад террористы напали на автобус со школьниками. Большинство их погибло.

– Да, да, понятно. Ты стала понимать причинно-следственную связь: террористы – смерть.

– Но как они могли? Убивать детей... Они же ничего не сделали.

– Неудачное стечение обстоятельств. – Доктор пожимает плечами.

– Они же были детьми! Настоящими, живыми людьми!

– Разумеется. – Ее брови прыгают вверх. – Настоящие, живые люди страдают каждый день, и это причиняет боль их близким.

– Вы как будто отделяете себя от них, – говорю я медленно.

Удивление в ее глазах не притворное, а настоящее.

– Очень хорошо, Кайла. И ты права, я отделяю себя от них.

– Почему?

Она пожимает плечами.

– Отчасти потому, что я – врач. Я не могу облегчить боль каждому и вынуждена думать о тех, кому в состоянии помочь.

Отчасти. Говорит не все. Но я не настолько тупа, чтобы пытаться

содрать коросту на ее ранах, – это ее работа – ковыряться в моих.

Она снова смотрит на экран.

– Вижу, и в школе, и в Группе у тебя все хорошо; ты обзавелась друзьями. У тебя больше не было отключек. Это очень хорошо. Как с кошмарами? – Сверлит меня взглядом.

«Попала в каменную башню и бьюсь о стены...»

– Так что?

И тут я переключаюсь. Сама не знаю почему. Рассказываю ей свой сон с нападением на автобус. Описываю крики, кровь на окнах, запах горящего топлива и плоти. Она слушает и в какой-то момент вздрагивает от отвращения. Значит, и у нее не все под контролем.

Доктор поднимает руку, и я останавливаюсь.

– У тебя слишком живое воображение. Но теперь я понимаю, почему эти проверки так тебя встревожили. Здесь, Кайла, тебе ничто не угрожает. Больница – одно из самых безопасных мест.

Безопасное, окруженное стенами, замкнутое. Она в такой же ловушке, как и я в своем сне.

– А вы когда-нибудь выходите? – спрашиваю я.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы берете тайм-аут? Ездите за город? Гуляете в лесу? В таком роде...

– Ты сегодня полна сюрпризов! Столько вопросов. Да, выхожу. Беру выходной через каждые несколько недель – вот как раз завтра будет, – но я не гуляю по лесу. У меня есть конь, Хитклифф, ия... – Она вдруг умолкает и качает головой. – Как это ты меня разговорила! Даже не знаю. – Доктор Лизандер усмехается про себя. – Из тебя получился бы хороший врач. А теперь слушай меня. Перестань тревожиться из-за террористов. Пусть ими занимаются лор-деры – это их работа. Тебе же нужно сосредоточиться на чем-то одном, на одной цели, одной любви. Есть такое?

– Искусство, – отвечаю я. На самом деле так оно и есть. Других претендентов на первое место просто не имеется.

Она улыбается.

– Я знала, что ты так скажешь. Видишь, кое в чем и ты тоже предсказуема. Сосредоточься на рисовании, живописи. Пусть это станет смыслом твоего бытия, и тогда остальное будет не столь важно.

– Как ваша лошадь?

– Совершенно верно, – отвечает она без заминки. «А разве не пациенты?» – думаю я, выходя из кабинета.

Едем домой. Мама то ли позабыла о своем обещании рассказать, что ее беспокоит, то ли просто решила не откровенничать. Так или иначе, она

молчит, а я не спрашиваю.

Мысли заняты тем, что сказала и что не сказала доктор Лизандер. В нашем разговоре не прозвучало имен ни миссис Али, ни Феб, а ведь она не из тех, кто обходит трудные темы. Значит, ей об этом ничего не известно. Возможно, миссис Али и не сочинила обо мне какой-нибудь гадости. И я вроде бы не сказала ничего такого, чего не следовало говорить, из-за чего у кого-то могли бы возникнуть проблемы. Может быть, я все-таки умею хранить секреты.

– Помоги мне.

Люси протягивает руки. Правая в порядке – пять белых пальцев, ногти. Пальцы мои, только меньше. Левая в крови, пальцы вывернуты.

Я отступаю.

Зеленые глаза, мои глаза, сияют, а потом на ресницах повисают полные, крупные слезинки.

– Пожалуйста. Помоги мне...

– Проснись, Кайла.

Вздрагиваю и открываю глаза. Растерянно оглядываюсь. Мама снимает ремень безопасности. Машина стоит. Мы дома.

Глава 30

Холодно. Дождь, о котором всю прошлую неделю твердил прогноз погоды, наконец пришел. Ровный, непрекращающийся, он уже просачивается через лесной полог большими, набухшими каплями.

Мы бежим вместе, Бен и я. Остальные изрядно отстали. Бежим быстро, так что мне, хотя я и промокла, не холодно. Но и приятного мало.

– Паршивая погодка.

– Ага. Типичная для октября.

Типичная? Откуда ж мне знать. Для меня это первый октябрь, который я помню.

Утром, перед началом забега, Фергюсон не стал запускать мальчиков перед девочками, а разбил нас на пары в зависимости от последних результатов и определил минутный промежуток. Первыми стартовали мы с Беном и, зная, что остальные попытаются нас догнать, сразу взяли с места в карьер.

Вырываемся из леса и бежим вверх по склону холма. Дождь здесь хлещет жестче, под ногами расползается каша из глины и листьев. Тропинка врезалась в холм, и по ней стекает вниз дождевая вода. Скорость у нас уже не та.

– Отлично, да? – отдувается Бен, весь мокрый и заляпанный с головы до ног грязью.

– Чудесно, – усмехаюсь я и смеюсь. А ведь и правда чудесно: преодолевая себя, вбегать в зону, где чувствуешь себя живым. Я ощущаю каждую каплю, которая падает мне на голову, как будто могу проследить ее путь до неба или замедлить глазами и наблюдать ее падение. Все чувства работают на пределе. Если прибавить еще, то можно забыть и Тори, и Феб. И не дающую тебе покоя Люси. Она всегда там: стоит только закрыть глаза – протягивает руки, молит о помощи.

– Постоим секундочку, – говорит Бен, когда мы добираемся до вершины холма. Укрываемся под огромным дубом. Бен опускается на корточки, перевязывает шнурки, выпрямляется и прислоняется к дереву.

Отсюда, с вершины, нам видна вся долина; над головой проносится темное небо. Преследователи еще не появились.

– Держу пари, ребята повернули назад. – Бен смеется. – Слабаки!

– Может, и нам стоит?

– Нет. Все равно мы уже на середине, какой тут смысл?

– Тогда пошли. – Мне не терпится продолжить, вложить в забег все силы.

– Что-то случилось?

Пожимаю плечами.

– Скажи мне.

Я смотрю в его мягкие карие глаза. Я верю ему, действительно верю, но имею ли право открываться?

Меня бьет дрожь, и теперь уже Бен обнимает меня за плечи.

– Давай продолжим, – говорю я.

– Сначала поговорим.

Придавленная его взглядом к дереву, я чувствую себя хуже, чем в кабинете доктора Лизан-дер. Дыхание и пульс постепенно замедляются, и меня начинает трясти, но не от холода. Я прижимаюсь лицом к его груди.

– Может, я сумею помочь.

Причин молчать сколько угодно. Обещание, данное Маку. Понимание опасности некоторых вещей для Бена. Может ли он сам держать язык за зубами? Я не знаю, и как я могу это знать, если не уверена в себе самой.

Бен отстраняется, садится под проливным дождем на камень и тянет меня к себе.

– Мы никуда не пойдем, пока ты не скажешь, что случилось.

Я вздыхаю, устраиваюсь поудобнее у него на коленях и закрываю глаза. Так бы и осталась здесь. Он обнимает меня крепче, подставляет ладонь под мой подбородок, заставляет поднять лицо. Я открываю глаза, и Бен наклоняется... Я уже не бегу, но сердце трепещет и бьется быстрее. Он смотрит на меня так же пристально, как и в тот день, когда я думала, что он поцелует меня, а ему всего лишь хотелось поговорить о Тори.

Тори, Феб и Люси... Как много призраков между нами. Но по крайней мере одного я могу изгнать правдой. Отстраняюсь... подбираю слова.

– Ты никогда не интересовался, почему тебя зачистили?

– Ты опять о том же? – Он пожимает плечами. – Иногда. Интересовался, а как же. Но ведь узнать, кем мы были, невозможно, а значит..

– А вот я знаю.

Пауза. Тишина. Только шумит дождь. В глазах Бена сомнение.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает наконец он, старательно удерживая нейтральное выражение.

Я сглатываю. Какой смысл притворяться, что ее нет? Она ведь все равно не исчезнет.

– Мое имя – Люси Коннор. Мне было десять лет, когда я пропала без

вести. У меня был серый котенок, и кто-то сломал мне пальцы. А еще кто-то скучает по мне. – Каждое предложение я произношу шепотом, и после каждого меня бросает в дрожь. Что-то трясется внутри, дергается, пытается разбиться. Но я лишь плачу. Припадаю к груди Бена, и он обнимает меня, гладит по голове. Дождь не ослабевает, ветер набирает силу. Буря, повсюду буря.

– Откуда ты это знаешь? – спрашивает наконец Бен.

Я жду, а когда слезы останавливаются, рассказываю о незаконном компьютере, веб-сайтах, посвященных пропавшим без вести, и Люси Коннор. И Бен начинает верить.

– Не понимаю. Пропавшие без вести?

– Таких людей очень много. Их не арестовывают и не судят; они просто пропадают. Может быть, мы даже не преступники.

Бен качает головой.

– Такого не может быть. Это незаконно. Разве правительство станет нарушать собственные законы?

– Может быть, мы не сделали ничего плохого, а правительству просто не понравилось что-то, что мы сказали или сделали. Хочешь выяснить? Узнать, не значишься ли и ты среди пропавших без вести?

На лице Бена отражается сложная игра чувств. Он начинает говорить, но я поднимаю руку.

– Подожди.

Я поворачиваю голову, прислушиваюсь. Из-за дождя и ветра слышно плохо, но не шаги ли...

На вершине холма появляется один из бегунов. Увидев нас, он ухмыляется и бежит дальше.

Бен разжимает объятия, и я тут же вскакиваю.

– Зачем ты так?

– Он бы все равно нас увидел. Уж пусть лучше думает, что мы тут обжимались, а не вели опасные разговоры.

Обжимались. Так вот чем мы занимались. Или это было только для прикрытия? Лицо горит. Я поворачиваюсь – не бежит ли кто еще?

– Пошли, – говорит Бен и, не дожидаясь ответа, срывается с места.

Ладно. Я мчусь за ним, но догнать не могу. Шаги Бена длиннее моих, и вскоре он исчезает впереди, уносится, словно что-то, встречаться с чем лицом к лицу ему не хочется, преследует его.

Но это только я.

Глава 31

На передней стене в изобразительной студии – малиновка, которую нарисовала Феб. Других рисунков нет. На боковых, на задней они есть, но на передней только этот. Рисунок остался неподписанным, и, кроме нас, никто не знает, чей он. Мы входим поодиночке в класс, и мистер Джанелли, вопреки обыкновению, никого не подгоняет. Сегодня он молчалив, и сегодня наше первое занятие после того, как забрали Феб. Все видят ее набросок на стене и тоже молчат.

Мистер Джанелли должен знать. Я оглядываюсь – у двери стоит миссис Али. Она по-прежнему следует за мной тенью, хотя уже ясно, что я могу обойтись без нее. Присматривает за мной. Интересно, это навсегда? Вот за Беном и Эми никто не следит.

Миссис Али оглядывает комнату, всматривается в лица, словно чувствует что-то. И остается.

– Класс, сегодня я хочу, чтобы вы подумали о том, как важна связь с тем, что вы оставляете на бумаге. Возьмем нашего друга, мистера Красногрудого. Эта связь возникает в какой-то самый обычный момент, и вот в такой момент вы поднимаетесь над собой, открываете в себе художника. Коммуникация между вами и субъектом, да? Движение с обеих сторон. Когда вы видите свой предмет таким, каким его не видит никто другой..

Мистер Джанелли отступает, теперь он с нами, и все смотрят на рисунок Феб. Все вместе мы изучаем набросок. Малиновка доверилась ей, подскочила ближе, еще ближе. Феб улыбается, говорит что-то птахе – та чирикает в ответ. Секунда за секундой, минута тишины... две...

Мистер Джанелли печально качает головой и возвращается на свое место перед классом.

– Сегодня нарисуйте кого-то или что-то, что вам дорого. Что-то, что пробуждает чувства. Любые чувства, плохие или хорошие – не важно. Начали!

Он устало опускается на стул. Класс приходит в движение. Кто-то разглаживает бумагу. Кто-то выбирает карандаши, уголь для рисования. Все как будто проснулись, вышли из транса.

Я склоняюсь над чистыми, белыми листами. Исподтишка поглядываю на миссис Али. Задумчивая, озадаченная, она уходит.

Джанелли выглядит сегодня постаревшим, морщинки у глаз

прочертились отчетливее, кожа серая, как волосы. Одного из его учеников забрали, и он ответил молчаливым протестом, но мы все знаем, что он сделал сейчас и чем рискует. Я вижу, как он достает из кармана фляжку, наклоняет над чашкой с чаем. И берется за свой набросок.

Ни сомнений, ни вопросов – работаю левой рукой. Сажу чуточку повернувшись, чтобы видеть дверь, – на случай, если вернется миссис Али.

«Сегодня нарисуйте кого-то или что-то, что вам дорого. Что-то, что пробуждает чувства...»

Движения быстрые и ровные. Этой темы я никогда не касалась прежде, но с левой рукой все получается как надо с первого раза, без поправок. Задумчивые глаза. Сильный, выразительный подбородок. Темные волосы, скорее волнистые, чем кудрявые. Бен.

Где ты? Сегодня утром его не было на уроке биологии. Тревога не дает покоя, и я кусаю и кусаю, до боли кусаю губу. Не натворил ли чего по глупости? Я спрашивала у мисс Ферн, но она ничего не знала. Хотя и ничего не скрывала – ни беспокойства, ни отстраненности я не заметила. Оказывается, и учителя бывают разные. Ферн, Джанелли, тренер Фергюсон – они настоящие. Могут отчитать, не всегда милы и улыбки, но разговаривают с тобой так, словно ты существуешь, словно ты не пустое место. И есть другие, такие как директор, Риксон, доктор Уинстон и миссис Али, которые, со всеми их улыбочками и бесконечными «я здесь, чтобы помочь тебе», только следят за тобой и ждут, когда ты ошибешься, нарушишь правила.

Я вздрагиваю – звенит звонок. Время пролетело незаметно. У двери возникает миссис Али, и я откладываю карандаш. Джанелли собирает рисунки и прищипливает их на стену вокруг наброска с малиновкой.

– Подождите, еще не закончила, – говорю я, когда учитель подходит ко мне. Он смотрит и, ничего не говоря, идет к следующему столу. Я убираю набросок. На стене море лиц, каждое из которых дорого кому-то из нас. Папы и мамы, братья и сестры. Один пес.

Рядом со мной миссис Али.

– Покажи. – Она не просит – требует. Открывает папку, рассматривает портрет Бена, вскидывает бровь. Кровь бросается мне в лицо. – Хорошее сходство.

Здесь кое-что получше, чем хорошее. Дело не просто в сходстве – в глазах. Они и есть Бен. Тот Бен, которого я ни с кем не хочу делить. Вот так он смотрел на меня вчера перед тем, как я подумала, что он может поцеловать меня, и отстранилась. Перед тем, как я рассказала ему о пропавших без вести и Люси. Перед тем, как он убежал.

Мы идем через класс, и как раз в этот момент Джанелли прикрепляет к стене свой рисунок. Никогда прежде учитель это не делал, не показывал нам свои работы. Все, кто еще остался в классе, поворачиваются и смотрят, и у всех перехватывает дыхание: это Феб. Джанелли передал ту ее сторону, которую я не знала. Злости, гнева нет; в ее лице, позе, во всем проступает печаль. И стоит она одна. Миссис Али смотрит на Джанелли, и глаза ее холодеют.

В перерыве на ланч я иду на стадион. Иду, страшась того, что будет, если я не найду его там. Бен всегда приходит сюда в перерыве. Здесь ли он сегодня?

Оглядываю беговые дорожки. Дождь кончился, и бегуны уже появились. Большинство мне знакомы по тренировкам, но того, кто нужен, среди них нет. Я обхватываю себя руками, наблюдаю за ними какое-то время и стараюсь не думать. Где же он может быть?

Потом поворачиваюсь и натываюсь на Бена.

– Осторожно. – Он кладет руки мне на плечи.

– Где ты был?

– Здесь. Где же еще?

– Тебя не было на биологии.

– Опоздал. Ездил на прием к врачу, а потом у мамы спустило колесо.

– Мог бы мне сказать! – Я толкаю его в грудь и прохожу мимо. Беспокоилась, места не находила, а он, видите ли, был на каком-то дурацком приеме.

– Как я мог знать, что у нас спустит колесо, – рассудительно отвечает Бен, и от этого его тона я злюсь еще сильнее. Он догоняет меня, хватая за руку, цепляет своим мизинцем мой и крепко сжимает. – В чем дело?

Злость выдыхается, а глаза наполняются слезами. Я моргаю.

– Думала, с тобой что-то случилось.

– Так ты беспокоилась обо мне? – Он улыбается, вполне собой довольный. Но решить, что с ним сделать – ударить или обнять, – я не успеваю.

Бзззззз... Я раздраженно вздыхаю.

Бен берет меня за руку – 3.9.

– Идем. – Мы направляемся к беговой дорожке. – Посмотрим, как ты сегодня. Вчера немного тормозила.

Тормозила?! Я срываюсь с места первой и сразу включаюсь на полную. Бен постепенно сокращает отрыв, но не обгоняет. Не хочет? Я прибавляю еще, выкладываюсь на сто процентов и понемногу ухожу вперед. Ощущаю холодное удовлетворение. Вот так и должно быть...

Бег захватывает целиком, но в каком-то уголке проклевывается любопытство. Почему я так злюсь на Бена? Никаких разумных причин для этого нет. Да, вчера он сбил меня с толку тем, что сбежал, когда услышал о Люси, и не пожелал говорить об этом потом. С другой стороны, если он такой, как я, ему понадобилось время, чтобы все обдумать. А поскольку Бен рассчитывал успеть к уроку биологии, то с какой стати ему было извещать кого-то, что его там не будет? Ситуация хоть смейся.

Но мне не до смеха. Потому что во всем этом заключена серьезная проблема. Признавать существование которой я не хочу.

Кто для меня Бен?

Заканчиваем. Возле спортзала, с секундомером в руке, стоит Фергюсон. Мы проходим мимо.

– Рекорд... надо же, – бормочет он, качая головой. – Какая досада.

– О чем это он? – спрашиваю я, опережая Бена.

– Не знаю, но, похоже, мы побили какой-то рекорд.

– Но это же хорошо, да? – Не важно, какая за этим мотивация, не важно, насколько трудно воспроизвести то настроение, которое обеспечило такую отдачу.

Бен пожимает плечами.

– Конечно. Если тебе нравится бить рекорды.

– Но он сказал, какая досада.

– Разумеется. Потому что в соревнованиях мы участия не примем.

Я останавливаюсь как вкопанная.

– То есть как это?

– Защищенных не разрешается включать в состав школьных команд.

Ты же знаешь.

А ведь действительно знаю. Мне это говорили, только, может быть, другими словами. А вот сама я не догадалась протянуть логические ниточки и связать то предупреждение с бегом.

– Но если так, то зачем нам тогда вообще тренироваться? В чем тут смысл? – Я начинаю горячиться, но уровень остается пока достаточно высоким.

Бен разводит руками.

– В прошлом году я спросил Фергюсона, можно ли мне тренироваться с остальными. Он посмотрел, как я бегаю, и разрешил. С тобой, наверно, та же ситуация. Я тренируюсь с командой, тяну ребят за собой, помогаю показывать лучшие результаты.

– А тебе не досадно? Ты – лучший, я, может быть, тоже. Но участвовать в соревнованиях нам запрещено. Это же несправедливо.

– Может, лучший – я, может, лучшая – ты, а может, я просто уступил тебе сегодня, – поддразнивает Бен. На самом деле ему все равно.

Но я не злюсь, а замыкаюсь в себе. Как Феб, одинокая и несчастная, на рисунке мистера Джанелли. Даже Бену, при всем его желании выяснить, что случилось с Тори, похоже, нет дела до того, насколько несправедливо все устроено.

Бен спрашивает, не хочу ли я потренироваться перед собранием Группы в четверг. Потренироваться? Ради чего? Но я соглашаюсь, и тут же звонок приглашает нас на следующий урок. Вид у меня еще тот: волосы мокрые, одежда липнет к спине, а времени воспользоваться душем уже нет. Сидеть рядом со мной на английском точно никто не захочет.

В этом отношении ничего не меняется.

В конце учебного дня меня ловит миссис Али.

Ласково улыбается, глаза теплые. По спине пробегает холодок.

– Кайла, дорогая, нам нужно поговорить.

Мы остаемся в классе, ждем, пока все уйдут.

Учительница английского замечает миссис Али и, пробормотав что-то насчет чашки чая, выходит из комнаты.

– Как дела, дорогая?

– У меня все хорошо. – Я уже остыла после бега и теперь ежусь в неприятной, мокрой одежде.

– Понятно. Есть какие-то проблемы?

– Нет.

– Хорошо. Тогда послушай. Я вижу проблему с потенциалом. Это касается тебя и твоего друга Бена.

Я ерзаю на стуле.

– Что вы имеете в виду?

– Когда ты вышла из больницы? Три недели назад?

– Двадцать два дня.

– Ну вот, уже больше трех недель. Знаю, Бен – симпатичный парень и, судя по всему, скромный и порядочный.

Я уже понимаю, куда она клонит, и краснею.

– Но тебе нужно сосредоточиться на школе, на семье, на интеграции в общество. Не на мальчиках.

– Конечно. Можно идти?

Миссис Али вздыхает.

– Я понимаю, что своими неумеренными занятиями бегом ты пытаешься подавить мониторинговые эффекты «Лево». Но уже в ближайшее время у тебя не будет возможности бегать с Беном во время

ланча. Ты ведь это понимаешь?

– Прекрасно понимаю.

– Можешь идти.

Словно оглушенная, иду к машине Джазза. Мысли путаются, как никогда раньше. Бен. Мне больно. Уже понятно, что видеться с ним в школе так же часто, как раньше, я не смогу. Что касается бега, то если мне нельзя выступать за школьную команду, зачем тогда стараться. Правда, миссис Али не упомянула воскресные тренировки. Может, она просто не знает о них.

В чем проблема миссис Али? В том, что я с Беном? Или в чрезмерном увлечении бегом? Медсестры в больнице советовали заниматься на беговой дорожке для поддержания высокого уровня. Они называли это копинговой стратегией. Уж не хочет ли миссис Али, чтобы я сорвалась?

На обычном месте развалюхи Джазза нет, но я замечаю ее впереди. Он выехал со школьной стоянки, чтобы занять место в очереди на выезд, но машины не двигаются. Что происходит? Увидев меня, Джазз и Эми выходят.

– Где ты была? – спрашивает она.

– Миссис Али задержала.

Эми ежится, будто от холода.

– Все в порядке?

– Лучше не бывает. – Хочу добавить кое-что, но отвлекаюсь на Джазза.

Он не слушает, смотрит на что-то позади нас и уже не улыбается, а когда я оборачиваюсь, берет меня и Эми за плечи и толкает к машине.

– Садитесь. Быстро. – Джазз открывает дверцу.

Я забираюсь на заднее сиденье и смотрю в заднее окно. По дорожке вдоль парковки двое лордеров ведут мистера Джанелли. Еще один идет сзади. Они направляются к черному фургону, припаркованному у школьных автобусов и блокирующему выезд. Джанелли спотыкается; один из лордеров грубо дергает его за руку и тащит за собой. Все автобусы на месте. Ученики ждут, но двери закрыты.

На стоянке полно лордеров в черных жилетах, с оружием. Их не меньше дюжины; школьников около тысячи.

Мы все смотрим, как Джанелли – пожилого человека, художника, осмелившегося выразить протест, – толкают к боковой дверце фургона. Он ударяется головой о крышу, падает, и сопровождающий пинком отправляет его в салон. Дверца со стуком закрывается.

Все только смотрят и молчат. И я тоже.

Глава 32

– Интересно, что он сделал? Должно быть, что-то плохое. – Эми взволнована, но нисколько не расстроена. – Он ведь был твоим учителем живописи?

– Он и есть мой учитель живописи.

– Не думаю, что останется. Раньше никого так из школы не выводили – на глазах у всех.

– Не хочу об этом говорить! – говорю я, но Эми не унимается.

– Ну же, ты наверняка слышала что-нибудь. Расскажи.

– Хватит, Эми, – обрывает ее Джазз.

Она поворачивается к нему.

– А тебе-то что?

Я не слушаю. После возвращения домой меня уговорили пойти с ними на прогулку, хотя я хотела побыть одна у себя в комнате. Но мама сказала, что без меня их не отпустит, и вот...

Но ведь никто не говорил, что мы не можем во время прогулки держаться на некотором расстоянии друг от друга? Я убегаю вперед. Мне нужна скорость, нужен бег. Тропинка та же самая, по которой мы с Эми и Джаззом гуляли в первый раз, три недели назад. Неужели всего три? Мне казалось, времени прошло намного больше. В тот день все было чудесно: лес, деревья, свежие запахи зелени. Я ничего не знала тогда про лордеров, не знала Бена. Не знала о пропавших без вести. Многого не знала. А сейчас? Знаю ли я больше?

Перед глазами снова и снова та сцена у школы: мистер Джанелли ударяется головой о крышу фургона и сползает на землю, а лордер пинает его, как мешок с картошкой. И все потому, что он нарисовал Феб. Теперь его нет, как нет ее, как нет Тори.

Бегу к бревну, потом возвращаюсь и снова иду к вершине, но уже шагом. Мрачные мысли никак не влияют на уровень «Лево», беговая нагрузка вверх-вниз прекрасно его маскирует.

Почему они забрали Джанелли? Не понимаю. Он всего лишь нарисовал Феб. Ни для кого не секрет, что ее взяли лордеры; выхватили из класса на глазах у всех.

И с Джанелли поступили так же, устроив публичное представление. Скрыть случившееся с ним невозможно.

«Может быть, – шепчет внутренний голос, – смысл именно в этом».

Минута молчания по Феб, наставление Джанелли, сегодня нарисуйте кого-то или что-то, что вам дорого, его рисунок. Он выразил свое отношение к тому, как с ней поступили, и подлежал наказанию за несогласие с действиями правительства. Расправившись с ним на глазах у всей школы, они, не говоря ни слова, дали ясный и недвусмысленный сигнал: «Здесь мы все контролируем. Мы делаем все, что хотим». Сделай они все то же самое скрытно, какой в том был бы смысл?

– Привет, зачищенная.

Я вздрагиваю – так задумалась, что перестала обращать внимание на происходящее вокруг. Ноги сами принесли меня на вершину, но теперь я здесь не одна.

Мужчина. Стоит, прислонившись к дереву, в тени, но не прячась, и я бы увидела его раньше, если бы смотрела куда следует. Вспыхиваю от досады – наверняка незнакомец наблюдал за мной все то время, пока я бегала туда-сюда. Бегала, а его пропустила. И вот теперь он между мной и Джаззом и Эми.

– Не здороваешься? – Незнакомец улыбается неприятной улыбкой.

Сальные волосы, нездоровый цвет кожи, красные пятна на бледных щеках и носу. Явно не из любителей оздоровительных прогулок. Лицо вроде бы знакомое, но кто он? Ах да, каменщик. Я видела его в деревне, где он выкладывал садовую стену. После того случая у меня и начались кошмары с кирпичными башнями.

– Какое удачное совпадение, не правда ли? Я ждал возможности поговорить с тобой. Иди сюда, садись. – Слово совпадение он произносит так, что мне становится ясно – ни о каком совпадении речи нет. Неужели он следил за мной?

Незнакомец выходит из тени и опускается на бревно, на котором в прошлую нашу прогулку сидели Эми и Джазз. Я остаюсь на месте. Оглядываюсь. Где же они?

– Я не кусаюсь. – Он снова улыбается. – Просто хочу поговорить с тобой о моей племяннице. По-моему, ты ее знаешь – Феб Бест.

– Феб? А вы знаете, где она? – Я делаю шаг к нему.

– Давай садись, и я все тебе расскажу. – Он похлопывает по дереву.

Мнусь в нерешительности, потом сажусь на край бревна, как можно дальше от незнакомца.

– Если хочешь говорить о таких вещах, садись поближе. Не кричать же мне? У деревьев тоже могут быть уши. – Он смеется и сплевывает на землю.

Придвигаюсь чуточку ближе.

– Так-то лучше.
– С Феб все в порядке?
– Подожди минутку. Сначала я хочу поговорить с тобой кое о чем еще.
– О чем?
– Тот кот был твой, да?
– Что вы имеете в виду?
– За день до исчезновения Феб подобрала какого-то кота, и я отвез ее к ветеринару. Она всегда приносила домой заблудившуюся живность да диких зверьков, заботилась о них. Глупая девчонка.

Я ничего не говорю, только поглядываю на тропинку. Ну где же они?
– Феб сказала, что кот принадлежит какой-то зачищенной шлюшке, с которой она поцапалась, хотя я и предупреждал, что это опасно. Уж не знаю, что ей в голову взбрело, но кота она решила вернуть. А на следующий день моя племянница не пришла домой из школы. Тебе об этом что-нибудь известно?

Я вскакиваю.
– Куда же ты? Не хочешь поговорить о Феб?
Инстинкт кричит: беги. Но спокойная, логичная половина призывает подождать, не торопиться, выслушать, что он скажет.
– Феб была добра ко мне. Теперь ее нет. А виновата ты. Ты сказала что-то лордерам, и они...

– Нет! Я не говорила! – «Беги!» Я поворачиваюсь и мчусь по тропинке, чувствуя за спиной движение – он гонится за мной.

Но уже за первым поворотом мне навстречу летят голоса. Эми и Джазз близко... рядом. Наконец-то.

Они появляются из-за угла. Рука об руку. Похоже, только что спорили о чем-то. Я едва не врезаюсь в них. Джазз удерживает меня за руку и хмурится.

– Все в порядке? – Он смотрит вверх.
Я оборачиваюсь – на тропинке никого.
Эми берет меня под руку.
– Извини, что я так говорила о Джанелли. Джазз объяснил мне, что ты расстроилась из-за него.

Она произносит какие-то слова, но они ничего для нее не значат.
Джазз смотрит на меня с любопытством. Понимает, что что-то случилось, но не спрашивает и лепет Эми не останавливает. Мы спускаемся по тропинке в деревню. Внизу, там, где тропинка выходит к дороге, стоит фургон с надписью «Бест. Строительные работы» на боковой двери. И за рулем он, дядя Феб. Стекло опущено, и когда мы проходим

мимо, он подмигивает, а потом свистит нам вслед. Джазз хмурится. Мы поворачиваем на дорогу, и вдогонку нам несется смех.

– Кто это? – спрашиваю я.

– Это ничтожество – Уэйн Бест. Держись от него подальше, тот еще урод.

Вот совет, которому я непременно последую.

Подходим к дому. Эми бежит к маме – узнать, можно ли Джаззу остаться на обед. Я иду за ней, но Джазз удерживает меня за плечо.

– Что? – Я предвижу вопросы насчет того, что случилось на тропинке, и еще не знаю, как на них ответить.

Он ждет, пока закроется дверь.

– С тобой Мак хочет повидаться. В следующий понедельник. Заедем к нему после школы, и я поведу Эми прогуляться. Тебя устроит?

Ни обдумать услышанное, ни тем более ответить я не успеваю – Эми открывает дверь и качает головой.

– Мама говорит, не сегодня. В другой раз, ладно?

Джазз встречает известие с заметным облегчением, чего Эми совершенно не замечает. Удивительно, как можно быть настолько слепой и не видеть того, что у тебя перед глазами? Я захожу в дом, чтобы они могли попрощаться без свидетелей.

– Ну, что сегодня в школе? – спрашивает мама, раскладывая по тарелкам еду.

Поскольку папа в школу не ходит, я делаю заключение, что вопрос обращен к нам с Эми.

Смотрю с надеждой на Эми, но она только пожимает плечами – похоже, злится, что Джазза не пригласили на обед.

Папа переносит тарелки на стол.

– Неужели и рассказать нечего? Хороший был день, плохой? Случилось ли что-то интересное, необычное?

Он ставит передо мной тарелку, и у меня вдруг появляется чувство, что ему известно если не все, то по крайней мере кое-что из произошедшего после занятий.

Смотрю с мольбой на Эми – ну скажи хоть что-нибудь. Бесполезно.

Я вздыхаю.

– Лордеры забрали моего учителя живописи.

Мама ахает и опускается на стул.

– Бруно Джанелли?

– Да. – Я удивленно смотрю на нее. – А ты его знаешь?

– Он старше, чем кажется, и преподавал живопись, когда еще я ходила в школу. Великий художник и хороший... – Она останавливается на середине предложения. – Да, давно это было. Кто знает, какой он теперь.

«Каким он был», – мысленно поправляю я и сама неприятно удивляюсь тому, что думаю о нем в прошедшем времени. Нет, конечно же нет.

– Что с ним будет?

Мама и папа переглядываются. Мама поднимается и начинает мешать что-то на плите.

– Наверно, это зависит от того, что он сделал. Не беспокойся об этом, – говорит папа.

Поздно вечером, оставшись наконец одна в комнате, я сворачиваюсь на кровати рядом с Себастианом. Он урчит. Стараюсь осмыслить случившееся за день, вывести какой-то итог, но ничего не получается. Как не получается и не думать.

Единственное решение... Карандаш и бумага. «Сегодня нарисуйте кого-то или что-то, что вам дорого. Что-то, что пробуждает чувства». Рисую левой рукой. Лихорадочно. Снова и снова. Далеко за полночь. Тори. Феб. Люси. Джанелли. И Роберт – брат из прошлого, которого я не знала.

Водитель беспрерывно как будто от этого может быть какой-то толк. Автобус застрял в пробке и стоит на месте.

Симпатичная блондинка в задней части салона опустила голову на плечо сидящего рядом парня. Он обнимает ее одной рукой. Задержка несколько их не беспокоит. Остальные не знают, чем заняться, и не находят себе места. Двое или трое читают; несколько ребят постарше измываются над мальчишкой младше; девочки обсуждают мальчиков; одиночки смотрят в окно.

– Сделайте что-нибудь! – кричу я шоферу. – Откройте двери! Выпустите их!

Но он не слышит меня и не знает, что сейчас случится.

Блондинка сзади замерзла. Ее парень поднимается с сиденья и тянется за своей курткой на верхней полке.

Вот тогда все и случается: свистящий звук, вспышка света, взрыв. И крики.

Ядовитый дым... окровавленные руки стучат в окна, которые не открываются... и крики, крики. Парень обнимает ту, что была симпатичной блондинкой, но слова любви запоздали. Она мертва.

Снова свист... вспышка... взрыв. Зияющая дыра в боку автобуса, но большинство уже молчат. Парня оттаскивают от девушки, и только

тогда он присоединяется к немногим выжившим. И тоже кричит. Я затыкаю пальцами уши, но крики не смолкают.

Не сразу, но до меня все же доходит.

Это я.

– Тише, тише. Это только сон.

Я отбиваюсь, мечусь, потом понимаю, где нахожусь. В постели, дома – точнее, в моем нынешнем доме, – и обнимает, удерживает меня не Эми, а мама. Эми появляется у двери, зевает и уходит. Должно быть, мама проснулась и пришла первой.

«Лево» вибрирует: 4.4. Уровень не такой уж и низкий, но мне страшно, и во рту вкус крови. Перед глазами сцена из сна. Роберт и Кэсси, та симпатичная девушка. Должно быть, мое подсознание выбрало их с фотографии, которую показывал Мак.

По всей кровати листы бумаги, мои наброски. Мама разглаживает их молча и собирает в стопочку, но останавливается, наткнувшись на рисунок с Джанелли.

На моем рисунке он стоит в классе, под своим наброском Феб – рисунок в рисунке. И Феб на бумаге – это его Феб, одинокая девушка, которую я так и не узнала.

Мама смотрит на Джанелли. Лицо у нее печальное. Я успеваю собрать остальные листки, так что увидеть Роберта и Кэсси она не успевает.

– Что ты наделал? – шепчет мама, трогая лицо Джанелли на бумаге, и поворачивается ко мне. – Мы здесь вдвоем, и это останется между нами. Что с ним случилось? Я вижу, ты знаешь. У тебя все на лице написано. Тебе нужно научиться скрывать мысли и чувства, как это делаем мы. Но сейчас, пожалуйста, расскажи мне, что знаешь.

И я рассказываю. О Феб и малиновке. О том, что сказал учитель. Как мы стояли молча и как он потом нарисовал ее.

– Милый дурачок. Сейчас даже думать опасно, и они взяли бы его только за это. Послушай меня, Кайла. Я знаю – ты уж мне поверь, – как сильно это все расстраивает тебя. Как трудно все понять. Но тебе необходимо научиться держать все в себе, таиться. Иначе долго не протянешь. Я не хочу, чтобы тебя забирали. Пообещай мне, что постарайшься, хорошо?

Я обещаю. А что еще остается? Произношу нужные слова и сама в них верю.

– Я уничтожу это. – Мама берет рисунок с Джанелли. – Другие такие же есть? – Она смотрит на стопку рисунков. А если увидит набросок с Робертом? Что сделает с ним? И, между нами, как она любит выразаться, я

вовсе не уверена в ее чувствах по отношению к Маку.

– Дай-ка посмотрю. – Мама протягивает руку...

Но тут с лестницы доносятся тяжелые шаги, и она торопливо засовывает всю стопку под одеяло. Дверь открывается.

– У вас здесь все в порядке? – улыбается папа.

– Да, все хорошо. – Мама поворачивается к нему. – Небольшой кошмар, ничего страшного. Так, Кайла?

– Да. Мне уже лучше, – подтверждаю я.

Тем не менее папа не уходит. Ждет маму?

В комнату входит и запрыгивает на кровать Себастиан. Начинает устраиваться, и бумаги под одеялом чуть слышно похрустывают. Наконец кот успокаивается. Я глажу его, и он мурчит. Где же ты бродил, когда был мне нужен, а, котяра? Мама выключает прикроватный свет, встает и выходит. Прежде чем закрыть дверь, оборачивается.

– Постарайся поспать, – говорит она, а глаза как будто молят: уничтожь рисунки.

После недолгих размышлений решаю спрятать. Поднимаю ковер под окном и засовываю под него листки.

Глава 33

– Так нечестно. – Эми уперлась и, подбоченясь, стоит на своем.

Я завязываю шнурки – скоро придет Бен.

– Полагаю, ты права. Так нечестно, – говорит мама, и мне становится не по себе. Замолчи, говорю я Эми глазами, но прием не срабатывает.

– Ты не разрешаешь нам с Джаззом гулять вдвоем, а Кайле почему-то позволено гулять с Беном.

– Мы не гулять идем, а бегать, а потом у нас собрание Группы, – указываю я. – И он мне просто друг. – А друг ли?

– Что ж, Эми, пожалуй, права. – Мама лукаво подмигивает мне и поворачивается к ней. – Вот что я скажу: почему бы тебе не побегать с ними?

– Побегать? Ты серьезно? – Эми отшатывается в ужасе и убегает вверх.

– Будь осторожна. – Мама подтягивает молнию на моей куртке.

– Конечно.

– Вижу, ты хочешь о чем-то меня спросить.

– Правда?

– Тебе нужно поучиться делать каменное лицо. Потренироваться перед зеркалом.

– А что такое каменное лицо? – Я задаю один вопрос, чтобы отвлечь ее от другого.

– Каменное лицо – бесстрастное лицо. Как у игрока в покер, которому важно сохранять нейтральное выражение, чтобы никто не мог понять, какая у него карта.

Отвожу занавеску на окне, выглядываю. Ну же, Бен, хотя бы раз приди вовремя.

– И отвечая на твой невысказанный вопрос, скажу: ты не такая, как Эми. Странно, но я чувствую, что могу отпустить тебя одну с Беном. А вот в ее здравомыслие с Джаззом мне не верится. Понимаешь?

Звонит телефон, и она спешит поднять трубку.

Мама видит больше, чем я иногда думаю, и больше, чем понимает Эми. Они с Джаззом постоянно друг друга трогают, держатся за руки да целуются, а у нас с Беном ничего такого нет. С другой стороны, они же не у нее на глазах милуются, а тогда откуда ей все известно?

Миссис Али смотрит на вещи иначе. После того как она запретила мне

бегать с Беном на ланче, мы почти не разговаривали всю неделю. Не иметь возможности побыть вместе хотя бы чуточку в течение дня – это неправильно. Конечно, миссис Али видела мой рисунок Бена, а мама не видела и не увидит, потому что я спрятала его вместе с другими под ковер.

Снова выглядываю в окно и на этот раз вижу – Бен бежит по дороге. Наконец-то.

– Пока, мам! – кричу я и выскальзываю за дверь.

Как обычно, начинаем без раскочки. Поздоровались – и вперед. Может, это и есть чрезмерная физическая нагрузка? Мне нравится глухой стук подошв по асфальту, бегство в иной мир, где значение имеет только скорость. Ноги у Бена длиннее, и ему приходится приспосабливаться к моему ритму, так что его топ-топ и мой тап-тап смешиваются во что-то знакомое и легкое, звучащее особенно умиротворяюще после тишины последних нескольких дней.

После случая с Джанелли настроение в школе изменилось. Когда забрали Феб, все только об этом и говорили, теперь же не слышно даже шепота. Этой темы никто не касается. Может быть, потому, что все видели, как с ним обошлись, и необходимости в полуправде и домыслах нет. Замену Джанелли не прислали, и уроки живописи отменены до дальнейшего уведомления. Мое свободное время заполнили занятиями в общей группе, где все сводится к выполнению домашней работы.

Начинаю сбавлять ход, хотя обычно это делает Бен. Сегодня мне нужно поговорить с ним кое о чем.

Бен обходится без комментариев; просто следует моему примеру и не спешит с вопросами. Вообще-то, он за целую неделю едва ли произнес хоть слово. Я заранее продумала, что и как сказать, но весь план идет насмарку, едва я поднимаю голову и смотрю на него.

– Ты злишься?

– Что?

– Не притворяйся, что не слышал. Это продолжается всю неделю. Даже с воскресенья.

– Не говори глупости. Конечно, не сержусь, – сердито говорит Бен.

Я останавливаюсь.

– В чем дело? Я сделала что-то не то?

Он проводит ладонью по волосам.

– Кайла, не всегда дело только в тебе, ясно?

Я отступаю, словно получила пощечину.

– Тогда в чем?

– Тише.

Я с опозданием ловлю себя на том, что повысила голос. Он берет мою руку, сплетает пальцы. Мимо проносится машина. Бен оглядывается по сторонам. Никого не видно.

– Идем. – Он тянет меня к растущим вдоль обочины деревьям. В темноте едва просматривается тропинка, ведущая к забору с металлической калиткой, которая слегка мерцает в лунном свете. По другую сторону забора тянутся поля. До дороги несколько минут пешком; проходящие машины едва слышны.

Бен останавливается и прислоняется к забору; его лицо теряется в тени.

– Тихие слова в ночи (строчка из стихотворения Барбары Толман «Тихие слова»), – шепчет он, а потом подхватывает меня и сажает на забор, так что теперь мы смотрим друг другу в глаза. Я уже освоилась в темноте и вижу на его лице то же выражение, которое было тогда, в дождь, когда мне показалось, что он поцелует меня. То выражение, которое я перенесла на бумагу на последнем уроке у Джанелли.

Бен наклоняется – так быстро, что я не успеваю отреагировать, – и легко касается губами моей щеки.

– Я не злюсь на тебя, – шепчет он мне на ухо, и от этих слов по шее бегут мурашки. Внутри все переворачивается, а рука, словно сама собой, тянется к его губам и...

Бен с сожалением качает головой и отступает.

– Нам нужно поговорить. Времени мало.

Я опускаю руку.

Он снова прислоняется к забору, прячется в тени, но ничего не говорит. Листья шуршат на ветру, ограда подо мной как будто ледяная, и я уже начинаю дрожать от холода, а руки и ноги покрываются гусиной кожей.

Бен придвигается ближе и берет мои руки в свои.

– Мне не доставало наших пробежек, – говорит он, когда я сообщаю о запрете бывать на беговой дорожке.

– Мне тоже.

– Скучала по мне?

– Скучала по пробежкам! – Бен поднимает брови. – И по тебе, – добавляю я. Он усмехается – мол, так я и не сомневался, но хотел, чтобы ты признала это сама.

– Насчет бега мне все понятно. Я и сосредоточиться на чем-то могу, только когда бегу в полную силу. – Он хмурится. – Но то, что ты сказала в воскресенье... оно не выходит из головы.

В ушах звучат эхом слова миссис Али: «Своими неумеренными занятиями бегом ты пытаешься подавить мониторинговые эффекты „Лево“... И я вдруг понимаю, что таким, как сейчас, не просто улыбающимся мальчишкой, вижу его только тогда, когда он бежит. Бег как будто освобождает его.

Он выпускает мои руки и прислоняется к забору.

– И я не могу не думать о том, что случилось с Тори...

Я обхватываю себя, как будто хочу удержать боль внутри. Тори – призрак, постоянно стоящий между нами. Трясу головой, прогоняю эту мысль. Нет, не призрак! Она не может быть призраком. Или может?

– ...и с Феб, и с твоим учителем живописи, и со всеми остальными исчезнувшими. Насколько мне удалось выяснить, ситуация только ухудшается. Людей исчезает все больше и больше.

– Так пойдем со мной. В понедельник, после занятий. Сам все увидишь. Проверишь, нет ли тебя на веб-сайте. – Вот и нарушила обещание. Ну да это ведь не кто-нибудь, а Бен, и я ему доверяю. Но легче не становится – чувство вины ложится тяжелой тенью.

– В том-то и дело, что я не хочу. Не хочу знать.

– Не понимаю.

– О тебе заявили как о пропавшей без вести. О тебе кто-то заботится, кто-то хочет, чтобы ты вернулась. А меня не ищет никто. Я никому не нужен и, может быть, поэтому здесь. Примерно так было и с Тори: ее новая мать просто решила, что не хочет ее больше. А если мои настоящие родители отказались от меня?

– Система так не работает. Зачистке подвергают не каждого, а только тех, кого арестовали и судили за какое-то преступление. – Я слышу себя и понимаю, что мои слова звучат фальшиво. Да, так должно быть, но так бывает не всегда, доказательством чему служат – если, конечно, они настоящие – те веб-сайты, посвященные пропавшим без вести детям.

Жаловаться, обижаться на то, что тебя приговорили к зачистке, бесполезно: после того как это случается, ты уже не помнишь ничего. И, в конце концов, назвать пропавшим без вести осужденного по всем правилам нельзя. Его родители знают, что с ним произошло.

– Поняла, да?

Я киваю.

– Просто не думала об этом.

– Так зачем мне что-то выяснять? Какая от этого польза? Я все равно не помню ничего, что было раньше. Я – не тот самый человек. И в семье у меня сейчас все хорошо. Даже лучше, чем хорошо.

Семья Бена... О которой мне ничего не известно.

– Расскажи.

Мы выходим на дорогу, и Бен рассказывает о своем отце, учителе начальной школы и любителе играть на пианино, и матери, управляющей маслобойней и скульпторе по металлу. Своих детей у них нет. Бен живет в семье третий год, ему хорошо с ними, так зачем же что-то ломать?

Он говорит, я слушаю, но в голове звучат слова, сказанные им вначале: я никому не нужен.

Нужен мне, думаю я.

Но вслух этого не произношу.

Глава 34

Сегодня лордеры снова проверяют машины у больничных ворот. Двое стоят в коридоре возле офиса доктора Лизандер, и когда я прохожу мимо, по спине пробегает холодок. Позже, сидя в комнате ожидания, наблюдаю за ними исподтишка и ничего не могу с собой поделать. Оба напряжены и реагируют на каждое движение и каждый звук. А вот я привлекаю их внимание не больше, чем сидящий на стене паучок. Защищенная, не представляющая ни интереса, ни угрозы.

– Войдите, – доносится наконец из офиса доктора Лизандер, и я спешу в кабинет и с облегчением закрываю за собой дверь.

– За тобой кто-то гонится? – с улыбкой спрашивает она.

– Нет, конечно нет.

Доктор вскидывает бровь.

Я вздыхаю.

– Ну, если уж вам так хочется знать, у меня от этих лордеров мурашки по спине ползут.

– Скажу по секрету, Кайла, у меня тоже.

Я смотрю на нее недоверчиво.

– Правда?

– Правда. Но я их игнорирую, притворяюсь, что там никого нет. Если не признавать их существования, то они все равно что не существуют.

Она говорит это так спокойно и уверенно, словно отключением своего внимания может отправить в небытие целый народ.

Я невольно сжимаюсь и бросаю на нее быстрый взгляд – заметила или нет, – но доктор печатает что-то на экране и лишь потом поднимает голову.

– На прошлой неделе ты решила сосредоточиться на занятиях рисованием. Как успехи?

– Не очень хорошо.

– О? А что так?

– Уроки живописи отменены. А учителя живописи лордеры забрали на глазах у всей школы.

Шок проносится по ее лицу летучей тенью – зрачки на мгновение расширяются, дыхание прерывается на полувдохе, – и оно снова становится невозмутимым.

– И как ты?

– Рисую дома, но это не то же самое.

– Ты неправильно меня поняла. Что ты чувствуешь? Как относишься к тому, что случилось с преподавателем?

Интересно. Я по собственному опыту знаю, что обсуждать действия и поведение лордеров запрещено. Однако же доктор Лизандер совершенно открыто беседует со мной на запретную тему. Осторожно, Кайла, они за стеной, в коридоре. Кто знает, что и как они могут услышать.

– Наверно, у них были на то какие-то свои причины.

– Перестань, Кайла, я же вижу, как ты переживаешь из-за учителя.

– Неужели?

– Твои глаза – окна в твою душу.

Какая досада. Я практиковалась дома перед зеркалом, училась, по совету мамы, сохранять каменное лицо. Но стоило подумать о чем-то, к чему я равнодушна, как это сразу отражалось в зеркале. Думай о Себастиане. Это вроде бы помогало.

– У меня есть душа?

– Ты пытаешься отвлечь меня, и у тебя неплохо получается. А про глаза как окна – это старая пословица.

– Я имею в виду, может ли быть душа у таких, как я?

Доктор откидывается на спинку стула и с любопытством смотрит на меня.

– Для того, кто верит в существование души, процедура зачистки никак не может повлиять на ее наличие или отсутствие.

– А вы верите?

Она качает головой.

– Кайла, ты забываешь, кто здесь задает вопросы. Отвечай на мои. – В ее голосе звучит предостерегающая нотка.

Я стараюсь придумать что-нибудь нейтральное, не опасное, но потом решаю – нет. Мистер Джанелли заслуживает лучшего. Заслуживает правды.

– Он – хороший человек. Мы были ему небезразличны. И вот теперь его нет. Как, по-вашему, я себя чувствую?

Доктор хмурится.

– Отвечаешь вопросом на вопрос? Ты же прекрасно знаешь...

БУМ!

Звуковая волна накрывает офис. Здание вздрагивает, дрожь проходит по полу у меня под ногами, и страх сковывает тело. Крики, неблизкие и слабые, но все же и не далекие.

Террористы?

Дверь у меня за спиной распахивается, и я оборачиваюсь. Из коридора в комнату врываются лордеры. Впервые за все время я даже рада их

появлению. Один говорит что-то в головной телефон.

– Идемте с нами, – бросает другой, обращаясь к доктору Лизандер, но та замерла за своим столом, бледная, с застывшим лицом. – Быстрее! – кричит он. Она вздрагивает, поднимается и, сопровождаемая лордерами, идет к двери.

А что делать мне?

– Кайла... – Доктор Лизандер оборачивается. – Иди на сестринский пост. И не беспокойся, с тобой ничего...

Ее хватают за плечо и выталкивают в дверь.

На бледном лице снова проступает шок. Доктор больше не в силах сделать так, чтобы они исчезли.

Грохот, крики, звуки, та-та-та, похожие на автоматные очереди в старых фильмах. Автоматы? Где? Прислушиваюсь – то ли где-то внизу, то ли снаружи. Прохожу через кабинет к окну.

Решеток на нем нет, и выходит оно во внутренний дворик с деревьями и скамейками. Медсестры сбились в кучку, но ни автоматов, ни тех, кто мог бы стрелять, не видно.

Доктор Лизандер сказала идти на сестринский пост. Я шагаю к двери и... останавливаюсь. На столе компьютер. И он включен.

БУМ!

Здание снова вздрагивает. На этот раз взрыв ближе.

Я замираю в нерешительности. Паника кричит: беги, но любопытство шепчет: когда еще у тебя будет такой шанс?

Меня трясет. Живот сжимается, норовя выбросить завтрак. Что ж делать? Смотрю на дверь. Делаю шаг вперед. И тут же отступаю. А кто сказал, что там безопаснее, чем здесь?

Сажусь за стол, в ее кресло.

На правой половине экрана мое фото. Кайла 19418. Это номер моего «Лево». На левой – записи доктора Лизандер: короткий отчет о сегодняшнем прерванном разговоре, но без упоминания Джанелли. Перечень дат сверху вниз, последняя неделя на самом верху. Навожу курсор и, помедлив, кликаю. Так и есть – вся наша беседа в тот день. Ее наблюдения.

Под моим именем строка меню с заголовками: Прием. Операция. Сопровождение. Рекомендации.

Щелкаю по первому. И вот она, я. Во всей красе. Я, но не я. Лежу на больничной койке. Только койка другая, с ремнями. Ремни на руках и ногах. Волосы длиннее, спутанные. А еще я хуже себя нынешней. Лицо пустое, глаза тоже – уж точно не окна ни в душу, ни куда бы то ни было.

Я смотрю на экран компьютера и одновременно фиксирую: крики, выстрелы, придушенный вопль. Быстро пролистываю первые два файла, «Прием» и «Операция». Ищу ответ на главный вопрос, почему я здесь, но ничего не нахожу. Непонятные термины, описания, результаты сканирования моего мозга.

Шаги, крики. Теперь громче, ближе.

Но что это? Кликаю по ссылке «Рекомендации».

Еще громче и ближе. Я смотрю на дверь.

Шевелись, прячься, быстро! – кричит голос у меня в голове. Где? Куда? Озираюсь, еще раз бросаю взгляд на экран с открытыми окнами, и тут передо мной раскрывается последнее, «Рекомендации». Таблица с мероприятиями и датами. «Совет рекомендует терминацию. Доктор Лизандер против. Назначен повторный курс. Отмечаются признаки регрессии. Рекомендовано назначение дополнительных Следящих. Совет рекомендует терминацию в случае рецидива». Последняя запись внесена за неделю до выписки из больницы.

Шевелись, прячься, быстро!

Дверь распаивается.

Поздно.

На пороге мужчина. Не лордер – всклокоченные волосы, безумный взгляд, черная одежда – на форму лордера она похожа весьма отдаленно и не выдерживает даже поверхностной инспекции. Мое внимание разделяется: одна половина отмечает мелкие детали внешности, другая фокусируется на главном: пистолете в его руке. Незнакомец поднимает руку и целится в меня.

За спиной у него возникает другое лицо.

– Оставь ее! У нее «Лево».

Но первый продолжает целиться.

– Так будет милосерднее, – говорит он.

Я качаю головой, пячусь к стене. Пытаюсь выговорить что-то вроде «нет, пожалуйста, не надо», но сформировавшиеся в голове слова застревают в горле и не выходят наружу.

– Не трать впустую пулю! – кричит второй и дергает первого за руку. Оба бегут дальше по коридору.

Ноги не держат, и я соскальзываю по стене на пол. Меня трясет, но «Лево» показывает 5.1. И как это объяснить?

Не знаю.

Включившийся инстинкт самосохранения заставляет подняться. Я закрываю все окна на экране компьютера и выглядываю за дверь. Коридор

пуст. Справа, куда побежали двое незнакомцев, доносятся крики. Я бегу в другую сторону.

Свет моргает несколько раз, потом гаснет. Темно хоть выколи глаз. Окон в коридоре нет. Глубоко внутри рождается и пытается пробиться вверх слабый, дрожащий крик. Держись, ты же знаешь дорогу. Вспомни! Дышу медленно и глубоко. Вызываю из памяти план больницы. Восьмой этаж. Иди на сестринский пост, так сказала доктор Лизандер.

Касаясь рукой стены, осторожно, стараясь не шуметь, дохожу до конца коридора. Двойная дверь, поворот влево – вот и пункт назначения.

Тишина. Двигаюсь вперед, выставив руки, чтобы найти край стола, но подскальзываюсь на чем-то и растягиваюсь на полу. Пол мокрый. И липкий. В воздухе какой-то странный металлический привкус. Вдыхаю... и меня едва не выворачивает наизнанку. Кровь.

Пячусь в темноте на четвереньках и натыкаюсь на что-то – нет, на кого-то – на полу. Рука... ладонь... Женщина в форме медсестры. Молчит, не шевелится. Липкая лужица... Стиснув зубы, провожу пальцами по руке до шеи. Она еще теплая, но точно мертвая. Последний крик, который я слышала перед появлением тех двоих, с пистолетом. Это они ее убили. Больше никому.

Убили...

Поднимаюсь и бегу наугад по темному коридору.

Стой. Не шуми. Спрячься.

Чутье подсказывает: не спеши, осторожнее. Тише. Пытаюсь вспомнить, была ли на месте медсестра, когда я выходила из лифта. Да, я прошла мимо нее. Но как она выглядела? Знакомую я бы наверно запомнила. Но сначала меня отвлекла мама, а потом...

Мама! Как всегда, она отправилась выпить чаю с какой-то подругой. Куда они пошли? Я не знаю! Мама, где ты?

Возьми себя в руки. Успокойся. Быстро!

Дышу. Вдох... выдох... Сердце замедляет бег, волна паники отступает. Я отгородилась от нее. Постой, прислушайся. Ничего, ни звука. Больница погрузилась в непривычную, жуткую тишину.

Ноги сами несут меня к аварийному выходу и дальше, к тому месту, которое они знают лучше всего: на десятый этаж. Моя бывшая палата. По лестнице поднимаюсь шаг за шагом, держа руку на стене. Останавливаюсь, прислушиваюсь и снова ничего не слышу. Наконец добираюсь до двери на десятый этаж и в страхе останавливаюсь. А вдруг заперто? Дверь, однако, открывается. Возможно, как раз из-за отключения электропитания? Делаю шаг в коридор. Здесь работает аварийное освещение, звучат голоса, ходят

люди. Голоса спокойные, никто не кричит. Еще шаг...

Свет в лицо.

– Уж не Кайла ли? Точно. – Свет уходит вниз. Передо мной сестра Сэлли, одна из медсестер, работавших на десятом этаже, когда я была здесь. Глупо, но я счастлива видеть живое, знакомое лицо. Улыбаюсь. Она берет меня за плечо. – Ох, дорогая, ты ведь, наверно, на прием приехала? Идем. Нам всем нужно в кафетерий. Ты сможешь нам с новенькими? Они немного растеряны.

И вот я уже держу за руки двух Зачищенных. Новеньких. Они еще неуверенно держатся на ногах, но улыбаются блаженно, во весь рот, словно в их жизни сегодня – самый чудесный день.

Сестра катит кресло-каталку, везет совсем новенькую, которая еще и идти не может.

В коридоре полным-полно пациентов и медсестер.

Нетерпеливый голос за спиной.

– Живее! Живее! – торопит нас один из лор-деров.

Мы все движемся в направлении кафетерия, единственного помещения, способного принять такую толпу. Лордеры вталкивают последних и баррикадируют дверь.

Я моргаю. Естественный дневной свет, который намного ярче тусклого аварийного, вливается в кафетерий через большие зарешеченные окна.

– Кайла, ты ранена! Что случилось? – Сестра Сэлли усаживает меня на стул, осматривает руку, плечо.

– Ранена? Я не... О, понятно. Кровь не моя. Я споткнулась о кого-то внизу... – Не знаю, как продолжить, и переключаюсь на другое. – Что происходит?

– Не беспокойся. Вот увидишь, все будет хорошо.

– Они стреляют, убивают людей.

Сэлли охает и качает головой.

– Я и забыла, какой ты бываешь непосредственной. На больницу напали террористы. Сейчас последних оттесняют вниз, поэтому всем приказано сидеть тихо.

– Ты в порядке, дорогая? – Еще одна сестра улыбается мне, держа в руке несколько шприцев.

– Да, в порядке. – Я думаю о Себастиане. Похоже, помогает – сестра идет дальше. Сэлли присоединяется к ней, и они вместе проверяют остальных.

Я плюхаюсь на стул за одним из столов. Рядом девушка в кресле-каталке. Длинные каштановые волосы падают ей на лицо. «Лево» у нее

вибрирует. Я оглядываюсь, машу Сэлли, чтобы подошла, но она не видит. Девушка заваливается на бок и как будто пытается дотянуться до чего-то...

Вот оно, на полу. Я наклоняюсь и поднимаю мягкую игрушку, которую она, должно быть, обронила. Это вислоухий кролик.

– Держи. – Я кладу игрушку ей в руки, а она поднимает голову и улыбается, широко и счастливо.

Меня словно толкает назад. Нет, не может быть. Этой улыбке не место на этом лице. Да она ей идет, все прекрасно, но все не то.

– Феб? – едва слышно шепчу я.

Глава 35

Что-то острое колет меня в плечо.

По венам струится тепло. И почти мгновенно сердце сбавляет ход, сжатые в кулаки пальцы разжимаются. Это не «хэппи джус». Это что-то посильнее.

Я то отключаюсь, то снова прихожу в себя.

Включается свет. Я в каталке. Меня везут по коридору, но где это, я не знаю, потому что вижу только пол. Поднять голову и оглядеться не получается.

Теплый душ. Одна медсестра удерживает меня в вертикальном положении, другая трет мочалкой. Чужая кровь смывается легко. Я смотрю и вижу свою идеально белую кожу.

Мягкие, пушистые полотенца, чистое белье.

Больничная одежда. Нет, так нельзя. Я пытаюсь сосредоточиться, но не могу. Меня укладывают в постель, но это не моя постель. От прохладных простыней по коже бегут мурашки. Не моя кровать? Стараюсь не закрывать глаза, но веки все равно опускаются.

– Кайла, ну же, давай. Проснись.

Мне тепло и хорошо. Я парю отдельно от тела и не хочу возвращаться. Оставьте меня в покое. Скольжу через слои тьмы, и голоса слабеют, удаляются...

Вокруг меня кирпичи. И надо мной тоже, насколько хватает взгляда. Я скребу раствор, и он начинает крошиться. Понемножку, по чуть-чуть. Теперь уже недолго...

Скоро я буду свободна.

Другой голос.

– Ну же, Кайла. Пора домой.

Мама?

Глаза открываются.

Мы поднимаемся по винтовому коридору подземного паркинга.

Мама совершенно спокойна и невозмутима. Пока мы шли к машине, она рассказала, что была в офисе подруги, когда грянул первый взрыв. Они заперли дверь изнутри и спрятались под стол.

Когда все закончилось, она долго искала и не могла найти меня. Никто ничего не знал. Целью нападавших стали два этажа – десятый, на котором находилась я, и девятый, где располагаются врачебные кабинеты и комнаты

для совещаний. Впрочем, из руководящего персонала никто не пострадал. Их всех, по примеру доктора Лизандер, быстро увели в безопасное место. Потом, поскольку я не унималась, мама все же признала, что погибли несколько медсестер и лордер. А также все террористы.

В конце концов меня все же нашли: в глубокой отключке. Задержанная реакция и шок, в результате которых, как они посчитали, мой уровень и полетел вниз. В последний момент перед тем, как я вырубилась насовсем, мне сделали укол, а потом держали на успокоительных, не зная, стоит ли отпускать меня без полного обследования и сканирования.

Мама сказала, что ей пришлось пустить в ход свое влияние и позвонить нескольким знакомым, занимающим высокие кресла. Лишь после этого ей позволили забрать меня домой. А еще она сказала, что к тому времени так подняла всем нервы, что ее едва ли не вынесли за ворота на руках.

Дом.

Я немного поспала в машине, потом притворилась, что еще сплю. Эффект инъекции ослабевает. Память начинает возвращаться, сначала кусочками, потом лавиной.

Террористы прорвались в больницу – я не могу в это поверить. Еще труднее поверить, что они убивали людей. «Не трать впустую пулю!» Может быть, будь у них больше патронов, я тоже была бы сейчас мертва. Столько крови... и медсестра, лицо которой не могу вспомнить.

Заставляю себя вернуться в кабинет доктора Лизандер. К ее компьютеру. «Совет рекомендует терминацию; доктор Лизандер возражает». Что это значит? И самое странное: на протяжении всей этой истории я держалась на вполне приемлемом уровне. Совершенная бессмыслица.

Но самым страшным, тем, что и столкнуло меня во тьму, была встреча с Феб.

У мамы железные нервы, и держится она до самого дома, но, едва переступив порог, сдает: падает на диван, сворачивается в комочек и дает волю слезам. Тоже задержанная реакция.

– Что будем делать? – спрашиваю я.

– Позвоним папе, – предлагает Эми.

Мама качает головой – нет.

– Тогда тете Стейси?

Кандидатура не вызывает возражений, и Эми звонит тете.

Долго ждать не приходится, и вот Эми уже играет с малышом Робертом и отдает мне указания насчет обеда, а Стейси и мама берут себе в

компанию бутылочку красного вина.

Главное Эми знает: террористы напали на больницу. О том, что видела двоих в кабинете доктора Лизандер и что один из них едва не застрелил меня, я ни ей, ни кому-то еще не сообщала. Не стала говорить и об убитой медсестре. Эми слушает с увлечением и желает знать все подробности, а этого уже вполне достаточно, чтобы держать их при себе.

В вечерних новостях событию посвящено пять секунд: «Сегодня днем группа вооруженных террористов предприняла попытку атаковать крупное медицинское учреждение в Лондоне. Попытка провалилась».

Расскажите это той медсестре, чья кровь залила весь пол.

Глава 36

– Ты пережила вчера настоящее приключение, – говорит папа, поглядывая одним глазом на дорогу и другим на меня.

– Наверно.

– Испугалась?

– Да.

– Хорошо.

Я удивленно смотрю на него.

– На твоём месте не испугался бы только сумасшедший. – Он останавливается на красный сигнал светофора. – Выспалась?

– Да.

– Кошмаров не было?

– Нет. – Вообще-то закрывать глаза я боялась, но если что-то и снилось, то в памяти ничего не задержалось.

– Интересно. Впервые с тобой случилось нечто по-настоящему страшное, и при этом ты спишь как младенец. – Папа качает головой, как будто я для него загадка, которую он пытается решить. У меня такое чувство, что ему не нравится, когда он чего-то или кого-то не понимает.

– Может, дело в уколе, который мне сделали в больнице.

– Может быть, – говорит он, но я понимаю, что ему хорошо известно, как долго длится действие больничных инъекций. – Что ты подумала о террористах?

Неужели он каким-то образом узнал, что я встретила с двумя из них лицом к лицу? Нет. Откуда? Мы на извилистом участке дороги, и он смотрит только на нее.

– Так что?

Что я думаю о террористах... Да они у меня из головы не выходят. Взорвать автобус со школьниками, убить медсестер...

– Они – зло.

– Некоторые считают, что их действия оправданны. Что лордеры заходят слишком далеко, что зло – это они. Что происходящее в этой и других подобных больницах неправильно.

Я в шоке. Как у него хватает смелости говорить такое, пусть даже кто-то – какие-то неизвестные, безликие и безымянные люди – так думает.

– Но ведь террористы убивают людей, невинных людей, которые вообще ни при чем. Неважно, почему они так делают, это все равно

неправильно.

Он склоняет голову, как будто обдумывает сказанное мной.

– То есть для тебя их методы важнее точки зрения? Интересно.

Мы сворачиваем к школе. Я собиралась попросить подождать минутку – а вдруг миссис Али распорядилась исключить меня и из воскресных тренировок, – но теперь мне хочется поскорее выйти из машины и не слышать папиных вопросов. Когда он говорит «интересно», это звучит так многозначительно.

Фергюсон уже здесь. Он здоровается со мной кивком, когда я выхожу из машины, и мое появление ничуть его не удивляет. Папа машет рукой и уезжает. Мама требовала, чтобы я осталась сегодня дома, но он сказал, что присматривать за нами постоянно невозможно и меня лучше отпустить. В себя она пришла еще вечером, посидев с тетей Стейси, так что когда через несколько часов папа вернулся домой, никто бы и не догадался, что ее что-то расстроило.

Папа определенно высказывается престранно...

– Я знаю, что случилось с Феб.

– Что? То есть откуда? – Бен, отдуваясь, прислоняется к дереву. Я с самого старта и до вершины холма мчалась так, словно за мной гнались лордеры, и он едва поспевал. Обессиленная, я остановилась. Поговорить и проверить, в порядке ли уровень.

– Я видела ее.

– Где?

– В больнице. Ее зачистили.

Быстро рассказываю Бену о вчерашних событиях. Худшее пропускаю. Не потому, что не хочу рассказывать, а потому что не хочу думать, как это описать, – они как будто спрятаны за маленькой, накрепко закрытой дверцей у меня в голове. Кое-что хочет остаться в темном уголке и никогда не выходить оттуда, и меня это устраивает. Я представляла это мысленно накануне, прежде чем уснуть: заталкивала воспоминания за дверцу и запирала на ключ. Может, поэтому и ночь прошла без кошмаров?

– Террористы проникли в больницу? Ничего не понимаю. – Вид у Бена такой, словно он хочет рвануть дальше по тропинке. Я хватаю его за руку, и он сжимает мое запястье.

– И не забывай про Феб, – говорю я.

– А ты уверена, что это была она?

– Да. – Ни малейших сомнений у меня нет, несмотря даже на ту счастливую улыбку, которую я никогда не видела на ее лице.

– Значит, ее зачистили. Но ведь забрали Феб всего лишь неделю назад

или даже меньше. Ее бы не успели осудить за такое время.

– Верно.

Мы идем по тропинке. Спешить некуда, у нас огромное преимущество перед остальными – дождя, который задержал бы на подъеме, не случилось, глинистый склон за неделю высох. Бен останавливается у камня, на котором мы сидели прошлый раз, садится и тянет меня к себе на колено. Обнимает крепко-крепко и, зарывшись в волосы лицом, говорит:

– Так рад, что ты цела и невредима. Даже не знаю, что бы я делал, если бы ты тоже исчезла.

Тоже исчезла... как Тори. Хотя погибнуть от рук террористов не совсем то же самое, как если бы тебя увели лордеры. С тем, кого разметало кровавыми брызгами, все ясно. Разве что об этом никто не узнает.

Вот так мы и сидим. Октябрьское утро дышит морозцем, но солнце уже согревает спину, а с другой стороны греет Бен. Я уткнулась лицом в его грудь и вдыхаю запах его пота и чего-то еще, что и есть Бен. Его дыхание теряется в моих волосах, его сердце стучит вместе с моим, и мне хочется навсегда остаться в этом мгновении.

Наконец он немного отстраняется. Лицо серьезное.

– Послушай. Феб было пятнадцать – я уточнял у одной ее подруги. Поэтому ее зачистили. Но Тори уже исполнилось семнадцать. А Джанелли? Он же старик. Что сделали с ними?

– Не знаю.

– Нам нужно что-то предпринять, – говорит Бен, и в животе у меня расползаются щупальца страха.

– Что, например?

– Не знаю.

– Рассказать по крайней мере о Феб, ведь мы знаем, что с ней случилось. То, что они сделали с ней, незаконно. Люди могут догадываться о чем-то, но наверняка им ничего не известно, ведь так?

Качаю головой.

– Говорить ничего нельзя! Иначе ты запросто окажешься следующим.

– Но если люди не узнают, что происходит, то ничего и не изменится.

– Нет, – твердо говорю я.

– Но...

– Нет! – Я вскакиваю и быстро иду по тропинке.

Бен тоже встает.

– Кайла, я...

– Нет. Пообещай, что не станешь ничего предпринимать.

Долго спорим, и в конце концов он обещает только, что не сделает

ничего, не обговорив это предварительно со мной. Потом мы снова бежим. Топчем и топчем тропинку, пока я не переносюсь туда, где есть только бег и где думать можно как обо всем, так и ни о чем. Вдалеке появляется финиш – наш автобус и фигурка Фергюсона. Я беру Бена за руку.

– Послушай, пойдем со мной завтра после уроков. Сам увидишь те веб-сайты, о которых я говорила.

Он ухмыляется.

Глава 37

Джазз серьезно недоволен.

– Я же сказал «не говори никому», что здесь непонятно? – сердится он.

– Бену можно, он свой.

Джазз пожимает плечами.

– Может, и свой, но дело-то не в этом.

– Извини.

– Не знаю даже, стоит ли везти тебя к Маку.

Не могу сказать, что мне самой так уж хочется туда ехать. Если подумать, я вполне могу обойтись без того, что так интересно обсудить Маку. К тому же мое каменное лицо, несмотря на все старания, получается недостаточно надежным и может не выдержать даже легкого допроса. И, кстати, есть ли оно у Бена?

Эми появляется с одной стороны, Бен – с другой. Сама я примчалась поскорее, чтобы успеть обсудить все с Джаззом, а Бена попросила не торопиться.

– Ладно, решай сам, – говорю я.

– Хорошо, – вздыхает Джазз. – Пусть едет. В конце концов, Мак может и не разговаривать с тобой, если не захочет.

Я машу Бену – мол, разрешение получено, – и он подходит к машине одновременно с Эми. Он удивленно вскидывает бровь.

– Да это Бен.

Он улыбается ей, она улыбается ему, а я думаю, не в этом ли настоящая причина того, что Джазз не хотел брать в нашу компанию Бена. Сейчас парни стоят рядом, и я вижу, что хотя Джазз смотрится подходяще для роли старшего брата, Бен выше и вчистую выигрывает по всем остальным пунктам. Джазз обнимает Эми и целует ее в щеку.

– Все по местам! – Он открывает заднюю дверцу и заталкивает на заднее сиденье Бена. Я забираюсь следом и накидываю ремень безопасности.

– Держись крепче! Ремень здесь только один.

Мак встречает Бена удивленным взглядом, но заметив на его руке «Лево», успокаивается.

Джазз знакомит их, потом смотрит на меня и пожимает плечами – универсальный мужской язык?

– Прогуляемся, Эми? – Джазз протягивает руку, смотрит на Бена,

потом на Мака. На лице невысказанный вопрос: нам взять его с собой?

Мак качает головой.

– Летите, голубки, летите. Наслаждайтесь солнышком. Хороших деньков до весны немного осталось.

Парочка уходит по тропинке.

– Проходите. Выпьете чего? – предлагает Мак.

Я качаю головой. Бен следует моему примеру.

– Итак, чему обязан таким удовольствием?

– Ты вроде бы хотел, чтобы я приехала. Или нет? – растерянно говорю я.

Он поднимает бровь, и я, поняв, что это относится к Бену, краснею от смущения.

– Бен – свой парень. Ты ведь никому не скажешь?

– Конечно, нет. Нам обоим тревожно за пропавших, и...

Мак поднимает руку.

– Не моя проблема. По правде сказать, я об этом и не знаю ничего.

Мы с Беном переглядываемся.

– Послушайте. Вы, двое, посмотрите пока телик или займитесь чем-нибудь на диване, а мне надо поработать с машиной. – Он выходит из комнаты и хлопает задней дверью.

Я смотрю на Бена и пожимаю плечами, как бы говоря, понятия не имею, что здесь происходит, но тут за спиной у нас открывается дверь в коридор.

Мы оборачиваемся – в дверях стоит парень лет двадцати, с рыжими волосами и веснушками на серьезном лице. Никогда прежде я его не видела.

– Привет, Люси. Меня зовут Эйден, – говорит он с улыбкой и вопросительно смотрит на Бена.

– Это Бен. Но не зови меня Люси. Я – Кайла.

– Ты – Люси. Я видел фотографии, а теперь вижу тебя лично. Мак определенно прав. Ты – она и она – ты.

– Может быть, я и была ею когда-то, но теперь я – не она. И при чем здесь ты?

– Да, кто ты, черт возьми, такой? – спрашивает Бен.

На языке у меня вертится тот же вопрос, но вмешательства Бена я не ожидала.

Эйден смеется.

– Бен, вижу, с тобой-то мне и надо поговорить. Рад, что ты пришел.

Мы оба смотрим на него и молчим.

– Э, извините. Кто я или кем мне полагается быть? – Эйден смеется. – Официально телефонный техник, но я также работаю на ПБВ.

– ПБВ? – Бен растерянно хмурится, а вот для меня эти буквы кое-что значат.

– Пропавшие без вести, да? Как на веб-сайте. Вы пытаетесь узнать, что случается с такими... с такими, как я. – Как ни тяжело, но произнести эти слова удастся.

– Точно, – ухмыляется он. – Проходи. Покажем Бену.

Идем по коридору в комнату Мака, где уже стоит перенесенный из тайника и включенный компьютер.

– Покажи мне Люси, – говорит Бен. Эйден задает поиск по имени – и вот она. Я вижу, как Бен оценивающе рассматривает на экране ее счастливое лицо. Лицо десятилетней Люси Коннор. Потом смотрит на меня. И снова на нее. – Да, это точно ты. – Сердце сжимается. Не то чтобы у меня были какие-то сомнения, но когда заключение дает человек, знающий меня так хорошо, как Бен, то спорить уже не о чем. Предположение становится фактом.

– Итак, что дальше? – Довольный, Эйден поворачивает кресло и смотрит мне в глаза своими, синими, немигающими. – Вопрос к тебе, Люси или Кайла, что ты собираешься со всем этим делать?

– Ты о чем?

Эйден берет компьютерную мышку и наводит курсор на кнопку «найден» на экране под фотографией Люси.

– Нажать?

– Не понимаю. Что это значит?

– Все просто. Если нажмем, те, кто объявил о твоем исчезновении, узнают, что ты жива и здорова. А потом ты получишь информацию для контакта.

– Не надо.

Эйден смотрит на меня, и в его глазах отражается разочарование.

– Подумай. Они же беспокоятся, спрашивают себя, что с тобой случилось. Может быть, кто-то из них, папа или мама, не перенес утраты. Может быть, у тебя есть сестры или братья, которым плохо без тебя. Может быть, котенок, с которым ты играла, стал котом и сидит сейчас на ступеньках дома, ждет, что ты появишься на улице.

– Нет. Это безумие. Я ничего не знаю о Люси, о том, откуда она. Я – не она.

Рука Эйдена замирает над мышкой, и я отдергиваю ее от него.

Он вздыхает.

– Подумай об этом, Люси.

Я снова начинаю протестовать против этого имени, но Эйден обрывает меня:

– Я буду называть тебя Люси. Не важно, кем ты считаешь себя сейчас из-за того, что с тобой сделали, на самом деле ты – она. – Он прислоняется спиной к столу. – По-твоему, чем занимается ПБВ?

– Старается выяснить, что случилось с пропавшими без вести.

– Да, это, конечно, важно, но наша деятельность шире. Мы отыскиваем тех, кого забрали незаконно, чтобы привлечь к ответу правительство, чтобы разоблачить их перед всем миром. Если все мы не встанем и не скажем «это зло», никто и ничто никогда это не остановит.

– Так ты с террористами?

– Нет.

– А по-моему, очень похоже.

Эйден качает головой.

– Нет, я не с ними. Мы и не с правительством, и не с террористами. Мы пытаемся найти лучший путь. Без насилия.

Бен берет меня за руку.

– Послушай, Кайла. Это все напоминает то, о чем мы с тобой вчера разговаривали. Может, нам по силам что-то сделать?

Я начинаю дрожать, и мой «Лево» падает до 4.3.

– Оставь нас на минутку, – говорит Бен.

Эйден выходит и закрывает за собой дверь.

– Ты ведь знаешь, что он прав, да?

Я качаю головой. Меня тошнит от страха, что чем больше мы узнаем, тем только хуже будет дальше, и что отныне ничего хорошего нас уже не ждет. Бен обнимает меня обеими руками и держит так, пока я не перестая дрожать. Лево понемногу поднимается до 5, и Бен приглашает Эйдена вернуться.

– Как твой уровень? – озабоченно спрашивает он. – В порядке?

– Похоже, что да.

– Фигово, да. Жить с этой штукой. Но, возможно, есть способ избавиться от «Лево» до достижения двадцати одного года.

– Как? – спрашивает Бен.

– Едва начав заниматься пропавшими без вести, мы выяснили, что среди них есть Защищенные.

– Как Тори, – говорит Бен и добавляет: – Это наша подруга, ей семнадцать. Мы думаем, что ее взяли лордеры.

– Иногда их действительно берут лордеры. У некоторых из тех, кто

прошел процесс зачистки, обнаруживаются проблемы, которые не были выявлены в больнице. В основном это не стертые до конца следы памяти.

«Регрессия», – шепчет голос у меня в голове.

– Их возвращают в больницу, они проходят повторный курс лечения или... – Он мнется.

– Терминация, – говорю я и с сожалением ловлю себя на том, что произнесла это вслух, а не только мысленно.

Эйден изумленно вскидывается.

– Да, точно так.

Эти слова были в моих записях на компьютере доктора Лизандер. Он вроде бы собирается спросить, откуда мне это известно, но в любом случае, независимо от его намерений, отвечать я не собираюсь.

– Ты сказал, что некоторых забирают лордеры, – быстро говорю я, упреждая его вопрос. – А как насчет других?

– Их забирают террористы.

– Зачем? Чего хотят от них террористы? – спрашивает Бен.

– Они работают над тем, как отключать или снимать «Лево». Всех деталей мы не знаем, но кое-каких успехов они достигли.

– Правда? – Бен смотрит на него с любопытством.

Любое повреждение или попытка вмешательства в работу «Лево» вызывает приступ и смерть носителя – об этом нас неоднократно предупреждают до выхода из больницы. Что случилось с теми, кто участвовал в таких опытах?

– Кое-каких успехов? Скорее наоборот.

– И то верно. – Вид у Эйдена хмурый. – Они попробовали несколько типов обезболивающих и физическое удаление, искусственную кому, «хэппи джус» и другие похожие лекарства. – Он говорит что-то об анальгетиках, эндорфинах и синтетических нейромедиаторах, но я уже не слушаю.

Смотрю на мой «Лево». Даже легкое прикосновение к прибору вызывает сильнейшее головокружение и резкое падение уровня. Сидит на руке не туго, но поворачивать его я не решаюсь, потому что боюсь боли. Влияние этого браслетика на мою жизнь абсолютно.

– Боль... смерть... – шепчу я.

Эйден не спорит, и это значит, что я права.

– Но подумай, как здорово было бы освободиться, – с восторгом говорит Бен. – Ради такого стоит и рискнуть.

– Хорошо бы только поинтересоваться мнением тех, кому предлагается рисковать! – сердито говорю я. – Тебе в любом случае осталось недолго до

двадцати одного года. Стоит потерпеть ради того, чтобы жить?

Но Бен уже увлечен подброшенной идеей, а мой «Лево» снова вибрирует. На этот раз – 3.9.

– Вот черт, – ругается Эйден.

Бен снова обнимает меня.

– Кайла, все в порядке. Все будет хорошо, – шепчет он, поглаживая мои волосы, но я думаю только о боли...

3.4.

Словно сквозь туман вижу, как Эйден уходит и возвращается через несколько секунд.

– Выпей-ка вот это. – Он протягивает таблетку и стакан воды.

Я качаю головой. «Лево» уже жужжит, громче и громче, уровни падают, голова кружится, перед глазами все плывет...

Эйден вдруг сжимает мое лицо обеими руками и, прежде чем мы, я или Бен, успеваем как-то отреагировать, отклоняет мою голову назад и бросает мне в рот таблетку. Я кашляю, но она уже в горле...

– Ты зачем это сделал? – кричу я.

– Не хотел вызывать сюда «Скорую». Подумай о Маке.

Я снова кашляю и почти задыхаюсь, чувствуя, как таблетка прокладывает путь по пищеводу.

– Запей, поможет. – Эйден снова протягивает стакан, и я отпиваю глоточек. Таблетка еще не достигла конечного пункта, а уровень уже стремится вверх. Дело, конечно, не в лекарстве, а в раскатившейся по венам злости.

– Что это? Что ты мне подсунул?

Эйден смотрит на меня с любопытством, и я буквально вижу, как ворочаются колесики у него в голове: девчонка зачищенная, уровень падает, сейчас она злится, а значит, уровень должен упасть еще ниже... Так почему она еще не отключилась?

Кайла – другая.

– Что ты ей дал? – спрашивает Бен.

– Всего лишь «пилюлю счастья», – говорит Эйден. – По составу близко к больничной инъекции. Террористы производят лекарство в твердой форме.

Производят для своих опытов над похищенными, мысленно дополняю я. Конечно, эти террористы ничем не лучше правительства. И что бы там ни говорил Эйден, что он не с террористами и не имеет никакого отношения к их злодеяниям, каким-то образом таблетки у него оказались.

– Возьми на всякий случай, а вдруг понадобятся, – говорит Эйден и

протягивает пузырек.

– Мне они не нужны. И с тобой я не хочу иметь ничего общего.

– Послушай, Кайла, – вздыхает Эйден, – поступай как знаешь. Не хотите нам помогать, не надо, заставляя не стану. Но, по-моему, вам стоит все как следует обдумать. Ладно? Захотите со мной увидеться, свяжитесь через Мака.

Он поворачивается к двери.

– Подожди минутку, – говорит Бен. – Может, я помогу. Я есть на твоём веб-сайте?

– Хочешь посмотреть? – спрашивает Эйден.

Я смотрю на Бена – он кивает.

– Ты точно этого хочешь? Мне казалось...

Он берет меня за руку и, похоже, сам не знает, что делать.

– Да, да...

Эйден сидит за клавиатурой. Вводит данные для поиска: пол мужской – семнадцать лет – каштановые волосы – карие глаза. Они просматривают страницу за страницей – ничего похожего. Даже отдаленно.

– Жаль, – говорит Эйден. В глазах Бена облегчение и разочарование. Потому что он не сможет помочь ПБВ? Или из-за того, что никто не ищет его?

Эйден идет к выходу. Бен за ним – попрощаться.

Я смотрю на экран. Щелкаю кнопкой возврата, пока экран не заполняет снова лицо Люси с широкой, открытой улыбкой. Остается только сделать еще один клик, и все изменится. Навсегда.

Но с этим одним-единственным кликом связано слишком много «нет». И самое главное – страх, твердый и непреодолимый. Я точно знаю, что вслед за щелчком по кнопке окажусь в руках лордеров, которые бросят меня в один из своих черных фургонов, а потом я просто-напросто пропаду, исчезну, и это исчезновение будет страшнее зачистки. А еще я боюсь, что те, что ищут Люси, кем бы они ни были, не оправдают моих надежд или же не захотят меня знать..

Но под всеми этими резонами кроется еще и нечто темное. В самой глубине меня таится твердое, стойкое убеждение: я не знаю, почему меня объявили пропавшей, но уверена, что правительство имело все основания подвергнуть меня зачистке. Со мной что-то не так. В глубине меня затаилось зло, и я даже не хочу думать о том, что оно такое.

Тсс.

Мне самой до него не добраться и его не понять. Должно быть, именно поэтому за мной так долго наблюдали в больнице – из-за регрессии. Один

раз доктор Лизандер спасла меня, но в следующий, если кто-то что-то заметит, дело закончится терминацией.

Спокойно. Терпи.

Если Эйден ищет кого-то, кто готов прыгать, скакать и привлекать к себе внимание, то со мной он точно ошибся – пусть поищет кандидата более подходящего.

Как могила оставайся молчалива.

Позже, перед тем как проститься, Бен берет меня за руки и смотрит на меня так, что я уже со всем готова согласиться и меньше всего на свете хочу разочаровать его чем-то. Он принимается меня убеждать:

– Знаю, Кайла, тебя это путает, но мы действительно могли бы сделать что-то стоящее. Подумай о Тори и Феб. Подумай о Джанелли. Пообещай, что подумаешь, ладно?

И я обещаю, потому что, в конце концов, не в состоянии думать о чем-то еще. Он обнимает меня и долго не отпускает, а мне хочется так многого. Чтобы мы стояли вот так вечно. Чтобы перенеслись в такое место, где нет ни лордеров, ни Зачищенных, ни «Лево». Или хотя бы в такое, чтобы я могла говорить «да» и делать, как он хочет.

Но этого я не могу.

Глава 38

Поздно вечером я думаю о всяком-разном. И весь следующий день, переходя из класса в класс и ничего вокруг не замечая, тоже думаю.

Из сказанного Эйденем крепче всего в памяти засели слова о том, что кто-то может скучать по мне сейчас. Мама, папа, братья, сестры? Даже тот серый котенок.

Но, в отличие от Люси, эта воображаемая семья безлика. Эти люди бесплотны, их чувства абстрактны и далеки. Тем не менее я могу представить боль тех, кто не знает, что случилось с дорогим человеком. Я и сама испытываю нечто похожее в отношении Тори и Феб, которых едва знала, а ко второй еще и не питала симпатий. Впрочем, с Феб ситуация изменилась, ведь мне теперь известно, что с ней произошло.

Может быть, я все же могу что-то сделать.

– Собираюсь побегать, – говорю я в машине по пути из школы.

– Но мы же хотели с домашним заданием вместе поработать, – возражает Эми и смотрит на Джазза.

– Ну так что? Занимайтесь. Я буду дома раньше мамы. – Убеждать долго не приходится, они соглашаются, хотя для них находиться дома вдвоем – это нарушение правил. Джазз спрашивает, куда я побегу, и предупреждает держаться подальше от тропинок. Я обещаю бежать только по главной дороге и едва не добавляю, что сверну потом к дому Феб.

В школе, на уроке английского, учитель вернул наши учебники. Собирали их, когда Феб еще была здесь, и я, увидев в стопке ее, незаметно сунула книжку в свою. Нужная информация нашлась на внутренней стороне обложки: Феб Бест, Оулд-Миллфарм. Согласно библиотечной карте, в нескольких милях от нашего дома.

Топ-топ. Ноги несут меня по дороге, хотя и не с обычной головокружительной скоростью. Мне нужно время – подумать, как представиться и что сказать. «Здравствуйте, вашу дочь зачистили» – звучит слишком грубо. Будь осторожна. Меньше всего я хочу, чтобы они устремились в больницу и потребовали вернуть дочь. Можно не сомневаться, лордерам не понадобится много времени, чтобы повесить проблему на меня. А потом, есть еще ее жутковатый дядя, Уэйн, с которым мы не пересекались после той встречи на тропинке. Ну и тип. Если увижу его фургон где-то возле дома, все отменяется.

Дорожный знак выцвел, и я замечаю поворот едва ли не в последнюю

секунду. «Оулд-Миллфарм» указывает на узкую дорожку, точнее, заросший, разбитый колеями проселок. Дальше иду шагом. Деревья с обеих сторон наклонились и тянутся друг к другу, образуя что-то вроде зеленого туннеля. Скрыться негде. Внутри нарастает беспокойство. Сворачиваю с дорожки в густой лес.

Согласно карте, до дома примерно полмили, но когда пробираешься между деревьями и через кусты, эти полмили как будто растягиваются. Ветки хватают за волосы, колючки цепляются за одежду, и я уже с тоской посматриваю на дорогу.

В момент нерешительности, когда одна нога вынесена вперед, а вторая задержалась сзади, меня и ловит звук мотора со стороны дома. Машина идет быстро, и я ныряю в тень дерева. Мимо проносится белый фургон, но я успеваю заметить и узнать человека за рулем: Уэйн Бест.

Стук сердца отдается в ушах глухим эхом. Пронесло. Что бы он сделал, увидев, как я выхожу из леса на дорогу прямо перед его машиной? Я, должно быть, рехнулась. Будь осторожнее.

Еще один поворот, и впереди появляются здания. Издалека они похожи скорее на компанию разбросанных амбаров и прочих хозяйственных построек, некоторые из которых вот-вот рухнут под собственным весом, чем на жилые дома. Участок окружен забором с воротами. На переднем плане – свалка: корпуса и куски проржавевших автомобилей, тракторов и еще какой-то, не поддающейся опознанию техники. И ни одной машины на ходу – может быть, дома никого нет? Уйти или остаться? Но ты же здесь.

Одно из зданий справа держится попрянее других. Спереди его прикрывают растрепанные кусты, и на месте двери настоящая дверь, а не подвешенная на петлях деревяшка.

Поколебавшись, пересекаю дорогу и открываю калитку. Дорога становится тропинкой, которая ведет влево, к раскинувшимся за постройками полям. Брошенные в грязь куски бетона ведут через свалку к входной двери. Сначала слушай. За спиной шорох листьев, но никаких голосов или радио.

Становлюсь на первую бетонную ступеньку, перескакиваю на следующую. Интервалы между ступеньками настолько велики, что приходится едва ли не прыгать. До дома остаются считанные шаги, когда слева раздается негромкий звук, и боковое зрение фиксирует какое-то движение. Я поворачиваюсь.

Два глаза. Острые зубы. Низкое, раскатистое рычание. Большой дог, помесь немецкой овчарки и какой-то еще породы. И вид у него не слишком

дружелюбный.

Меня начинает трясти. Что делать? Медленно отступить или бежать? Прикидываю расстояние до ворот. Если побегу, он точно бросится следом. До ворот далековато, и мне от него не убежать. А вот до дома ближе. Держись.

Дог, рыча, делает несколько шагов ко мне и начинает лаять. Я дрожу, изо всех сил удерживая себя на месте. Еще немного, и меня вырвет на него. То-то обрадуется. Сглатываю и медленно, по шажочку, отступаю в сторону дома. Может, там все же есть кто-то. Может, дверь открыта.

Дог глухо ворчит и устремляется ко мне.

Беги.

Срываюсь с места и стрелой лечу к дому. Прыгаю на крыльцо и хватаюсь за ручку. Но она не поворачивается. Дверь заперта.

Вот так попала.

Пес бросается на меня. Бьет передними лапами в грудь, и я лечу с крыльца в грязь. Ударяюсь головой о землю. К глазам подкатывают слезы. Я не могу подняться и не рискую сопротивляться. Замерев от страха, смотрю на острые оскаленные зубы, чувствую на лице горячее, вонючее дыхание, слышу злобный рык.

– Держи! – командует мужской голос.

Зубастая пасть закрывается, но пес остается на мне и глухо рычит, прижимая лапы к моим плечам.

Шаги.

– Ну, Зверь, кого ты тут поймал? Поднимись, дай-ка взглянуть.

Пес – Зверь, ха – отскакивает в сторону. Я сажусь и начинаю подниматься.

– Не двигайся. – Незнакомец останавливает меня сердитым взглядом.

Я снова сажусь в грязь и смотрю на него: близко посаженные глаза, замасленные волосы, похож на Уэйна. Отец Феб?

– Ты кто, черт возьми, такая?

– Я – Кайла, п-п-подруга Феб, – выдавливаю я. При упоминании имени уши у Зверя чуть заметно вздрагивают.

– У этой ничтожной голодранки в друзьях только четвероногие.

– Мы вместе учились.

– И что? Ты должна знать, что ее здесь больше нет. Что тебе нужно?

– Повидать ее маму.

– Ее здесь тоже нет. Убирайся.

Смотрю на него, потом на пса.

– Давай. Поднимайся и уходи, пока я не передумал.

Встаю. Зверь рычит громче. Бросаюсь к воротам – только бы удержал. Уже у цели слышу за спиной погоню. Не оборачиваясь, пролетаю последние шаги, распахиваю ворота и тут же захлопываю их за собой. Слышу, как щелкает замок, как врежется в препятствие Зверь. Ворота вздрагивают, но выдерживают. У дома хохочет отец Феб.

– Не возвращайся! – кричит он.

И не подумаю. Видишь, что случается, когда пытаешься сделать что-то хорошее? Все, хватит. Отныне Феб для меня закрытая книга.

Мой «Лево» показывает 4.8. Как же так? Такая же картина наблюдалась и в больнице, там я тоже бежала в страхе. Оба раза уровень должен был провалиться. Я иду по дорожке, и меня трясет. Бежать нет сил. В какой-то момент приходится остановиться – ланч спешит покинуть желудок.

Чудесно. Мало того, что вся в грязи и голова раскалывается от боли.

И что там с головой? Трогаю пальцами затылок, моргаю от боли и вижу на пальцах кровь. Должно быть, ударились сильнее, чем думала. А все из-за скалящегося чудовища с вонючей зубастой пастью.

Хочется прямо сейчас упасть на землю и не вставать.

Давай, шевелись.

До дома несколько миль. Ничего не поделаешь. Сзади торопливые шаги. Кто-то бежит за мной. В страхе оборачиваюсь. Может, хозяину не понравилось, что я не спешу, и он послал вслед Зверя?

Но нет, это женщина. Спешит, поднимает руку.

– Подожди. – Через несколько секунд она догоняет меня. Отдувается. – Ты хотела меня видеть? Я – мама Феб.

Я смотрю на нее – редкие, всклокоченные волосы перевязаны на макушке, вокруг глаз глубокие морщины тревоги и беспокойства. Моя решимость не иметь никаких дел с Феб и ее родственниками ослабевает.

– Знаешь о ней что-нибудь? Что с ней случилось? Пожалуйста, пожалуйста, скажи мне.

Она хватает меня за руку цепкими пальцами.

Я киваю и морщусь – больно.

– Поранилась? Дай-ка посмотрю. – Женщина вытаскивает носовой платок и осматривает мой затылок. – Ничего страшного, царапинка. Хотя можно и зашить. Извини за Зверя. Как Феб пропала, так он теперь на всех кидается. Любил ее очень.

– Этот дог – ее любимец?

– Да, да. Ходил за ней как привязанный, поджав хвост. Будто щенок-переросток. Может, Боб поэтому и злился – как-никак собака-то

сторожевая. – При упоминании Боба в глазах ее мелькает страх. Как можно быть замужем за таким человеком? А если он – твой отец? Женщина нервно оглядывается, словно боится, что муж появится из-за поворота, и я поворачиваюсь и быстро иду по дорожке в противоположном направлении. Она не отпускает мою руку и идет за мной. Молчаливая мольба. И в голове у меня голос Эйдена: представь, каково это, не зная, что случилось, беспокоиться. Подумай сама.

– Я видела Феб в прошлые выходные, – говорю я наконец. – Случайно.

– Где она?

– В Лондоне, в больнице.

– Господи, что с ней? Она поранилась?

– Нет, с ней все хорошо.

– Не понимаю. Тогда почему она в больнице?

– Ее зачистили.

Женщина словно спотыкается, и я, забыв об опасности погони, тоже останавливаюсь.

– Ох, Феб, – шепчет она. – Не видать мне тебя больше. – Ее глаза наполняются слезами.

– Мне очень жаль.

– Она довольна? Здорова?

– Да.

– Спасибо, что пришла... что рассказала.

Я продолжаю свой путь, мать Феб бредет домой. И ветерок доносит ее негромкие слова:

– Может, так оно и лучше.

Может быть.

– Да что с тобой случилось? – спрашивает Эми.

– Упала.

– Разувайся здесь и не тащи всю эту грязь по дому. Кстати, и пахнет от тебя не слишком хорошо.

– Спасибо.

Эми заталкивает Джазза в кухню, снимает с меня одежду в прихожей, загружает тряпки в стиральную машину, а меня отправляет в душ. Царапина на голове больше не кровоточит и легко маскируется волосами.

Мама, вернувшись домой, застает нас троих в кухне, где мы пьем чай и делаем домашнюю работу.

– Какие вы все прилежные. – Она вскидывает бровь, как будто знает намного больше, чем может показаться на первый взгляд.

Вечер. На кровати мурлычет Себастиан. Я пытаюсь уснуть. Голова еще

болит, но боль уже не острая, пронзительная, а тупая, ритмичная.

Я рада – несмотря даже на стычку со Зверем, – что встретилась с матерью Феб. По крайней мере, она знает теперь, что случилось с ее дочерью. А еще я знаю, что они не станут штурмовать больницу и поднимать шум. Отцу наплевать, что случилось с его ребенком, а мать не посмеет ему возражать. Может, так оно и лучше, сказала она. В какую бы семью ни отправили Феб после больницы, там ей точно будет лучше, чем в родном доме. Не удивительно, что она ни с кем толком не ладила, кроме, разумеется, животных вроде того жуткого дога. В больнице у нее было такое счастливое лицо. Разве то, что с ней сделали там, не милосердие?

Может, и моя семья была не лучше.

Я закрываю глаза крепко-крепко, но голос все равно не затихает. Он говорит такое, чему я не верю, что не хочу слушать. Сейчас, когда темно и тихо, голос в моей голове звучит особенно громко.

Мама и папа не придут за тобой, Люси. Они не хотят тебя. Они отдали тебя, и ты никогда больше их не увидишь.

Холодно. Я подтягиваю одеяло. Простыни какие-то не те, колючие. Вообще все не так, как должно быть, даже воздух другой и вкус у него непривычный, солоноватый. Как будто его принесло с моря, которого я до сегодняшнего дня никогда не видела.

Прячу голову под подушкой, но голос остается.

«Они отказались от тебя, отдали, и ты никогда их не увидишь»...

Глава 39

– Эй, как дела? – Бен улыбается своей сногшибательной улыбкой, и мне хочется ответить, рассказать ему все-все. Что я таки сделала кое-что настоящее, поговорила с мамой Феб. Что прошлой ночью меня постоянно будил один и тот же сон.

Бен – единственный, кому можно рассказать такое, но как он отнесется к моему сну? Если мои родители отказались от меня, то почему объявили потом пропавшей без вести?

– Все в порядке? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами, провожу карточкой по ридеру, и мы входим в класс биологии. И что скажешь, когда вокруг так много ушей?

Занимаем свои обычные места позади. И тут нас ждет очередной сюрприз: мы не видим мисс Ферн.

Вместо нее мужчина, которого я никогда прежде не видела. Прислонившись к столу, он оглядывает класс, наблюдает за тем, как мы рассаживаемся. Через какое-то время некоторые из девочек уже начинают перешептываться, и понять причину совсем даже не трудно: новый учитель – просто красавчик. Причем привлекательны не какие-то отдельные детали – волнистые, с блондинистыми прядками, волосы, рост, изящно сидящий костюм, – но и весь, так сказать, комплект. Взгляды всех так и тянутся к нему.

Его же взгляд скользит по классу легко и небрежно, от парты к парте. Но в тот миг, когда наши глаза встречаются, что-то случается. Не знаю, как это назвать, но между нами как будто что-то проходит. Нет, ничего такого, никаких глупостей. В его взгляде – узнавание, в моем – ответ. Вот только отвечаю не я. Мною вдруг овладевает непонятное волнение, вспыхивают щеки, а он смотрит и смотрит, без улыбки и до неприличия долго. Потом отводит глаза, и я словно падаю с высоты. Голова кружится, в животе болтанка.

– Доброе утро, класс, – говорит незнакомец. – Мисс Ферн не будет сегодня и еще какое-то время. Несчастный случай. Я – мистер Хаттен. – Он поворачивается и пишет свое имя на доске.

Мне послышалось или перед словами «несчастный случай» возникла небольшая пауза? Не несчастный случай. Не лорды, как в случае с Джанелли. Только не это. Прикусываю язык, отвлекая себя этой болью. Неужели ее тоже забрали, а если да, то почему? Я не вижу для этого ни

малейшей причины. Мисс Ферн была хорошей учительницей, но во всех прочих отношениях совершенно незаметной. Джанелли забирали открыто, на глазах у всех, почему же теперь должно быть иначе?

Может быть, у замены есть какая-то другая причина? Может быть, Хаттен – один из них?

Я незаметно наблюдаю за ним, пока он идет по классу и записывает наши имена и кто где сидит. На лордера не похож. Во-первых, потому, что они носят серые костюмы или черную форму. Но дело не только в этом. Лордеры, изначально настроенные на боевую готовность, просто не замечают тех, кому меньше двадцати, – мы не достойны их внимания. Хаттен другой – он здесь, с нами, он всех нас замечает и к каждому проявляет интерес. Он иной.

– А ты?

Бен улыбается.

– Я – Бен Никс. Но с мисс Ферн все в порядке? Что с ней случилось?

Все поворачиваются, ушки на макушке. Задавать вопросы здесь не приветствуется.

Однако новый учитель улыбается.

– У нее все будет хорошо. Мисс Ферн попала в дорожную аварию и сейчас находится в больнице. Дальше... – Теперь он смотрит на меня. Глаза у него странного цвета. Они голубые, но такие бледные, что голубой оттенок едва заметен. Если бы не темный ободок по краю радужки, зрачок почти сливался бы с белком.

– Меня зовут... Кайла. – Что же такое со мной? Я едва не произнесла что-то другое, имя, появившееся и исчезнувшее, прежде чем я успела понять, что оно такое. Учитель слегка вскидывает бровь, словно моя запинка не укрылась и от него. Держись. На этот раз мне удастся отвести глаза первой и сжать кулаки, чтобы унять дрожь в пальцах.

Хаттен заканчивает знакомство с классом и начинает урок. Берет у одного из учеников тетрадь, смотрит, что мы изучаем – только что начали раздел о биологической классификации, – и закрывает ее.

– Сегодня мы займемся кое-чем другим. Проведем практическое занятие, посвященное мозгу. – Он смотрит на нас с Беном. – Вы двое, помогите мне. Возьмите модели мозга и раздайте по одной на пару.

Бен тут же вскакивает, я тоже поднимаюсь, и мы достаем коробочки из шкафа, на который указывает Хаттен. Внутри каждой – объемная модель мозга, каждая деталь которой пронумерована. Все складывается, как элементы пазла. Мы собираем и разбираем модели, записываем в тетради название каждой части. Мозжечок, ствол мозга. Лобная кора. Правое и

левое полушария... Диаграмма напоминает поперечный разрез моего собственного мозга, который я видела на экране компьютера в кабинете доктора Лизандер. Только там был не рисунок, а скан моего живого мозга.

– И последнее, – говорит Хаттен. – Сведите руки так, чтобы между ладонями оставался маленький кружок. – Он пишет на доске Х. – Вытяните руки и посмотрите на Х обоими глазами через кружок. Теперь, не смещая руки, закройте один глаз, потом другой. Когда вы закроете один, Х должен исчезнуть; когда закроете другой, он должен появиться в центре.

Мы следуем инструкции. Я поднимаю руки и смотрю на Х. И верно, когда закрываю левый глаз и смотрю правым, Х блокирован рукой. Когда же закрываю правый глаз и смотрю левым, Х прямо в центре.

Хаттен оглядывает класс и останавливает взгляд на мне.

– Кайла? Каким глазом ты видела Х?

– Левым, – отвечаю я.

Он улыбается.

– Интересно. Ты, должно быть, представляешь собой биологическую аномалию.

Молчу.

– Обычно доминирующий глаз тот же, что и доминирующая рука, – продолжает учитель. – Если вы видите Х левым глазом, то должны быть левшой. Здесь же я вижу, что ручку ты держишь в правой руке. А что остальные? У кого доминирующий глаз и доминирующая рука совпадают?

Я слышу голоса одноклассников и неловко ерзаю на стуле.

Времени у нас почти не осталось, – говорит Хаттен. – Возможно, вы задаетесь вопросом, как связать этот последний эксперимент с нашей работой с моделью мозга. – Теперь учитель смотрит только на меня и ни на кого еще. – Это открытие было ключевым в изучении мозга: влияние хиральности на развитие и организацию хранения памяти и доступа к ней. Если вы леворукий, доступ к памяти – правое полушарие; если вы праворукий, доминантно левое полушарие. Но есть и редкие исключения: люди с артистическими способностями используют мозг иначе. – Он обводит взглядом класс и снова смотрит прямо на меня. – Все это очень важно в хирургии и лечении заболеваний мозга.

Хирургия. Зачистка.

Звенит звонок. Конец урока.

– Будете выходить, сдайте ваши тетради! – напоминает Хаттен.

Все встают и начинают убирать книги.

Правши... левши. Моя левая сама собой сжимается в кулак – разбитые кирпичом пальцы. Но то был только сон.

Или нет?

– Кайла? – Бен толкает меня в бок. – Идем. – Я вздрагиваю, заставляю себя подняться и на негнущихся, словно налитых свинцом ногах иду к учительскому столу. Все уже вышли, и передо мной только Бен. У двери ждет миссис Али.

– Мне нужно поговорить с тобой, Кайла. До начала следующего урока. Быстрее.

Она заталкивает меня в пустой соседний класс.

– Должна сказать, моя дорогая, в отношении тебя высказывались кое-какие сомнения. – Миссис Али ласково улыбается. Вот такая она наиболее опасна. – И, судя по тому, что я видела, мне придется их озвучить.

Что такое она видела? Я отчаянно прокручиваю последние моменты урока. Может быть, услышала, как Хаттен назвал меня биологической аномалией? Нет, тогда ее здесь не было, я точно помню. Она пришла в самом конце. И его лица она не видела – он стоял к ней спиной.

– Что вы имеете в виду?

Миссис Али сердито сдвигает брови.

– Этот ваш симпатичный новый учитель спросил, получился ли урок интересным, а ты даже не ответила.

Этот ваш симпатичный новый учитель. Ха. Он не просто новый и не только симпатичный. Все не так просто. Но у меня такое впечатление, что она об этом даже не догадывается.

– Некоторые другие учителя отмечают твою отстраненность, невнимательность и неготовность учиться.

– Извините, я буду стараться.

– Одного старания мало. Это предупреждение, Кайла. Мы ведь и раньше о том же говорили. Не забывай, твое наказание рассчитано до двадцати одного года. Согласно контракту, ты обязана всячески стараться интегрироваться семьей и обществом, хорошо учиться. Тебе за шестнадцать. Не получится, доступны другие варианты лечения. – Она тепло улыбается. – А теперь беги на следующий урок. До свидания.

Миссис Али исчезает за дверью. Бен. Мне нужен Бен. Внутри все переворачивается: сначала непонятный Хаттен с его загадками, потом миссис Али со своими угрозами. Ничего удивительного, что уровень падает.

Выйдя в коридор, едва не сталкиваюсь с мистером Хаттеном, который выходит из кабинета биологии. Он корчит физиономию вслед удаляющейся миссис Али, стреляет в ее сторону глазами, шепчет «ну и ведьма», снова подмигивает и задорно ухмыляется. Дерзкий, задорный и юный, как будто

учительское лицо было только маской, Хаттен наклоняется и подносит палец к губам.

– Шшшш, наш маленький секрет.

И удаляется в противоположном направлении.

Да. Я могла бы поклясться, что он слышал все сказанное миссис Али.

Но как? И что значит «наш маленький секрет»?

Время покажет.

Бен ждет в коридоре.

– Видел, к тебе подходила миссис Али. Все хорошо?

– Могло бы быть лучше, – отвечаю я, хотя только что проверила уровень и он оказался, как ни удивительно, выше ожидаемого – 5.1. Неужто так повлияли глупые гримасы Хаттена? Или даже просто тот факт, что он был рядом? Сердце все еще бьется чуточку быстрее.

– Побежим завтра до начала собрания Группы? – обеспокоенно спрашивает Бен.

– Конечно. Тогда и поговорим. – Звенит первый звонок следующего урока, и мы разбегаемся в разные стороны.

Все, хватит. Пора быть внимательной и прилежной. Или хотя бы притвориться таковой.

Глава 40

Отвожу в сторону штору рядом с входной дверью. Смотрю на дорогу – никого. Ну же, Бен, поторопись.

– Кайла? – окликает из гостиной папа. Подхожу к двери. – Пока ждешь, зайди – надо поговорить.

Я нерешительно смотрю на кроссовки.

– Не беспокойся, она не узнает, – говорит он.

Мамы дома нет, но у нее точно есть некое следящее устройство, позволяющее определить, кто ходит в обуви по ковру. Я тщательно вытираю ноги на половичке и неуверенно заглядываю в гостиную.

Папа улыбается.

– Садись.

Сажусь на краешек кресла.

– Твой парень не очень-то пунктуален, а?

– Нет, – соглашаюсь я.

– Значит, он твой парень.

– Что?

– Твой парень. В смысле, твой бойфренд.

Чувствую, что краснею.

– Нет.

–.. или ты хочешь, чтобы он им был?

– Нет! Не знаю. Мы просто друзья.

Папа вскидывает бровь. Как будто он лучше всех, лучше меня самой, в состоянии понять мои смешанные чувства.

– Будь осторожна, Кайла. Да, мы разрешили Эми видаться с Джаззом, но это не значит, что и ты готова к тому же, ведь ты лишь недавно выписалась из больницы. И ты знаешь, что до достижения двадцати одного года обязана слушаться во всем меня и маму.

– Да, знаю.

– Мне не очень нравится, что вы с Беном бегаєте вдвоем.

Я молчу. Понимаю, что при любом моем протесте его позиция будет выглядеть только основательнее. Но мне нужен Бен. Мне надо увидеться с ним и поговорить. После всего случившегося на этой неделе хочу хотя бы просто подержать его за руку. Ох...

– Но твоя мать, похоже, считает иначе, поэтому я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с ней. Пока. Однако имей в виду, как ты и сказала, вы

должны оставаться просто друзьями. Понимаешь почему?

– Э... не совсем.

– Есть серьезные основания опасаться, что ты не совладаешь со своими чувствами и не удержишь под контролем уровень.

Такие же предупреждения я слышала в больнице. Но ведь Бен помогает мне поднимать уровень, а не опускать его. Разве что только...

– Ты хочешь, чтобы я оставалась под контролем. – Удивленная неожиданным выводом, я оглашаю его, не успев даже подобрать более подходящие слова.

Что-то мелькает в его глазах.

В дверь стучат. Бен. Я вскакиваю, но папа поднимает руку.

– Подожди минутку. – Он идет к двери, открывает, и я жду, слушаю. Папа представляется, они говорят о беге и школе. Бен, как всегда, вежлив и открыт. Такие подростки обычно нравятся взрослым.

Наконец папа заглядывает в гостиную.

– Идите, но помни, о чем мы с тобой говорили.

– Извини. – Я закрываю за нами дверь.

– За что?

– За папу.

– А что такое? Он вроде бы в порядке.

– Ладно. Неважно.

Мы бежим по дороге, быстрее и быстрее, и вскоре я растворяюсь в холодном воздухе, вечере, привычном ритме движения. Длинные ноги Бена отбивают другой темп, но скорость у нас одна и та же. Мы бежим бок о бок.

Останавливаемся возле поворота с шоссе на тропинку.

– Поговорим? – предлагаю я.

Бен берет меня за руку и ведет в тень под деревьями. Вечер ясный, луна почти полная, и света от нее хватает. Мы идём к воротам, и я думаю о том, что сказал папа и что сказали в больнице. Избегай мальчиков – из-за них у тебя проблемы с уровнями. Но мои сейчас выше, чем были всю прошлую неделю. Откуда им знать?

Как и всегда, Бен подхватывает меня и сажает на забор, а потом обнимает обеими руками за талию. Убирает упавшие на лицо волосы, наклоняется...

– О чем хочешь поговорить? – шепчет он мне в ухо, и от его дыхания по шее, вверх и вниз, разбегаются мурашки.

Я молчу, как будто онемела. В голове пустота. Кровь еще шумит в венах после бега. Или от чего-то еще?

– Дал себе обещание...

– Какое?

– Что если еще раз придем сюда, то сделаю вот это. – Легким движением он просовывает ладонь мне под подбородок, и все внутри перемешивается, кружится, мечется в панике, но не в той панике, когда хочется вскочить и бежать. Все ощущения – холодный металлический забор подо мной, теплая рука на талии, ладонь под подбородком – вдруг обостряются. Бен наклоняется и касается моих губ своими. Нежно и осторожно. Потом с улыбкой отстраняется. А я хочу одного: притянуть его к себе и целовать снова и снова. Успокойся. Что, если папа прав и это все дестабилизирует мои уровни?

– Ну так что? О чем ты хотела поговорить?

– Ммм? – Я смотрю в его глаза. Поднимаю руку. Провожу пальцем по его губам. Мои словно немеют.

Бен улыбается и берет мою руку. Переплетает пальцы.

– Ты сказала, что хотела поговорить о чем-то. Но если предпочитаешь... – Он снова наклоняется и целует меня. Раз. Другой.

И опять все кружится и вертится, но в какой-то момент я вспоминаю, чего хотела, и осторожно отталкиваю Бена.

– Поговорим?

– Если надо. – Голос у него хриплый и немного дрожит, и на этот раз смеюсь уже я.

Потом рассказываю ему о своем визите в дом Феб и встрече с ее матерью, а также о том, что Феб зачистили.

Глаза у Бена сияют в лунном свете.

– Я так и знал, что ты подумаешь и все поймешь. – Он обнимает меня. – Поймешь, что нам надо помочь Эйдену и ПБВ.

Качаю головой.

– Нет. Ты ошибаешься. Я просто хотела рассказать родным Феб, что случилось с их дочерью, чтобы и они все знали, но я не хочу кричать об этом вслух.

– А как же Люси? У нее тоже есть родители.

– Подумай, Бен. Пошевели мозгами. Сколько лет было Феб?

– Пятнадцать.

– Значит, когда она оступилась, ее зачистили. Но что будет со мной? – Я рассказываю ему об угрозах миссис Али, намекавшей на другие варианты лечения для тех, кому больше шестнадцати. О том, что меня предупредили: за тобой наблюдают. Любой шаг в сторону – и с тобой будет то же, что и с Тори.

Бен бледнеет.

– Нет, я не хочу, чтобы такое случилось с тобой.

Я вспоминаю еще кое о чем.

– А с Тори ты целовался так же, как сейчас со мной?

Он вскидывает брови.

– А разве это важно?

И, прежде чем я успеваю сказать что-то еще, о чем потом пожалею, Бен добавляет:

– Нет. Я никогда не целовал Тори. Мы были просто друзьями.

– А мне казалось...

– Тебе неправильно казалось. Тори было нелегко в семье. Ей хотелось общаться с кем-то, разговаривать, а я умею хорошо слушать.

Это я заметила. Как заметила и то, что сама Тори определенно не считала Бена просто другом. Только теперь я смогла удержать язык за зубами.

– Кайла, поверь, ты – единственная, кого мне хочется целовать. И я не желаю, чтобы с тобой что-то произошло. – Он улыбается, качает головой и трет висок. – У меня что-то с мозгами. Не понимаю, как они работают.

– Что ты имеешь в виду?

– Я слушаю учителей и медсестер в больнице, и все, что они говорят, правильно и разумно. Но потом со мной говорит Эйден, и я вижу, где они не правы и где прав он; вижу, что правительство действительно нужно призвать к ответу за то, что оно творит. А теперь еще и ты указываешь на очевидные опасности, которых сам я почему-то не углядел. Такое впечатление, что иногда я не способен соображать самостоятельно. Зато когда бегу, мозги функционируют как надо, в этом у меня сомнений нет.

Это Зачистка.

Думаю о том, что и как сказал Эйден. У него свои задачи. Его несколько не волновало, что станет с ними, если мы согласимся действовать по его плану. Эйден знал, что сказать Бену, чтобы склонить того на свою сторону; знал, насколько внушаем он и насколько внушаема должна быть я. Кайла другая.

– Что, по-твоему, нам делать теперь? – спрашиваю я.

– Главное, чтобы ничего не случилось с тобой. А что ты думаешь?

– Это Зачистка. Это она заставляет нас соглашаться, делать то, что считается правильным, то, чего от нас ожидают.

– Тогда это тем более неправильно. А значит, тем более важно сделать с этим что-то. – Лицо у Бена встревоженное, а оно всегда отражает его мысли.

Нет. Как могила оставайся молчалива.

– Бен, послушай. Нам нужно держаться подальше от Эйдена и заниматься тем, чем положено заниматься в школе и дома. Давай подождем, пока нам снимут «Лево». Предпримем что-то раньше – и только привлечем к себе внимание, а это опасно. Вот исполнится нам двадцать один год, тогда осмотримся и решим, что можем сделать.

Бен слушает, а я наблюдаю за ним и думаю, как же сильно он подвержен внушению. Надави на него посильнее, прояви твердость, и он пойдет за тобой. Для таких, как Бен, мир – опасное место, и я понимаю, что должна защищать его. Такой, как Бен... должен быть таким, как я. Такой, да не такой. Защищенный, как и другие, но на других не похожий. Кайла другая.

– Ты права. – Бен обнимает меня еще крепче и целует в щеку. За этим может последовать что угодно, тем более я и сама не против. Но, может быть, эти поцелуи всего лишь то, что ему внушила я?

– Ладно. Пора в Группу, – говорю я.

Мы возвращаемся на дорогу, и я спрашиваю, что он думает о Хаттене, который обозвал меня биологической аномалией, хиральности и операциях на головном мозге. Но Бен только отмахивается и говорить на эту тему не хочет.

Оставшуюся часть пути проделываем бегом, и, как всегда на бегу, у меня рождаются новые мысли. Раньше мне казалось, что быть с Беном значит быть в безопасности. Теперь я вижу, что ошибалась. Это мне нужно заботиться о его безопасности. Мне нужно присматривать за нами обоими.

Почему я могу думать о себе так, как не способен думать Бен? Не понимаю. Совершенно не понимаю.

Глава 41

Мама мрачнее тучи. Напряжена. Пальцы так сжимают руль, что побелели костяшки пальцев. При этом на дороге спокойно, мы едва ползем в потоке машин. Поднимаемся на вершину холма и уже оттуда видим вытянувшуюся к больнице длиннющую очередь. Вчера нас уведомили, что сегодня нужно воспользоваться другим въездом. Может быть, тот, знакомый, разбомбили на прошлой неделе? Вскоре мы добираемся до конца очереди и останавливаемся.

– С тобой все в порядке?

Мама вздрагивает. Натянуто улыбается.

– Разве не мне полагается задавать этот вопрос?

– Я спросила первая.

– Что ж, справедливо.

– Не знаю. После того, что случилось на прошлой неделе, есть какое-то напряжение. А у тебя?

Странно, но я никакого напряжения не чувствую. По крайней мере, не чувствую в том смысле, какой имеет в виду она. Лордеры наверняка перекрыли все подходы, и у террористов нет ни малейшего шанса подобраться к больнице ближе, чем на милю. У мамы же вид такой, словно она с радостью перепрыгнула бы на встречную полосу и умчалась куда подальше, если бы только могла.

– Думаю, после того, что было, ничего подобного они уже не допустят, так что сегодня здесь безопаснее, чем когда-либо.

Мама согласно кивает.

– Ты, наверно, права, но ехать туда мне все равно не хочется.

Мне тоже, хотя и по другим причинам. Я все еще не уверена, что мое каменное лицо готово к сегодняшней встрече с доктором Лизандер. Одно дело сказать себе, что ты будешь послушной, смирной, примерной, и совсем другое стать такой.

– Знаю. Давай удерем и поедем на ланч, – предлагаю я.

Мама смеется.

– Какая ты забавная. А здорово бы было, да?

– Ты, по крайней мере, можешь такое себе позволить. Оставь меня и устрой себе праздник. Тебе, должно быть, до смерти надоело тратить каждую субботу на эти поездки со мной.

– Ты права, но я не могу делать то, что хочу. Видишь столбы на

каждом углу? Вроде того, что слева от нас сейчас. – Я выглядываю в окно. Рядом со светофором стоит столб. На самом его верху черная коробочка, какое-то устройство. Камера.

– Они отслеживают каждый автомобиль в Лондоне. Если я начну разъезжать не так, как предписано маршрутом, кто знает, что может случиться. Хотя, возможно, мне и сойдет с рук.

– Сойдет из-за того, кем был твой отец?

– И отец, и мама. Она тоже была не последним человеком.

– То есть ехать куда угодно не позволено даже взрослым?

– Нет. Сейчас нет.

– А раньше?

– Много изменилось. Когда я была в твоём возрасте, жизнь была другая.

– Ты про двадцатые, когда все началось?

Мама моргает.

– Неужели я выгляжу настолько старой? В 2031-м мне было шестнадцать лет.

– Тогда ты помнишь и двадцатые со всеми этими бунтами и бандами, когда люди прятались в страхе по домам и не выходили на улицу.

Мама снова смеется.

– Это только одна из версий тех событий. Тогда же молодежи до двадцати одного года запретили пользоваться мобильниками. С их помощью недовольные связывались для организации демонстраций. Но тогда не все было так плохо. По крайней мере вначале. Хотя, конечно, с сегодняшним днем не сравнишь: гулять вечерами отваживался не каждый. – Она бросает взгляд в сторону, на стоящих на углу лордеров в черной форме и с автоматами. – Теперь опасаться нужно только их.

Удивительно.

– Ты сказала, что вначале было не так уж и плохо. А что случилось потом?

– Вы в школе историю изучаете? После краха – ограничения кредита и экономического коллапса в Европе, выхода Великобритании из ЕЭС и закрытия границ – наступил период, когда все перевернулось с ног на голову.

– Я видела фильм о бунтах.

– Да, в них показывают самые худшие моменты. Большинство студенческих демонстраций проходили на первых порах вполне миролюбиво. Но раздражение и злость постепенно нарастали.

На уроках истории нам показывают вышедшие из-под контроля толпы

обезумевших, крушащих все вокруг себя и убивающих мирных граждан подростков. Ошеломленная рассказом мамы, я слушаю молча, а она говорит и говорит, возможно, чтобы отвлечься, не думать о том, куда мы едем и что стряслось там на прошлой неделе.

– Родители вечерами частенько спорили, а я спускалась тихонько по лестнице и слушала.

– Твой отец был членом парламента. Так что в споре победил он.

– Поначалу он был всего лишь обычным кандидатом, а выборы еще только предстояли. Мама же, как адвокат, выступала за гражданские права.

– А что это такое?

Она вздыхает.

– Подумать только, какие вопросы ты задаешь. А сама как думаешь?

– Гражданские права – это что-то вроде свободы, да?

Мама кивает.

– Свобода речи, свобода действия, свобода собраний. В общем, на способы урегулирования родители смотрели каждый по-своему. В конце концов она поддержала кампанию за создание новой политической партии, Свободное Королевство.

– Получается, они стояли по разные стороны?

– Да.

– Но верх взял твой отец.

– Не совсем. Результат получился неоднозначный. Двум партиям пришлось сформировать коалицию, хотя позиции папиной партии были сильнее. Поверь мне, за завтраком было что послушать. Так что, Кайла, не выиграл никто. Они пошли на компромисс. И результатом компромисса стала ты.

– Не понимаю.

Мама прибавляет звук радио, поворачивается ко мне и, понизив голос, говорит:

– Чтобы обсуждать это со мной, нужно уметь держать секреты. Ты сказала мне однажды, что не умеешь этого, а я думаю, что умеешь. Хочешь услышать продолжение?

Образцовая, послушная девочка сказала бы «нет» и не стала обладательницей опасного знания. Но сейчас контроль не у нее.

– Хочу.

– Ну так вот. На одной стороне выступали мой отец и движение «Закон и порядок», из которого вышли л ордеры. Нетерпимость к насилию и гражданским беспорядкам; суровые наказания для нарушителей закона. С другой стороны, та точка зрения, что молодежь – студенты, недовольные,

протестующие – должны быть реабилитированы; что не во всем случившемся их вина; что с ними обходились слишком жестоко и несправедливо и что они тоже люди и заслуживают внимания и уважения, помощи, но не наказания.

– И при чем тут я?

– Тогда же случились эти открытия. Я не очень разбираюсь в науке. Речь шла о памяти. Исследователи пытались помочь людям с аутизмом и тому подобным, а обнаружили, отчасти случайно, способ лишения человека памяти.

– Зачистка.

– Вот именно. Для коалиционного правительства это было идеальное решение. Необходимость в жестокое наказание для преступников отпадала – им стирали прежнюю личность, проводили, как стало принято говорить, Зачистку, и таким образом они получали второй шанс.

Обдумываю услышанное.

– Другими словами, обе стороны получили то, чего хотели. Это и называется компромиссом?

Мама смеется, но смех выходит невеселый, и лицо у нее не улыбочное.

– Я бы сказала, желаемого не получили ни те, ни другие, и каждая сторона винила во всем противную. Так было тогда, и так продолжается до сих пор в существующей ныне Центральной Коалиции. И тогда же появились приборы измерения уровня эмоций, эмометры, «Лево».

Я смотрю на управляющий моей жизнью браслет на запястье. Сейчас он показывает 5.2. Поворачиваю его, и острая боль пронзает виски. Знаю, что так будет, но не всегда могу удержаться от того, чтобы не подергать тюремную цепь.

– И как их компромисс связан с моим «Лево»?

– «Свободное Королевство» выступало за то, чтобы мы обеспечили бедняжкам Защищенным приемлемые условия; лордеры требовали позаботиться о том, чтобы они не вернулись к прежним привычкам. Ответ? «Лево». Живи счастливо. Ничего плохого ты не сделаешь. Обе стороны довольны, поскольку получили желаемое.

– Ха. Понятно, что им не приходилось носить эти браслеты.

Мама снова смеется.

– Верно.

– А тебе пришлось выбирать? Между папой и мамой.

– Прежде всего, я старалась сохранить мир дома, а потому занимала выжидательную позицию. Потом...

– Потом?

Она долго не отвечает, и я уже думаю, что не ответит. Наконец поворачивается ко мне, и ее глаза блестят.

– Я, можно сказать, слезла с забора, когда они умерли.

Мы уже рядом с пунктом досмотра. Обе молчим. Ее родители погибли, когда террорист бросил бомбу в их машину. О чем бы мама ни думала только что, в душе я не сомневаюсь, в какую сторону от забора она побежала тогда. Конечно, к лордерам. Иначе просто быть не могло.

Пока идет досмотр, я незаметно наблюдаю за ней. Есть в ней что-то, что идет дальше слов. Как и прежде, лордеры признают ее и демонстрируют почтительность и уважение, которых не видно в их отношении к другим. Мама не возражает, но ей это не нравится.

О чем она умолчала?

Доктор Лизандер стучит по экрану и поднимает голову.

– Вижу, во время нападения на прошлой неделе ты поднялась на десятый этаж. Потом твой уровень упал так, что пришлось колоть успокоительное. Расскажи, что случилось.

Вот так. Сразу к сути дела.

– Я попробовала, как вы и сказали, пройти к сестринскому посту, но свет погас, а сестра...

Я останавливаюсь. Не хочу об этом думать.

– О сестре я знаю, – говорит доктор Лизандер. – Для тебя это, наверно, было шоком. Однако сознание ты не потеряла.

– Нет. Я поднялась по лестнице на десятый этаж. Сама не знаю почему.

– Ты знакома с этим местом лучше всего, так что действовала понятно и логично. Интересно другое, почему твои уровни упали потом, когда ты прошла через все и оказалась наконец в безопасности?

Ответ очевиден – из-за Феб. Но сказать это я не могу и потому только пожимаю плечами.

– Может, когда остановилась, тогда все и навалилось.

Доктор Лизандер задумчиво склоняет голову.

– Может быть. – Полной уверенности в ее голосе не слышно, как будто она знает, что за моим объяснением кроется что-то еще.

– А как вы? Я беспокоилась. – Я не притворяюсь. Доктор Лизандер наверняка стала бы мишенью для террористов.

Черты ее лица смягчаются.

– Спасибо, Кайла. Ценю твою заботу. Все обошлось. Меня и еще нескольких человек отвели в безопасное место, где о нас позаботились.

– Но почему они не забрали заодно и ту медсестру? Вы знали ее?

– Знала. Ее звали Анджела. – В глазах – тень печали. – Иногда приходится выбирать.

– Но...

– Достаточно, Кайла. Мне нужно спросить тебя кое о чем. Ты все выяснила?

– Что?

– Ты выяснила все, что хотела?

У меня холодеет в животе. Она знает. Непонятно откуда, но знает. Знает, что я залезала в ее компьютер. Сажу молча, и страх вяжет внутренности в узелки. Представляю, как восприняли бы это лордеры.

– Да, Кайла, я видела, что ты сделала. В кабинете есть камера, понимаешь? Я просматриваю ее иногда. А компьютер показывает, какие файлы открывались и закрывались. – Доктор Лизандер спокойно откидывается на спинку кресла. – Но сейчас я выключила камеру и удалила ту запись. Никто ничего не узнает. Ну же, разверни стул, и мы посмотрим вместе.

У меня отваливается челюсть.

– Давай, Кайла.

Я перехожу со стулом на другую сторону от стола, и она один за другим открывает те же, что и я, файлы и дает пояснения: прием; сканирование мозга; операция. Потом мы переходим к разделу, забыть который я не могу до сих пор, «Рекомендации».

– Вот здесь... «совет рекомендует терминацию; доктор Лизандер против». Что это значит?

– Правление больницы беспокоили твои кошмары и способности контроля. Они считали, что выпускать тебя из-под наблюдения опасно, что ты можешь представлять угрозу как для себя самой, так и для других.

– И вы настояли на своем. Вы не согласились с ними.

– Да, настояла. Но они были правы. Уж по крайней мере для себя ты точно представляешь угрозу.

– Не понимаю. Тогда почему вы меня выпустили?

Она пожимает плечами.

– Я убедила себя, что ты заслужила шанс. И мне, конечно, было интересно посмотреть, как ты справишься. Но самое главное, я хотела изучать тебя, посмотреть, что с тобой случится.

– Изучать... как крысу в клетке.

Доктор Лизандер невесело усмехается.

– Скорее как крысу, выпущенную из клетки.

– Но зачем вам изучать меня?

– Ты не такая, как остальные. В тебе есть что-то другое, особенное, и я хочу понять, что это. Может быть, что-то пошло не так во время операции. Хотя все твои тесты и сканы в порядке. Тем не менее что-то есть... Здесь только мы вдвоем, ты и я. Больше никого. Можешь сказать мне?

– Я не знаю, что вы имеете в виду.

Она вскидывает бровь.

– Хочешь узнать что-то еще? Я помогу тебе удовлетворить твоё любопытство, и тогда, может быть, ты поможешь с тем же самым мне.

Заманчиво. Сколько вопросов можно было бы задать, но нельзя. Спрашивать опасно. Я должна быть образцовой Защищенной; я сказала Бену, что выбрала для себя вот такой курс. «Спроси».

– Кто такие Защищенные? Да, я знаю, что Защищенные – осужденные преступники. Но кто еще?

– А почему ты думаешь, что кто-то еще подвергается Зачистке? Это было бы незаконно.

Я смотрю на нее и не отвечаю.

Она задумчиво кивает.

– Ты восприимчива. Интересно, что ты задала именно этот вопрос. И не просто интересно, а даже удивительно. Почему ты спрашиваешь об этом?

– Я знаю нескольких человек, тоже Защищенных, которых не могу представить нарушителями закона.

– Жизнь, Кайла, бывает иногда очень трудной. Порой людям требуется помощь, и мы предоставляем такую помощь.

– Не понимаю.

Доктор Лизандер колеблется.

– Вот тебе пример – твоя сестра. Как там ее зовут? Я узнала ее в тот день, когда она ждала тебя.

– Эми? А почему вы ее помните?

– Разговаривая с тобой об этом, я нарушаю сразу несколько десятков законов. – Она стучит по экрану, и на нем появляется лицо Эми – Эми 9612. Открывает раздел «Прием». Еще одна фотография, но не моя. Эми. Здесь она на несколько лет младше, но с характерной улыбкой: ее ждет Зачистка, и она счастлива. Доктор Лизандер вводит пароль, и теперь я понимаю, почему не смогла пройти дальше: у меня пароля не было.

– Видишь, здесь? «Пациент 9612 обратился в больничное учреждение с просьбой подвергнуться операции по смене личности. В результате обследования признана подходящим кандидатом по программе СЛЖН».

Я качаю головой.

– Этого не может быть. Здесь что-то не так. Как может кто-то пожелать смены личности? Зачем это нужно? – Я дергаю «Лево», и в висок ударяет такая боль, что глаза мгновенно застилают слезы.

– СЛЖН – это программа «Смена личности жертвам насилия». Некоторые молодые люди настолько изломаны в раннем возрасте, что существует лишь один способ сделать из них полезных членов общества – порвать цепь насилия, не допустить передачи традиции жестокости от них к детям – отнять боль. Сделать так, словно ее не было.

– Что же такого плохого было в ее жизни, что она захотела все забыть?

– Я помню ее, потому что сама проводила осмотр. Эми была очень расстроена. Видишь ли, в тринадцать лет ее изнасиловали, и у нее родился ребенок. Малыша власти забрали, и совершенно правильно сделали, учитывая обстоятельства. Но сама Эми совладать со всем этим не могла.

Ох, Эми... Я не могу это принять, не могу поверить, что с ней случилось такое... что такое вообще могло случиться с кем бы то ни было. Доктор Лизандер изложила факты своим обычным, сухим, спокойным и четким голосом. Однако в ее глазах я вижу ужас. Ее собственный ужас оттого, что произошло с Эми. Вот почему она не захотела разговаривать с Эми, когда та приехала со мной. Ей не хотелось об этом думать.

– Эми пришла сюда за год до того, как мы начали регулярно рассматривать такого рода случаи с точки зрения смены личности. Для людей вроде нее Зачистка – благо и милосердие. Жизненно важно предотвратить повторение таких трагедий в будущих поколениях. Это пойдет на пользу всем и каждому.

– Зачем вы рассказываете мне об Эми? – шепотом спрашиваю я.

– Потому что знаю – ты в силах это вынести. Это поможет тебе понять, чем мы занимаемся, и я знаю, что ты сохранишь все, что узнала, при себе.

– Если бы Эми знала... – Я умолкаю. Если она предпочла не помнить, зачем напоминать?

– Она может узнать, – говорит доктор Лизандер. – Если захочет.

– Что? Хотите сказать, надо лишь спросить, и получишь ответ?

– Не сейчас. Когда тебе исполнится двадцать один и когда с тебя снимут «Лево», вот тогда ты получишь право знать. Если захочешь.

Никаких уточняющих деталей – ни имен, ни мест, ничего такого. Только факты. Почему тебя зачистили. Что ты сделала или чего не сделала. Но вообще-то, к этому времени почти никто ничего не хочет знать. Люди желают одного: жить дальше, а неприятности оставить в прошлом. Аты?

– Что я? – переспрашиваю я, хотя и понимаю, что она имеет в виду.

– Ты хочешь знать? Хочешь, чтобы я открыла твой файл, ввела пароль

и посмотрела, о чем там речь?

Я отступаю и качаю головой. Не хочу. «А ведь хочешь».

– На сегодня достаточно. Надеюсь, за следующую неделю ты все как следует обдумаешь и вернешь мне должок, ответив на некоторые мои вопросы. А теперь иди.

Столько сегодня свалилось новостей. Сначала мама с рассказом о родителях, правительстве и компромиссах.

Потом доктор Лизандер, которой нужно что-то от меня. Кайла – другая.

Но зачем? Я не могу ответить на ее вопросы, когда не могу найти ответы. Что происходит? И, самое главное, зачем она рассказала мне об Эми? Я не хочу этого знать, не хочу. И постоянно об этом думаю. Да, я получила доказательство своей правоты – Эми не сделала ничего плохого, чтобы заслужить Зачистку. Она сама попросила об этом.

По возвращении домой я едва сдерживаюсь, чтобы не подбежать к ней с объятиями. Но нет, еще решит, что я чокнулась.

Эми хотела забыть. Так, без той боли, ей легче. Легче ли? В любом случае она решила сама.

А что я? Что Люси? Она тоже решила сама?

Я не хочу знать, но шепот прошлого эхом звучит в голове. Звучит и не смолкает.

Глава 42

Тренировки на этой неделе нет – проводят отбор. Поскольку Защищенные в школьные команды не допускаются, нас с Беном отстранили. И неважно, что мы самые-самые, что каждый мускул тела требует разрядки накопленной энергии. Но сказать ничего нельзя, ведь я должна являть пример послушания. Все так.

Мало того что день вообще чудесный, так еще и Эми разработала для меня план проведения воскресенья, и я, после того что узнала о ней вчера, отказать не могу. Даже если бы хотела.

– Кайла? Идем. – Эми и Джазз ждут у двери, пока я ищу свою куртку. Обязанности дуэньи надо исполнять.

Эми смотрит в небо.

– Что-то я в погоде не уверена.

На мой взгляд, погода отменная. Небо – однообразно серое, холодно, сыро. Дождя пока нет, но воздух тяжелый и влажный, как будто удерживает в себе мириады крохотных капелек, слишком жидких, чтобы собраться вместе и пролиться дождем. Погода под стать моему настроению.

– Не бойся, я приготовился ко всем возможным неприятностям, – говорит Джазз. – En garde! Защищайтесь! – Он кланяется и делает шуточный выпад зонтиком в сторону дерева.

Мы идем через деревню до указателя и останавливаемся. Джазз и Эми присаживаются на каменную стену у тропинки.

– А дальше? – спрашиваю я.

– Подожди немного. – Эми смотрит на часы и заводит рассказ о практике в хирургическом отделении, которая начинается у нее во вторник. «Немного» растягивается в несколько минут.

– А вот и он, – говорит Джазз. Я поворачиваюсь и вижу бегущего к нам Бена. Он машет рукой.

– Сюрприз! – улыбается Эми.

Прошлым вечером за обедом мама сказала, что папа поднял вопрос о наших с Беном совместных тренировках и они решили, что больше этого не допустят. Я промолчала и спорить не стала – они все равно представили бы дело так, будто наши отношения не укладываются в рамки, отведенные для шестнадцатилетней, только что выпущенной из больницы Защищенной. Ведь так?

– Они знают, что он придет? – спрашиваю я.

- Нет. Хочешь бежать? Давай, беги. Мы пойдем сзади.
- Спасибо. – Я обнимаю Эми. Она удивлена, но тоже меня обнимает.
- Это мы проходили. Знаю, как оно бывает.

И я понимаю, что она имеет в виду. Эми думает, что как только они с Джаззом скроются из виду, мы с Беном начнем обжиматься да миловаться. Но сегодня сильнее, чем когда-либо, я хочу только одного – бежать.

Мы с Беном идем на тропинку.

– Нажимать не будем, – говорю я. Ногам, конечно, не терпится умчать меня на полной скорости, но я не могу заявиться домой раскрасневшаяся и потная, потому как сразу станет ясно, что мы с Эми были не вместе.

– Что так? – спрашивает он. – На тебя не похоже.

Медлю, но все же отвечаю.

– Мне нельзя выглядеть так, будто я бегала. Мне сейчас положено гулять с Эми. – Я не говорю, что не смогу больше бегать с ним, что это запрещено. Что не произнесено вслух, того как бы и не существует.

И вот мы с Беном легонько трусим по тропинке. Вдоль живой изгороди, кустов и полей. Начинается лес, под ногами бугрятся корни деревьев. Бен в этих местах впервые. Тропинка уходит вверх, а серое небо словно опускается нам навстречу; капельки тумана ложатся на волосы, цепляются за кожу. Сырость и холод просачиваются в кости. Дождя нет, но белесые щупальца приближаются, кружат.

На вершине я останавливаюсь возле лежащего дерева.

– Наблюдательный пункт. Отсюда вся деревня видна.

– Без тебя не разберусь. – Бен тоже останавливается. – Куда смотреть-то?

Я поворачиваю его в нужном направлении, и он смотрит вниз. Из облегающего холм тумана высовываются кое-где неясные, призрачные верхушки самых высоких деревьев. Поля и дома полностью скрыты белой дымкой.

– Вот уж да. Впечатляющее зрелище.

Шлепаю его по руке.

– Обычно так и бывает. Отсюда даже виден наш задний двор.

– И что теперь? – Он улыбается ленивой улыбочкой, как бы намекая, что мог бы предложить кое-что в этом отношении.

– Подождем, пока Эми и Джазз подтянутся. Или, может, спустимся? Какое удовольствие гулять в такую погоду?

– Постоим здесь. – Он снова улыбается и приближается ко мне на шаг.

Сегодня я не сижу на заборе, а Бен намного выше. Он наклоняется, но я не поднимаю лицо навстречу, а тычусь ему в грудь. Его объятия спасают

от холода.

– Вот почему папа и мама не хотят, чтобы мы с тобой оставались наедине, – вздыхаю я.

– Что? Не может быть.

– Может.

– Но сейчас же они не видят.

– Мы же вроде бы договорились, что будем послушными и примерными. Пока нам не исполнится двадцать один год.

– Целых пять лет без поцелуев? Не думаю, что так пойдет.

Бен – бунтарь. По крайней мере, в том, что касается поцелуев.

И я уступаю.

– Ладно. Но только один.

Мир вокруг нас меркнет, отступает и исчезает. «Опаснее то, чего не видишь».

Но в тот момент, когда я поднимаю голову, а Бен наклоняется с улыбкой, неподалеку с хрустом ломается веточка.

– Ну-ну, что это у нас здесь?

Мы оборачиваемся и видим его. Уэйна Беста.

– Кайла, да? – ухмыляется он.

Я отступаю на шаг.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Ну как же, ты ведь навещала моего брата. И даже, как я слышал, лично познакомилась с его песиком, Зверем. – Он хохочет. – Не представишь меня своему другу?

– Меня зовут Бен. – Бен улыбается – он-то ничего не знает и ни о чем не догадывается.

– Привет, Бен. – Уэйн протягивает руку. Нет, Бен, не надо! Но уже поздно. Бен тянется вперед, и Уэйн видит «Лево» и роняет руку. – Еще один Зачищенный! Да вы что, на деревьях растете? – Он плюет на землю. – А я-то собирался предупредить, чтоб не шлялся здесь с такими вот зачищенными шлюшками.

– Подождите-ка. – До Бена наконец доходит, что Уэйн отнюдь не Мистер-Приятно-По-знакомиться.

– Заткнись! – рычит Уэйн и толкает Бена. – Сиди и помалкивай. Мне надо... поболтать с Кайлой.

Бен снова делает шаг вперед. Злость у него на лице вытесняет растерянность, и я качаю головой.

– Подожди. Все в порядке. – Поворачиваюсь к Уэйну. – О чем?

– По-моему, мой братец слишком быстро тебя выгнал. Что ты хотела

сказать матери Феб?

Значит, о моем разговоре с ней они не знают. Не знают, что Феб тоже зачистили.

Смотрю на него и не знаю, что сказать, но понимаю, что только не правду. Если мать Феб решила не откровенничать с ними, то, наверно, не без причины. А раз так, то и мне лучше помолчать. «Бен, держи себя в руках», – мысленно молю я.

– Язычок-то могу и развязать, есть приемчики. Может, даже понравится. А может, и нет.

Бен становится между нами. Его «Лево» громко вибрирует, а лицо побелело и исказилось от злости. Нет, Бен!

– Назад.

Уэйн смеется.

– А что ты сделаешь? Уж лучше сиди и смотри. – Он толкает Бена, который пытается ударить его, но лишь вздрагивает и валится на землю.

– Не трогай его! – кричу я и с силой выбрасываю ногу, но попадаю только в ногу Уэйну.

– Ууу! Ах ты, дрянь! Ладно, забавнее будет. – Он идет ко мне, а я не могу убежать. Не могу бросить Бена. Мне страшно, но злость перевешивает страх. Внутри меня что-то бьется, лягается и рвется наружу.

Но тут Уэйн смотрит мне за спину, поворачивается и пускается наутек.

– Кайла? Кайла?

Джазз бежит вверх по тропинке, Эми старается не отстать.

– Это ты кричала? – спрашивает он. – Что случилось?

Не говори.

– Бен. – Я опускаюсь на колени рядом с ним. – Ты в порядке?

Его «Лево» снова вибрирует.

– Сколько у него? – спрашивает, отдуваясь, Эми.

Я беру его за руку, смотрю на запястье.

– 3.2.–Ужас сжимает грудь.

– Ох господи.

– В рюкзаке, – бормочет Бен. – Быстрее. Таблетки.

Таблетки? Роюсь в рюкзаке – бутылка воды, запасные носки... Натыкаюсь на пузырек, достаю. На этикетке написано – таблетки от головной боли.

Смотрю на Эми – она пожимает плечами.

– Хуже не будет.

– Быстрее. Давай, – хрипит Бен.

Я протягиваю ему таблетку, и он проглатывает ее, не запивая.

Обнимаю его, повторяя про себя: только бы выкарабкался. Эми садится рядом, гладит по руке то Бена, то меня. Джазз стоит чуть в стороне, готовый, если понадобится, бежать за помощью. Но дрожь уже прошла, щеки начинают розоветь, уровень повышается.

Он шепчет что-то про таблетки Эйдена.

«Пиллюли счастья».

Не сразу, но Бен поднимается. А ведь едва не отключился. И виновата я. Прошу Джазза и Эми пройти вперед, чтобы мы могли поговорить. Вместе с тем стараюсь не выпустить их из поля зрения.

Бен идет медленно, положив руку мне на плечи и немного горбясь.

– Извини, – шепчет он.

– За что?

– Хотел защитить тебя. И не смог.

– Это не твоя вина.

– Но мне вот что непонятно. – Я морщусь от неприятного ощущения в желудке. Так и знала, что он до этого доберется. – Почему у тебя с уровнями полный порядок?

Пожимаю плечами.

– Честно? Сама не знаю. Так быть не должно. Только не говори никому, ладно? А иначе мне крышка.

Несколько секунд Бен молчит, переваривая услышанное, потом кивает.

– Почему ты ничего не рассказала Эми и Джаззу? О нем нужно сообщить, он опасен.

– Нет, нельзя. Тогда станет известно, что я рассказала матери Феб о том, что ее дочь зачистили.

– И что?

– Тихоням так себя вести не положено. Ты еще не забыл, что за мной наблюдают? Если они начнут разбираться в том, что случилось, то могут найти кое-что такое, что придется им не по вкусу.

– Ладно, – говорит наконец Бен. – Но пообещай, что никогда не будешь гулять по этой тропинке в одиночку. Никогда. Обещаешь?

Я обещаю.

Джазз отвозит Бена домой – это всего лишь в нескольких милях от нашего дома. Дом кирпичный, с большим садом и стоит особняком. К стене прислонены велосипеды, у входа собака. Зовут ее Скай, и она совсем не похожа на Зверя. Скай – прелестный, непоседливый золотой терьер, который прыгает вокруг нас, радостно виляя хвостом. Родители подарили Бену щенка, когда он только-только начал жить у них.

Из гаража выходит в комбинезоне мама Бена. Она симпатичнее и

моложе, чем я думала, – ей лет тридцать, у нее длинные, завязанные сзади темные волосы.

Бен представляет нас, и глаза ее вспыхивают.

– Кайла? Я так рада с тобой познакомиться. – Она ведет нас – меня, Джазза и Эми – в мастерскую, заполненную оборудованием, металлоломом и скульптурами. Показывает почти законченную сову: скрученные металлические петли – когти, гайки – глаза, подшипники вместо глаз, лопасти вентилятора – перья. Выброшенный за ненадобностью металлический мусор превратился в лесное существо, которое выглядит так, словно вот-вот взмахнет крыльями и улетит.

– Как у меня на рисунке, – говорю я и вдруг замечаю, что мой лист припилен к стене. Она делает свою сову с моей.

Оставляем Бена дома и уезжаем. Я вижу в окно, как он машет нам и возвращается в гараж.

Спокойная, тихая, легкая, вот такая была у Бена жизнь. И теплые чувства, связывавшие его с матерью и даже с щенком-переростком, бросались в глаза. Без ПБВ, без «пилюль счастья», без выскакивающих из засады сумасшедших.

Без меня.

Вечером ко мне заглядывает Эми – поболтать. Так и знала, что придет.

– Послушай, Кайла. Я вот думала... Может, папа и мама правы.

– Правы? Насчет чего?

– Насчет вас с Беном. Я так понимаю, что вы поспорили из-за чего-то и он почти отключился. Ни он, ни ты справиться с этим не в силах... Может, все-таки рановато? Может, вам не стоит встречаться? По крайней мере пока.

– Дело не в этом! – горячо возражаю я.

– Тогда в чем?

Врать ей я не хочу, а больше сказать нечего, поэтому я просто повторяю:

– Дело не в этом.

– Ладно. Помогать тебе видаться с Беном мы больше не можем, так что отныне решай сама. Спокойной ночи. – Она поднимается и выходит из комнаты.

Себастиан вздрагивает.

– Похоже, котик, остались мы с тобой вдвоем, – говорю я, и он урчит, похоже вполне довольный такой судьбой.

Никаких поцелуев до двадцати одного года.

Ха.

Возражать Эми бесполезно, хотя вывод свой она сделала, основываясь на ошибочном рассуждении. Бену и впрямь будет лучше без меня. Как бы ни было больно, я уйду из его жизни, пока не принесла беду.

Глава 43

На следующее утро прихожу на урок биологии раньше Бена – надо бы сменить место, сесть с кем-то еще. Но вместо мисс Ферн снова приходит Хаттен, а садиться ближе к нему мне не хочется. В общем, иду к задней парте, к Бену.

– Надо поговорить в перерыве, – шепчет он.

– Не могу.

Бен вскидывает брови.

– Почему?

– Занята.

– Это тебе будет интересно. И еще кое-что про мисс Ферн. Встретимся возле библиотеки, ладно?

– Но...

– Тихо, все, – призывает Хаттен. – Надеюсь, вы провели уик-энд так же хорошо, как и я. – Он усмехается, как бы намекая, что все получилось совсем даже наоборот, и кое-кто из девочек хихикает. Наклоняется к передней парте. На нем узкие черные брюки, облегающая тело темная рубашка с расстегнутыми пуговицами. Шелк?

Бен толкает меня в бок.

– Перестань пялиться. – Я вздрагиваю и оглядываю класс. Все девчонки – и даже некоторые мальчишки – не сводят глаз с преподавателя, совершенно им очарованные. Я же просто нервничаю.

– Сегодня мы продолжим изучение мозга, – говорит он, и мне становится еще тревожнее.

Но дальше Хаттен переходит к разбору ошибок в наших прошлых работах. Нам показывают бесконечные слайды, сканы и рисунки мозга – и урок, минута за минутой, движется к концу. Ничего не случается до самого звонка, когда он подмигивает мне.

На этот раз незамеченным знак внимания не остается, и завистливые взгляды дают понять, что меня ждет расплата. Позже.

Любопытство все-таки берет верх. Бен топчется возле библиотеки.

– Ну, что у тебя?

Он смотрит на меня, и по его лицу проходит тень.

– Не здесь. Идем прогуляемся.

Я иду за ним к школьным воротам. Смотрим по сторонам – влево, вправо – и выскальзываем в рощу. Туда, где Феб рисовала свою малиновку,

вроде бы давным-давно, а на самом деле совсем недавно. Не прошло еще и трех недель. Идем молча по главной дорожке, потом сворачиваем на тропинку и углубляемся в чащу. Бен по-прежнему ничего не говорит и только мрачнеет и замыкается. Желание поговорить, если оно и было, испарилось.

– Так что там с мисс Ферн? – напоминаю я, не выдержав.

Он вздыхает.

– Ладно, начнем с нее. Я говорил, что мой отец – учитель в начальной школе? Вчера он и еще один преподаватель навещали мисс Ферн, с которой учились в колледже, в больнице.

– И как она?

– Выздоровливает. Множественные переломы: лежит на вытяжке.

– Так она действительно попала в автомобильную аварию, как все говорят? Это был несчастный случай?

– Несчастный – да, но не случай. Ее столкнули с шоссе.

– Лордеры? – шепотом спрашиваю я.

– Нет. – Бен качает головой. – Следствие еще идет.

– Но если не лордеры, кто еще мог сделать такое?

Он пожимает плечами.

– Понятия не имею. Просто подумал, что тебе будет интересно.

– Это все? Мне надо возвращаться...

– Кайла, послушай. Я обещал не предпринимать ничего, не поговорив раньше с тобой. Вот и разговариваю.

– О чем? – спрашиваю я с беспокойством. Что-то не так.

– Вот об этом. – Он закатывает рукав, обнажая «Лево». Яркий металлический браслет с цифрами на зеленом фоне – 7.8. Почему так высоко? Особенно счастливым Бен не выглядит. Он сжимает браслет другой рукой и резко поворачивает. Лицо искажает гримаса боли.

– Остановись! Что ты делаешь!

– Посмотри. – Бен вытягивает руку и поворачивает так, чтобы я увидела браслет. Цифры на зеленом изменились незначительно – 7.6, хотя после такого обращения с прибором уровни должны были бы улететь на дно.

– Не понимаю. Как ты это сделал?

– Принял одну из тех таблеток, что дал Эй-ден, и теперь, что бы ни делал, уровень не опускается. Много чего пробовал, но цифры одни и те же.

– И что?

– Неужели не понимаешь? Связь между «Лево» и мозгом блокируется

таблетками. Прибор можно снять и не отключиться. – Лицо его сияет, глаза блестят от возбуждения. Как у больного.

– Ты не знаешь этого наверняка, – возражаю я, но мысли уже бегут в новом направлении. А если он прав? «Лево» считывает эмоции посредством чипа, хирургическим путем имплантированного в мозг. При слишком низком уровне он активирует устройство, которое на короткое время останавливает кровоснабжение мозга и вызывает потерю сознания, отключку; при еще более низком уровне кровоснабжение прекращается перманентно; далее следуют судороги и смерть. А если уровень не меняется?

– Да! Все складывается! Эйден ведь и говорил, что террористы снимают «Лево». Таблетки блокируют связь между мозгом и браслетом. Должны. – Он хватает меня за руку, заглядывает в глаза. – Подумай, Кайла, как здорово быть самим собой. Чувствовать что хочешь.

Он притягивает меня к себе, обнимает, и мое сердце бьется быстрее, в кожу как будто вонзаются тысячи иголок, а тело желает чего-то неведомого и запретного. Чего-то, что мне должно избегать из-за «Лево». Каково оно, без него? Мы могли стать теми, кем хочется, быть вместе. Никто не мог бы сказать, что мы дестабилизируем наши уровни. Мы могли бы радоваться или печалиться – как угодно.

Да только это сказка. В этом мире для нас места не будет.

Я отстраняюсь.

– Что ты планируешь?

– Думаю принять несколько таблеток, а потом срезать и уничтожить «Лево».

Страх распускает щупальца внутри. Нет, Бен, нет.

– Что? Ты с ума сошел?

– Нет. Я был сумасшедшим, когда поверил всему, что мне сказали. Теперь я в своем рассудке. Эйден был прав, хотя и не до конца откровенен. С нами обошлись несправедливо. Посмотри хотя бы на то, что произошло вчера. Если бы рядом не оказалось Джазза и Эми...

Бен вздыхает, не договорив. Мне тоже не хочется об этом думать. Прошлым вечером я сопровождала это воспоминание к маленькой дверце в темном уголке мозга, пинком загнала его в камеру и заперла крепко-накрепко. И вспоминать о нем не желаю – чтобы не вылезло.

– Нет, Бен, ты не должен это делать.

– Эйден сказал, что террористы делали и у них получилось.

– Но получилось не у всех. Он сказал, что были и сбои. Ты не знаешь, как они это делали. И не забывай про боль. Ты ощущал ее, когда повернул

свой браслет. Я же видела по твоему лицу. Какие-то связи остаются.

Он пожимает плечами.

– Переживу.

– Ошибешься – можешь умереть.

– А какой смысл жить вот так, как живем мы?

– Не говори так. И «Лево» невозможно срезать обычными ножницами, а уничтожить прибор практически невозможно.

– У мамы в мастерской есть инструмент, который режет любой металл. Я постоянно помогаю ей и знаю, как им пользоваться.

Мысли мечутся по сторонам; мне нужен аргумент, который дошел бы до Бена.

– Подожди. А что потом? Если ты снимешь его, что дальше? Ты же не сможешь остаться в семье, не сможешь ходить в школу. За тобой придут лорды.

– У меня есть план, – говорит Бен, но на мои расспросы не отвечает.

«Эйден не был до конца откровенен. Он хочет присоединиться к террористам».

– Ты же не думаешь... нет. Ты же не станешь... Не пойдешь к АПТ.

И я вижу там, в его прекрасных глазах, подтверждение моей догадки. Бен хочет быть террористом. У меня перехватывает горло. Он ничего о них не знает. Не знает, что они творят. Он никогда не сможет совершать то же, что и они, и все равно думает об этом.

– Только так можно заставить правительство услышать, склонить их к переменам. Неужели ты не понимаешь?

Я качаю головой и отступаю. Что это, Бен или таблетки? Неужели это они натолкнули его на такие мысли?

– Посмотри на себя, – продолжает он. – После того, что случилось вчера на тропинке, ты даже смотреть на меня не хочешь. И разговаривать не хочешь. Я – ничтожество. Я ни на что не годен.

– Ты ни в чем не виноват, и дело тут в другом!

– В чем же тогда?

– И ты сам постоянно доказываешь это.

– Доказываю что?

– Что тебе было бы лучше никогда меня не встречать.

– Как ты можешь говорить такое? А мои чувства к тебе?

Но я не хочу слышать. Если он убьет себя из-за этих чувств, что в них хорошего? Ничего.

– Нет. Нет! Ты не должен этого делать. Пообещай, что не станешь.

Бен качает головой.

– Мне нужно думать собственной головой – ты за меня делать это не можешь. Как бы тебе этого ни хотелось.

Вот так-так! Я смотрю на него в полнейшем недоумении. Улыбчивый, простоватый Бен, нуждающийся, как мне казалось, в моей защите и опеке. Сейчас он не улыбается и ничего от меня не хочет. Не хочет знать, что я думаю и какие последствия его действия могут иметь для меня.

Что еще тут скажешь?

Я поворачиваюсь и иду в школу. «Лево» вибрирует и показывает 4.2.

Бен идет следом.

– Вот. Возьми хотя бы одну. – Он протягивает пузырек с таблетками «от головы».

– Спасибо, не надо. Я видела, что после них бывает.

Срываюсь с места и бегу.

Остаток дня проходит как в тумане. Уровень держится около «четверки», и я натягиваю рукав джемпера на запястье, чтобы никто не слышал, как вибрирует прибор. Все мысли только о Бене. Его нужно остановить, но как? После занятий спешу к машине и прошу Джазза передать Маку, что хотела бы повидаться с ним и, если возможно, с Эйденем. Да, я давала себе обещание, что не буду больше разговаривать с Эйденем, но, может быть, он сумеет помочь, отговорить Бена от безумной затеи или, по крайней мере, расскажет, как это делают террористы. Если его там нет, то, может быть, Мак убедит Бена подождать. Ничего другого, как остановить Бена, в голову не пришло.

Поздно вечером сижу с карандашом и блокнотом для рисования в руках. Лист пустой. Даже рисовать не могу.

– Вопрос, который мы рассматриваем сейчас, звучит так: как справиться с болью. Боль, если она достаточно сильная, может убивать сама по себе: сначала шок, потом полная остановка жизнедеятельности.

Мальчишка улыбается. О том, что его ждет, он имеет еще меньшее, чем я, представление. Но со мной у него ничего общего. Сидит, где ему сказано, говорит, когда к нему обращаются, и постоянно, как дурачок, улыбается до ушей. Впечатление дополняет пустой стакан из-под виски в руке. Зрачки расширены, кожа поблескивает от пота, хотя в мастерской холодно, и дыхание срывается с губ облачками пара.

– Работать под общей анестезией нельзя – человек должен быть в сознании. Почему – я не разобрался. Пока. – Мальчишка все еще улыбается, то ли не слушает, то ли не понимает. Старше меня, лет пятнадцать или шестнадцать.

– Протяни руку, – приказывает он, и мальчишка подчиняется. Он

привязывает руку к столу. И вот тогда я вижу пилу, нацеленную на запястье парнишки.

– Ты же не... – начинаю я. Терпеть не могу кровь. Металлический запах, цвет... В животе раскручивается карусель, желудок срывается и ползет вверх, и я хватаюсь за стол. Он дергает меня, кричит:

– Ты кто? – И кружение проходит. Я спокойна и внимательна. – Контролируй себя. Ты же не хочешь ее выпустить? – В голосе звучат угрожающие нотки.

– Нет! Сопливая хныкса. – Я выпрямляюсь.

– Молодец. И руку ему отрезать я не собираюсь. Хотя эксперимент мог бы получиться интересный сам по себе.

Он тянет вверх рукав, обнажает металлическое кольцо. Похоже на часы-браслет, с цифрами. Вот только показывают цифры не время.

– Это?.. Он?..

– Это «Лево», и его зачистили. – Он поворачивает запястье и поправляет ремни так, чтобы «Лево» находился на одной линии с прорезью в металлическом столе. На одной линии с пилой. – У этой пилы полотно с алмазным напылением, и она – единственный инструмент, который может разрезать металл, используемый ими для этих устройств. Ты уж поверь, мы все попробовали. Охлаждение, нагревание, химические вещества, всевозможные режущие инструменты. Но старомодная алмазная пила по-прежнему работает лучше всех.

Он надевает очки.

– Отступи в сторонку – могу забрызгать, если возьму чуть глубже.

Щелкает переключателем, и пила взвывает и начинает вертеться. Он подталкивает ее круке мальчишки. К его «Лево».

Паренек смотрит, и теперь в его глазах неуверенность. Он переводит взгляд на меня. Пила приближается к «Лево»... сталкивается с браслетом... Звук меняется на более пронзительный... летят искры. А потом он начинает кричать...

Боль ломает руку. Мечусь, вырываюсь, потом до меня доходит, что я просто запуталась в одеяле. В темноте две светящиеся точки – глаза Себастиана.

Включаю прикроватный свет. Шерсть у кота на спинке и до самого кончика хвоста вздыбилась, а на моей руке несколько царапин. Вот эта боль меня и разбудила, и она совсем не была частью сна. Второй раз Себастиан разбудил меня посреди кошмара.

– Спасибо, киса, что позвонил, – шепчу я. Вскоре он успокаивается,

сворачивается и засыпает. Шерстка разглаживается под моими поглаживаниями. Но свет я не выключаю, не хочу снова оказаться в темноте.

Воображение, жестокое и ужасное? Или следы памяти, которых не должно было быть? Куда я попадаю во сне?

Внутренний голос подсказывает: и одно, и другое. Та я, что во сне, имела лишь абстрактное представление о том, что такое «Лево», и не узнала в мальчишке Зачищенного, хотя это и было очевидно. Но один вывод ясен.

Бена нужно остановить.

Глава 44

– Пора! – кричит снизу мама.

Но когда я спускаюсь по лестнице, она, вместо того чтобы выйти на улицу, поворачивается ко мне.

– Все в порядке?

Все настолько не в порядке, что даже если бы я могла рассказать ей, то не знала бы, с чего начать. Поэтому я только смотрю на часы у двери.

– Если мы сейчас не выйдем, я опоздаю на собрание Группы.

Она медлит секунду-другую, потом открывает дверь.

– Знаешь, я, может быть, и помогла бы, если бы ты сказала, что не так. Бродишь в последние дни как потерянная.

Иногда мне так хочется рассказать ей все. Может быть, она и впрямь помогла бы найти выход, которого я не вижу.

Опасность.

– Это из-за Бена? – спрашивает она, когда мы отъезжаем от дома.

Я киваю. На большее меня не хватает.

– Вы поругались?

Хмурюсь.

– Тебе это Эми сказала?

– Не сердись на нее. Она беспокоится и о тебе, и о Бене.

Я смотрю в окно. От благих намерений Эми слишком много неприятностей.

– Кайла, ты понимаешь, почему мы с папой решили, что тебе лучше не бегать с Беном вдвоем?

– Заступ за черту, – не сдержавшись, бросаю я зло.

Она усмехается.

– Знаешь, я и сама еще помню, как это бывает, когда ты молода и хочешь быть с кем-то.

– Тогда почему мне нельзя даже пробежать с Беном на собрание?

– Потому что нельзя. Но, как тебе известно, я не всегда согласна с твоим отцом. Да, если подходить официально, он прав и мы не можем позволить то, что чревато для тебя неприятностями, согласна? Но давай подождем немного, а потом посмотрим, что и как. Может быть, и с Беном как-то устроится. Но, боюсь, только под надзором. – Она улыбается. Старается помочь. Думает, что она на моей стороне. Но все намного сложнее, чем можно представить.

Если бы только я могла поговорить с Беном с глазу на глаз, убедить, открыть ему глаза.

Подожди-ка минутку.

– Пожалуй, кое в чем ты действительно могла бы помочь.

– И в чем же?

– Приезжай за мной сегодня чуточку позже, а? Задержись ненадолго. Нам нужно поговорить. Всего лишь несколько минут. Разобраться.

– Если отец узнает, он мне голову оторвет.

– Я ему не скажу!

Мама вздыхает.

– Ладно, я тоже. Дам тебе двадцать минут. Достаточно?

– Спасибо.

– Надо же, ты еще улыбаешься. Постарайся и меня встретить с той же улыбкой, хорошо?

Групповое собрание начинается как обычно. Пенни пришла в ярком джемпере и выглядит чересчур бодрой и неестественно веселой. Бен по обыкновению опаздывает и не садится рядом со мной. Обидно и досадно. Злитесь из-за вчерашнего? Из-за того, что я ушла?

Разговоры в Группе пустые и бессодержательные и вертятся вокруг вещей, совершенно незначительных. Ловлю себя на том, что каждую минуту поглядываю на часы. Собрание немного затягивается, и я прикусываю язык, чтобы не сорваться. Пенни наконец отпускает нас, и Бен поднимается и идет к двери. Срываюсь с места и едва успеваю перехватить его.

– Подожди.

Он поворачивается и впервые за вечер смотрит мне в глаза. Ничего не говорит, и молчание – кинжал в грудь. Отступить бы и тихонько уползти, но мне надо поговорить с ним, найти такие слова, которые убедили бы его отказаться от планов.

– Бен, мы можем поговорить? Пожалуйста. Мама приедет позже, и у нас есть немного времени.

Он оглядывается. Пенни на нас не смотрит, разговаривает с чьими-то родителями.

– Ладно, пошли.

Мы выходим на улицу, минуем парковочную площадку и останавливаемся в тени.

– Сердишься? – спрашиваю я и тут же отчитываю себя за несдержанность. Столько всего нужно обсудить, а это могло и подождать.

Бен качает головой.

– Конечно, нет. Но стараюсь держаться подальше. Не хочу, чтобы тебя связывали со мной потом, когда что-то... – Он переводит дух. – Не хочу, чтобы у тебя были из-за меня неприятности.

– То есть ты так и не одумался? Планируешь идти до конца?

– Ты ведь на самом деле не думала, что я передумаю?

– Не думала, но надеялась. Подожди хотя бы, пока не увидишься с Эйденом. Он расскажет, как они это делают. – «Отговаривай его, отговаривай».

Бен качает головой.

– Послушай, я не передумаю, – говорит он негромко, но твердо. – И, по-моему, Эйден сам толком ничего не знает.

– Пожалуйста, Бен. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Его взгляд смягчается.

– А мне бы хотелось утащить тебя в лес и целовать. – Но вокруг нас машины, и дети, и глаза, глаза повсюду. Он берет меня за руку. – Пока и этого достаточно.

– Бен, ты должен прислушаться к голосу рассудка. Пожалуйста.

– Мы ведь уже закрыли эту тему, разве нет?

– Как именно ты намерен это сделать?

– Просматриваю оборудование в маминой мастерской. На выходных с чем-нибудь определюсь.

– Так скоро?

– Да. Мама уезжает к папиной сестре – у нее родился ребенок. А папа уже там. Я убедил их, что вполне справлюсь со всем один.

Смотрю на него просительно.

– Бен... пожалуйста...

– Кайла, послушай. Если получится, мы и твой сможем срезать. И тогда убежим куда-нибудь вместе. Без «Лево» нас никто не сможет разлучить.

– А как же террористы? – шепотом спрашиваю я. – Или ты уже отказался от этой идеи?

Он качает головой.

– Вот так. Мы с тобой и террористическая организация. Лучшего и не пожелаешь.

– Подумай. Мы могли бы изменить мир.

Мама въезжает на стоянку и машет рукой.

– Мне нужно идти.

– Не улыбнешься, Кайла?

Я плюхаюсь на заднее сиденье.

– Мне жаль, – говорит она.

Дома я отказываюсь от чая и, не слушая выражений сочувствия, ухожу к себе. Но от мыслей не убежать. Представляю, как Бен пытается срезать «Лево» и кричит от боли. Выживает – уходит к террористам.

Я должна его остановить.

Все в тумане, все неясно. Я поправляю очки.

– Вот, это переключатель. Двигаешь пилу вот так. Алмазный диск справится с «Лево» быстро. Самое главное – перерезать браслет как можно быстрее, прежде чем боль и шок вызовут смерть, но и осторожно, чтобы не захватить и руку. Основная ошибка – остановка пилы, когда становится больно, хотя именно в этот момент нужно сделать последнее усилие. Понятно?

– Да. – Я спокойна и внимательна. Мне интересен этот эксперимент.

Подопытный потеет, зрачки расширены. Рука обездвижена, лежит на столе. От него разит виски.

Поворачиваю выключатель. Диск начинает вращаться, быстрее и быстрее.

Я подвожу пилу ближе и ближе. Бросаю взгляд на мальчишку и вижу широко открытые, голубые глаза. Но страха в них нет. Пока.

– Смотри, что делаешь!

Смотрю – и в этот миг диск касается «Лево». Искры разлетаются дугой.

– Сильнее!

И тут он кричит.

Я тяну пилу назад.

– Нет! Он умрет сейчас, если не перерезать браслет! Быстро!

Но меня и саму уже крутит. Крики боли разрывают мне мозг. Я зажмуриваюсь. С закрытыми глазами видно яснее. Кричащего мальчишки больше нет – на его месте Бен.

– Нет! Бен, нет! – Я бросаюсь к машине, чтобы остановить пилу, развязать ремни, но меня хватают, крепко держат и не пускают.

– Контролируй себя. Ты знаешь правила.

– Нет!

– Ты следующая.

Я вырываюсь, брыкаюсь, царапаюсь и визжу. Бесполезно. Меня привязывают к стулу, руку – к столу.

Пила визжит...

Бззз...

Глаза распахиваются. Я вырываюсь из кошмара, из ужаса. Сон? Но почему в ушах визг пилы?

Бззз...

Протягиваю руку, включаю свет и вибрирующий на запястье «Лево». Уровень опасный – 3.3. Меня тошнит и трясет. Начать с того, что на этот раз я сама работала пилой. Могло ли такое случиться в действительности?

Понемногу сердце сбавляет бег, и уровень тянется вверх, но пугающие образы не уходят. Снова и снова они проходят перед моим внутренним взором. Диск пилы с алмазным напылением. Виски.

Неужели я действительно была там, в том жутком месте, и мучила того парнишку?

Где-то внутри трещина, проблеск света.

Не хочу ничего знать, но и деться некуда. Во сне, когда меня усадили за стол, чтобы срезать «Лево», я боялась не боли и не смерти. Я боялась, что останусь без браслета. Я ненавижу его. Ненавижу все, что он означает и представляет, что делает в моей жизни. И вместе с тем, непонятно почему, мне важно сохранить его. Важно до такой степени, что при одной лишь мысли лишиться «Лево» меня переполняет ужас.

Почему?

Глава 45

В пятницу утром, когда я прохожу по автобусу, место Бена пустует. Привстаю, оглядываю салон. Нет, не пересел. Его просто нет.

Я в панике. Бен не пришел. Он говорил, что родители уезжают на выходные и тогда он попробует срезать «Лево». Неужели что-то поменялось и план сдвинулся на сегодня?

Утренние уроки просиживаю, словно оглушенная. Начинаю даже думать, не обратиться ли за помощью к миссис Али. Если рассказать, что Бен задумал, они, конечно, остановят его. Не дадут ему срезать браслет. Но что будет потом? Что сделают с ним лордеры?

А если уже поздно?

В перерыве на ланч брожу в одиночестве по территории школы. Может ли кто-то помочь? Джазз?

Эми говорила, что ланч у шестого класса обычно проходит в общей комнате главного здания. Туда я и отправляюсь. Она все еще на практике, так что прибегать к хитрости, чтобы как-то ее выманить, не приходится. Сама не знаю почему, но посвящать ее в последние события я не стала. Эми полагает, что с Беном мы больше не встречаемся, и я не представляю, как она поведет себя, узнав, что он намерен срезать «Лево».

Стою в нерешительности у двери. Ну же, Джазз, пожалуйста, будь на месте. В зале полным-полно учащихся. Сидят группами на скамеечках, перекусывают. Другие, за столами, выполняют домашнее задание. Осматриваюсь. Джазза нигде нет. Правда, мне совсем не виден загороженный шкафами дальний уголок. Я привстаю на цыпочки...

– Осторожнее, пожалуйста, – раздается голос сзади. Я отступаю в сторонку. Две девушки постарше смотрят на меня свысока. – Проваливай. Здесь только шестиклассники.

– Подождите. Мне нужен Джазз Маккензи.

Они проходят дальше, как будто и не слышали.

– Джазз? – Я слегка повышаю голос.

Из-за уголка стола выныривает знакомая голова. Джазз с улыбкой подходит ко мне.

– Привет, Кайла, как дела?

– Можем поговорить наедине? У тебя есть минутка?

– Конечно. Полсек. – Он уходит и возвращается с курткой. – Давай прошвырнемся.

Идем по коридору к выходу из здания. Низкое серое небо, моросящий дождик. Погода не располагает к прогулкам, и на тропинках и скамейках никого нет.

– Что случилось? – спрашивает Джазз, убедившись, что здесь нас никто не услышит.

– Беспокоюсь за Бена. Его не было сегодня в автобусе.

– Ну, может, проспал или простудился. А может, к зубному отправился на прием. Я тебе с десятка причин назову.

Молчу. Он заглядывает мне в глаза.

– Но ты ведь считаешь, что дело в чем-то другом.

– Да, – шепчу я. Джазз деталей не знает, и, может быть, так оно и лучше. – В последнее время Бен подумывал кое о чем нехорошем, и теперь я боюсь, что он это сделал.

– Понятно.

– Не представляю, как быть, – вздыхаю я. Дождик усиливается. «Лево» вибрирует, но я прячу руки в карманы, чтобы Джазз не слышал.

– Эми думает, что тебе не следует с ним видаться. Туг она согласна с вашими родителями.

– А ты как считаешь?

Он пожимает плечами.

– Бен – нормальный парень. Ты серьезно беспокоишься?

Я киваю.

Джазз опускает голову, думает.

– Вот что я тебе скажу. Давай махнем с занятий и заскочим к нему, а? Посмотрим, в порядке ли он.

Соглашаюсь не задумываясь. Договариваемся встретиться у машины через несколько минут. Джазз идет за сумкой.

«Плохая идея».

Гоню эту мысль прочь и, оглядываясь по сторонам, чтобы не нарваться на учителя, иду к автомобильной парковке. Объяснить отсутствие на занятиях после ланча будет нелегко. Рассчитывать, что никто не обратит внимания, не приходится. Тем более что я у миссис Али всегда на примете.

«Очень плохая идея».

Джазз задерживается, и я снова начинаю тревожиться. Уж не передумал ли? Нет. Если что, он так бы и сказал.

Джазз появляется из-за угла с широкой, до ушей, улыбкой.

– Бен на экскурсии с классом.

– Правда?

– Я проверил. На доске объявлений есть сообщение, что у них сегодня

поездка на целый день на ферму. Странно, что он тебе не сказал.

Волна облегчения смывает тревогу; у меня дрожат коленки и кружится голова, а к горлу подступает темнота.

– Эй, ты что? – Джазз смотрит на меня с любопытством.

– Я в порядке. Мне только надо поговорить с Беном.

– Рванем к нему после занятий. Я тебя отвезу, а потом домой подброшу, так что ни Эми, ни Дракоша ни о чем не догадаются.

– Правда?

– Конечно. Почему нет?

– Спасибо.

Джазз пожимает плечами и ухмыляется.

– Пустяки. – Он подмигивает. – Встретимся здесь же после занятий, лады?

– Договорились.

Чувствую себя так, словно камень с души свалился. Почему Бен не рассказал об экскурсии? Впрочем, нам же было не до этого. Мы по большей части спорили.

К концу занятий небо расчистилось, облака ушли, и над автостоянкой засияло солнце.

Я впервые сижу на переднем сиденье. Интересно, что подумает Эми, если узнает об этом от какого-нибудь доброжелателя.

– Скажу Эми, что тебя донимали в автобусе, вот я и подбросил до дома. Пойдет? – словно в ответ на мои мысли, говорит Джазз.

– Конечно.

Я набрасываю ремень безопасности. Послеполуденное солнце светит в лицо. Одной рукой крепко держусь за дверцу, хотя к манере вождения Джазза уже немного привыкла и почти не замечаю, когда он ударяет по тормозам перед светофором, а потом, не дождавшись зеленого, срывается с места и повторяет то же самое на следующем перекрестке. Вертя руль, он насвистывает звучащую по радио мелодию.

Кошмар прошлой ночи продолжается у меня в голове, как будто там вертится один и тот же бесконечный фильм: крики, соленый запах страха, виски и крови смешались в тошнотворный коктейль.

Бена нужно остановить. Но что делать, если он не станет слушать?

Джазз останавливается, не доехав до дома Бена.

– Здесь у меня приятель живет, Йен. Загляни, когда возвращаться надумаешь.

Подойдя к дому Бена, вижу в садике Ская. Песик радостно мчится ко мне и, стремясь облизать лицо, едва не сбивает с ног. Бен как-то сказал, что

собачка всегда такая довольная, будто ее тоже зачистили.

– Успокойся, песик!

Я стучу в переднюю дверь и жду. Никто не отвечает.

Не вернулся со школьной экскурсии?

Скай, когда я подошла, вертелся возле гаража. Иду туда. Стучу.

И снова никакого ответа. Прислушиваюсь... Вроде бы что-то есть... какой-то слабый звук.

Толкаю дверь – заперта. Стучу снова.

– Бен?

На этот раз отчетливо слышны шаги, звякает ключ. Дверь открывается.

– Кайла? Ты что тут делаешь? – Он выглядывает на улицу, хватая меня за руку и втягивает в гараж. Скай пытается последовать за мной, но его не пускают. Дверь захлопывается, Бен снова поворачивает ключ в замке.

Он не в школьной форме. И глаза какие-то неестественно яркие.

– Ты разве не был на экскурсии с классом?

– Должен был, но решил устроить выходной.

– Нарвешься на неприятности.

– Это вряд ли. На следующей неделе меня здесь уже не будет. – Он улыбается. – Рад, что ты здесь. Хотя бы можем попрощаться.

И тут только я замечаю разложенное оборудование, защитные очки. Полотенца. Пухлый рюкзак, как будто Бен собрался куда-то.

Я холодею от страха, превращаюсь в лед. Отстраняюсь и отступаю.

– Нет, Бен, нет! Ты же не собираешься сделать это сейчас?

– А что толку ждать? Мама уехала к моей тете. Папа уже там. Лучшего момента не будет.

Я качаю головой, дрожу от холода и чувствую, как пощипывает от слез в глазах.

– Пожалуйста, не надо. Не делай этого. Не оставляй меня.

– Шшшш... Все будет хорошо. Придет день, и я вернусь за тобой.

– Мертвый не вернешься.

Бен смеется.

– Что-нибудь придумаю. – Он цепляет мой мизинец своим. – Обещание на мизинчиках нарушить нельзя. Обещаю, Кайла, мы будем вместе.

Бен наклоняется, коротко касается моих губ и уже выпрямляется, но я обнимаю его за шею, притягиваю к себе и целую снова и снова, желая только одного: задержаться, продлить хотя бы это мгновение. Его рука обнимает меня крепче и крепче, и я закрываю глаза и лгну к нему. Почему

все так трудно? Почему нельзя оставить все как есть?

Он опускает руку.

– Уходи, Кайла. Уходи.

Я качаю головой. Его нужно остановить. Убедить.

– Подожди. Пожалуйста. Хотя бы поговори с Эйдемом. Может, расскажет, как они это делали.

– Нет, Кайла, все это мы уже проходили.

Думай. Надо показать, насколько это глупо, убедить, что план может не сработать.

– Скажи мне, что именно ты намерен сделать.

Бен кивает на новый режущий станок, который, как считается, режет любой металл.

Я качаю головой.

– Нет. Не сработает. Крепче алмаза нет ничего.

Он задумчиво склоняет голову. Переходит к другому верстаку и берет старенькую одноручную шлифовальную машину.

– Есть и такой. Здесь диск с алмазным напылением.

– Ничего не выйдет. Ты просто не сможешь резать «Лево», держа инструмент одной рукой. Особенно когда почувствуешь боль.

Бен находит винтовой зажим.

– Вот так должно получиться. Сейчас закреплю его на верстаке. Пожалуйста, Кайла, уходи.

– Я останусь. И ты мне не запретишь, – говорю я, потому что не нахожу других слов, тех, которые открыли бы ему глаза, заставили отказаться от безумного плана. Снова смотрю на него, вижу его глаза и умолкаю. Бесполезно. Что бы я ни сказала, все неважно. Бен уже принял решение.

Опускаю голову и вдруг застываю от шока: мне придется ему помочь. Придется. Дело нужно сделать быстро. Бен начнет и не сможет закончить, а значит, умрет от ужасной боли. Если я не могу остановить его, то должна помочь.

Поднимаю голову, вытираю слезы. Приказываю себе успокоиться, хотя внутри все кричит: НЕТ, НЕТ, НЕТ...

– Я это сделаю. Я разрежу твой «Лево».

– Нет. Так не пойдет, Кайла. Уходи.

– Слушай. Я знаю, как этим пользоваться. – Я поднимаю шлифовальную машину. Держать ее удобно. Конечно, ручным инструментом работать труднее, чем той, стационарной, машиной, которая была в моем сне, но принцип одинаковый. – Так будет намного безопаснее.

В одиночку ты не справишься.

– Я не могу подвергать тебя такому испытанию. Нет, Кайла.

– Повторяю, я смогу. – Закрепляю зажим, вставляю какую-то железку, затягиваю, надеваю защитные очки и включаю машину. Звук тот же, что и во сне. Сжимаю зубы, сдерживая крик, и провожу ровную линию.

– Рука твердая. Впечатляет. Но...

– Никаких «но». Или я помогаю тебе, или не будет ничего. Я не позволю тебе сделать это самому. Не позволю умереть в одиночку.

Он смотрит мне в глаза и медленно качает головой.

– Разреши мне помочь тебе. Ты же понимаешь, так будет лучше.

– Это как-то неправильно.

– Тогда откажись! Не делай ничего! – Я предпринимаю последнюю попытку, но он качает головой, и мои слова падают, как листья.

– Да, пожалуй, что лучше, – нехотя признает Бен. – Но ты уверена, что справишься? Уверена, что хочешь?

– Да.

– Ладно, – говорит он после паузы и протягивает таблетку «пилюли счастья». – По крайней мере, возьми эту штуку.

– Нет.

– Нельзя, чтобы ты вырубилась на полпути. Наверно, он прав. Что, если уровень упадет и я не смогу удержать инструмент?

– Давай. – Я проглатываю таблетку и запиваю водой из стакана. Бен бросает в рот сразу несколько. – А не опасно так много сразу?

Он пожимает плечами.

– Лучше слишком много, чем слишком мало. Уже через несколько секунд на коже у него проступает пот, зрачки расширяются. Как у того мальчишки из моего сна.

Мой сон...

– Виски. У вас есть?

– Думаю, что да. А что?

– Помогает смягчить шок.

Прямо из гаража Бен проходит в дом и вскоре возвращается с бутылкой. Отпивает пару глотков, закашливается и морщится.

– Какая дрянь.

– Пожалуйста, не делай этого. Пожалуйста. Еще не поздно все отменить.

– Я сделаю все один. Возвращайся домой, Кайла.

– Нет! Раз уж ты так решил, я помогу. Но слушай, Бен. Как только диск коснется «Лево», пути назад уже не будет. Чтобы остановить боль,

придется идти до конца.

– Да. И что бы я ни говорил, продолжай.

– Будешь кричать, соседи могут услышать.

– Ты не услышишь ни звука.

– Ты кем себя считаешь, суперменом?

– Супер-Беном! – Он смеется и садится на стул рядом с верстаком, зажимает браслет. Лицо искажает гримаса боли. – Кайла, на случай, если что-то сорвется, я хочу, чтобы все выглядело так, будто я сделал это в одиночку. Что бы ни случилось, ты держишься в стороне. Пообещай. А если тебя застанут здесь, скажи, что все так и было. Пообещай!

– Хорошо. Обещаю.

– Надень перчатки. Вон там. Протри ручку, кнопки, все, до чего дотрагивалась.

Я надеваю перчатки, делаю все как сказано.

– Готово?

– Подожди.

– Да? – Я еще надеюсь услышать, что он скажет «Стоп. Я передумал».

– Кайла, что бы со мной ни случилось, я люблю тебя. И всегда буду любить. – Да, он проглотил столько «пилюль счастья», что готов и какого-нибудь лордера записать в друзья, да еще и виски выпил. Да, он плохо соображает, где находится и что говорит. Но выглядит все по-настоящему.

Я смотрю на него и хочу сказать, что тоже люблю его, но слова застревают в горле.

– Начинай! – говорит Бен.

Я как будто снова во сне, в том моем жутком сне. Я – не я. Я – та девушка в кошмаре: спокойная, собранная, готовая на все. Откуда она? Я беру инструмент, отжимаю кнопку предохранителя и нажимаю кнопку «вкл.» Теперь все нужно сделать быстро.

Диск начинает с воем вертеться.

Смотрю на Бена. Он кивает и шепчет:

– Давай.

Диск касается «Лево», и искры разлетаются во все стороны.

В отличие от паренька в моем сне, Бен не кричит. Но лицо его искажено, пот проступает крупными каплями, и я стараюсь не смотреть на него. «Будь внимательна, смотри на диск, держи крепко».

Скай, которого с Беном связывает давнее и взаимное обожание, начинает тихонько повизгивать и скрестись за дверью, а потом бросается на нее.

Искры летят, а я, начав, уже не могу остановиться. Диск дергается, и

машина разогрелась так, что обжигает даже сквозь перчатки, и держать ее становится все труднее. Из уголка рта у Бена стекает струйка крови, тело сотрясают конвульсии, но он не пытается отступить и не издает ни звука.

От браслета остается тонкая полоска. Она сопротивляется, дрожит, а потом... хрум. Все. Я нажимаю кнопку и убираю машину, но мгновением раньше дрожащая рука Бена касается диска. Я вижу кровь, торопливо ослабляю зажим и, схватив полотенце, туго перетягиваю запястье.

– Бен? Бен! – Я трясую его, но Бен обмяк и лишился чувств, а на губах пузырится кровь. Прикусил язык? Он уже сползает со стула. Я стаскиваю перчатки, швыряю их в угол и проверяю пульс на шее. Прерывистый.

За дверью скулит Скай. Звук мотора. Дверь гаража вздрагивает, потом открывается.

Мама Бена.

– Забыла прихватить... – начинает она и останавливается, увидев лежащего у меня на руках Бена. – Что случилось?

По лицу текут слезы. Я трясую головой и не могу выговорить ни слова.

«Скажи ей то, о чем говорил Бен».

– Я п-п-п-пришла и нашла его... вот таким.

Она отталкивает меня, отворачивает промокшее полотенце и видит... Кровь отступает с ее лица.

– «Лево» нет... – Она поворачивается ко мне. – Что произошло?

Я беспомощно пожимаю плечами. Лги.

– Не знаю. Должно быть, срезал.

Конвульсии встряхивают обмякшее тело. Раз.

И еще раз. Судороги? О господи, нет. Повреждение «Лево» вызывает судороги и смерть. Нам всегда так говорили. Не сработало!

Мать Бена достает из кармана телефон и вызывает «Скорую помощь».

– Уходи отсюда, Кайла. Уходи.

Меня бьет дрожь. Слабость. Таблетка не помогает, уровень быстро падает. «Лево» вибрирует.

– Уходи! Я не хочу знать, что здесь случилось на самом деле. Но сейчас – уходи. Пока они не приехали.

Но я не могу оставить его. Не могу.

– Уходи. Он сказал бы тебе то же самое.

«Да, он так и сказал».

Бреду к двери и слышу вдалеке вой сирен.

– Не туда. Через заднюю дверь. И дальше по дорожке вдоль канала. Быстрее!

Выхожу через заднюю дверь. Иду по саду за домом, протискиваюсь в

калитку. Дальше – дорожка вдоль канала. Тащусь, не чувствуя под собой ног. Считаю дома. Четвертый. Не здесь ли живет приятель Джазза?

Музыка в доме грохочет так, что земля дрожит. Я стучу в заднюю дверь, но ответа нет. Толкаю... переступаю порог...

Джазз смотрит на меня и выключает проигрыватель. И тут они слышат сирены. Видят слезы на моем лице.

Джазз обнимает меня за плечи.

– Кайла? Что случилось?

К прежним сиренам добавляется еще одна, но звучит она диссонансом, слишком пронзительно и громко.

Лги.

– Б-б-б-бен... Он срезал «Лево», – шепчу я.

– Но ведь это невозможно.

– Я тоже так думала. Даже если не отключишься, тебя убьет боль. Или судороги. – Картина стоит перед глазами, и стереть ее не получается, как я ни пытаюсь. Бен...

В окно видно, что на дорожке возле дома Бена стоят две «Скорые». Что это значит? Если Бен... Я отворачиваюсь, сглатываю. Мысли путаются, уходят от худшего, что могло случиться, но одна картина стоит перед глазами, и у меня нет для нее слов: бьющееся в конвульсиях тело Бена на полу, перекошенное болью лицо.

Еще одна сирена подает голос издалека, но тон ее иной, не такой, как у «Скорой», пронзительный, и он резонирует в голове, подгоняет сердце и рассыпает льдинки по коже.

Прячься! Быстрее!

Но я стою как вкопанная у окна.

Пронзительный вой еще ближе, и вот из-за угла появляется длинный черный фургон. Никаких надписей или эмблем, только синяя «мигалка» впереди. Я отпрыгиваю от окна и отталкиваю стоящих у меня за спиной Джазза и Йена.

– Что там? – спрашивает Джазз.

– Лордеры, – говорю я, чувствуя предательскую слабость в коленях и тошноту под ложечкой. Парамедики вызвали лордеров. Им доверять нельзя.

– Нам надо убираться отсюда, – говорит Джазз. – Прямо сейчас.

Мне холодно. Я как будто застряла в ледяной ловушке. «Лево» жужжит, и Джазз берет меня за руку и проверяет показания.

4.4.

Одной пилюли оказалось недостаточно.

– Дело дрянь. Кайла, чем я могу помочь? – с тревогой спрашивает

Джазз.

– Уже ничем. Поздно.

Обхватываю себя руками. Я должна была его остановить. Во всем моя вина.

3.8.

Я оставила его там... просто бросила...

3.5.

Истекающего кровью, умирающего, я предала его... сбежала от него...

– Нет, Кайла... – Джазз добавляет крепкое словцо. – Не здесь и не сейчас. Идем. – Он ведет меня к задней двери, предупреждая на ходу Йена: – Нас здесь не было.

– Кого вас? – уточняет Йен. – Я дам знать, если узнаю что-нибудь о Бене.

Джазз едва ли не тащит меня к забору, открывает ворота, выводит на дорожку.

3.2.

– Беги! – говорит он.

– Что?

– Беги. Как если бы от этого зависела твоя жизнь.

«Может быть, и зависит».

Бежать? Сейчас? Я смотрю на ноги, приказываю им двигаться, делаю несколько неуклюжих шагов, прибавляю... И в какой-то момент ритм берет власть над мной.

– Быстрее! – требует Джазз. – Ты можешь быстрее, я знаю.

Беги, как будто тебя преследуют лордеры. Жми вовсю, словно тебя вот-вот схватит Уэйн Бест. Я вызываю из памяти уродливую физиономию Уэйна, и ноги, похоже, получают заряд энергии.

Джазз хватается меня за запястье – 3.9.

– Мало. Прибавь.

Мы бежим и бежим. Джазз к такому не привык, и ему особенно тяжело. Быстрее. Перед глазами по-прежнему Бен. Что с ним? Забрали ли его лордеры? Если да, то, может быть, худший вариант лучше? Что с ним? Незнание гложет изнутри. Я хочу остановиться, упасть и заплакать, но как только сбавляю шаг, Джазз толкает сзади, заставляя бежать и бежать.

Чудесные, мягкие глаза Бена, и вот это. Что же случилось с тобой?

Йен узнает и расскажет.

Да.

Беги, беги...

Мы возвращаемся к машине, когда уже смеркается.

– Уровень? – спрашивает Джазз.

Проверяю.

– 5.2. А как ты понял, что мне надо бежать?

Джазз пожимает плечами.

– Бен что-то такое однажды сказал.

Бен.

– Пошли. Отвезем тебя домой. – Джазз выглядывает на дорогу, но остается в тени. Ни «Скорых», ни л ордеров не видно.

– Похоже, чисто.

Бен.

К тому времени, когда Джазз останавливается у дома, «Лево» снова начинает вибрировать.

– Держись, Кайла. Ну же, ты сможешь.

Я беспомощно качаю головой. Уровень летит вниз.

– Пора предстать перед Дракошей. Вперед.

Он едва ли не несет меня к двери, но не успевает постучать.

– Какого черта ты... – начинает мама и, увидев мое лицо, останавливается. – Входи, входи...

Джазз помогает устроить меня на диване.

Бззз...

3.1.

Бен...

Глава 46

Это конец. Мой мир наполнен болью, и, кроме боли, в нем ничего больше нет. Пульсирующая, пропитанная кровью боль, сдавившая тисками все, что я есть, все, чем была, и все, чем могу быть.

Темнота постепенно рассеивается. Я ощущаю, что лежу на полу. Голоса. Бен...

Укол в руку. Тепло разливается по венам, растекается по всему телу. Оно не уносит боль – эту боль унести не может ничто. Оно просто отвлекает меня от нее. Я открываю глаза.

– Ну, привет, – говорит мама и улыбается. – Вернулась.

– Ммм? – спрашиваю я, и все снова уходит в темноту.

– Бен! Вернулся.

Он улыбается.

– Не мог уйти не попрощавшись. – Он становится на колени.

– Не оставляй меня. Пожалуйста, не уходи. – На глаза наворачиваются слезы.

– Я не могу остаться, поздно. – Он снова улыбается, но только губами – глаза печальны. – Крепись, Кайла. – Он наклоняется, легко касается губами моих губ... Наш третий поцелуй.

Отстраняется. Я вижу струящийся сквозь него свет.

– Прощай, Кайла. – Голос тихий и нежный, и слова уплывают в молчание.

И вот его уже нет.

Наш последний поцелуй.

– Бен! – выкрикиваю его имя, пытаюсь сесть и... заваливаюсь на спину. Я в постели. В своей. В ногах Себастиан. Дверь приоткрыта, и из коридора сочится тусклый свет.

– Кайла? – Мама сидит рядом с кроватью на стуле. – Ну, привет. – Лицо у нее бледное, усталое. Я снова пытаюсь сесть, но волны боли тут же бьют в затылок. – Лежи смирно.

– Что с Беном?

– Об этом сейчас не беспокойся.

Стараюсь собраться с мыслями – и снова боль. Но за пределами моего мира есть что-то, что я должна знать.

– Скажи, – прошу я и ощущаю прохладную сырость на щеках.

– Тише. Домой тебя привез Джазз, и ты отключилась сразу же за порогом. Больше я ничего не знаю.

– «Скорую» вызывали? – шепотом спрашиваю я.

– Конечно. Тебе сделали два укола. Ты на секунду пришла в себя, а потом потеряла сознание.

Опасность.

Я закрываю глаза. Они узнают. Лордеры. Узнают, что я была там, у Бена. Парамедики сообщат, что я отключалась, а Бен – мой друг. Сложить два и два нетрудно.

Меня снова затягивает мрак.

Когда я открываю глаза при следующем пробуждении, в щелку между шторами заглядывает солнце, и в комнате никого больше нет. Мне удастся сесть. Пульсирующая в голове боль притупилась, но не ослабела, и тошнота не отступает. Только не сейчас. Я сглатываю и делаю глубокий вдох.

Снизу доносится приглушенный шум. Голоса? Мама и кто-то еще.

Выскальзываю из-под простыни и, держась за стенку, добираюсь до окна. Внизу, на подъездной дорожке, черный фургон.

Лордеры.

Заряд адреналина бьет в кровь. Беги. Но сил едва хватает на то, чтобы оставаться на ногах. Возвращаюсь в постель. Самое лучшее, что я могу сейчас сделать, это сыграть мертвеца. Шаги по лестнице... дверь открывается.

– Кайла? – негромко спрашивает мама. Я не шевелюсь. – Говорю же вам, она спит. Это не может подождать?

– Нет. Разбудите ее, или я сделаю это сам. – Холодный мужской голос.

Шаги через комнату. Мамина рука на моей щеке.

Я моргаю, хнычу. Мама пристально, как будто хочет сказать что-то, смотрит мне в глаза. Что? У двери двое громил в сером. Закрой глаза. Что она сказала им? Что им известно? Если наши рассказы не совпадут...

Опасность.

– Не понимаю, почему вам так нужно говорить о ней сейчас. Бедняжка еще не оправилась. Повторяю, она беспокоилась из-за того, что этого Бена нет в школе, поэтому...

Этот Бен... Произнесено неодобрительно.

– Хватит! Разбудите ее. – Звучит как предупреждение.

– Кайла, милая, проснись. Ну же, будь умницей.

И снова скрытые послания. Мама подсказывает, как нужно сыграть. Глупая девчонка... отправилась к Бену... ей Бен не нравится.

Спасибо, мама.

Поворачиваюсь. Открываю глаза. Улыбаюсь сонной, глуповатой улыбкой. Моргаю.

– Живот болит, – жалуясь я.

– Бедненькая. Послушай. Эти джентльмены хотят задать тебе несколько вопросов. Давай я помогу тебе сесть. – Мама возится с подушками. – Расскажи им то, что рассказывала мне. – Еще одно скрытое послание? Рассказать то, что знает она? Еще бы вспомнить, что она знает, а что нет.

Надевай маску. Я вызываю из памяти Себастиана и то выражение, что было в больнице на лице Феб: открытое, блаженное. Вешаю улыбку, которая соскальзывает при повороте головы.

– Да, мам. – Я поворачиваюсь к нетерпеливо переминающимся у двери мужчинам. Похоже, ждать они не привыкли. Может быть, и ждут лишь потому, что знают, чья мама дочь. И будь иначе, меня бы без церемоний увезли из дома и допросили в другом месте.

Младший из двоих заглядывает в нетбук.

– Вы – Кайла Дэвис?

– Да.

– Почему вы отключились вчера?

И даже не спрашивает, что случилось? Я удивлена, но стараюсь не подать виду.

– Я очень расстроилась. Мой друг, Бен, не пришел в школу, и другой друг отвез меня к нему домой – узнать, все ли в порядке.

– Другой друг? – спрашивает опять же тот, что помоложе. Время от времени он уважительно поглядывает на маму. Но беспокойство вызывает другой, постарше, поза которого говорит, что начальник здесь он.

Отвечать? Мама знала.

– Джазз Маккензи... Джейсон. Вообще-то он друг моей сестры, но присматривает и за мной.

– И что потом?

– Бену было плохо... очень плохо. – Я добавляю жалобную нотку. – Там стояли машины «Скорой», и Джазз сказал, что мы не должны им мешать и что мне надо домой. Но я беспокоилась из-за Бена и, наверно, поэтому отключилась.

– Этот Бен, – фыркает мама. – От него одни проблемы.

– Папа и мама сказали, что мне не надо бегать с ним, а я так люблю бегать. – Я смущенно улыбаюсь.

– Бен показывал тебе таблетки?

– Таблетки? Вроде бы нет. – Таблетки видела Эми. – Нет, подождите. У него были в сумке таблетки от головной боли. Он выпил одну в воскресенье, когда плохо себя почувствовал.

– Думаю, этого достаточно, – говорит мама. – Девочка еще не оправилась.

И, словно по команде, в животе закружилась карусель. Но теперь я не пытаюсь остановить ее и чувствую, как бледнеют щеки.

– Мама, меня сейчас вырвет. – Она успевает схватить ведро. Меня рвут конвульсии, и голова раскалывается от боли. Желудок практически пустой, но лордеры морщатся и отворачиваются.

– На сегодня хватит, – говорит мама.

Тот, что моложе, поворачивается к выходу, но второй, постарше, качает головой и поднимает руку. Первый останавливается.

– Не хватит. – Старший смотрит на младшего. – Обыщи комнату.

– Это действительно так уж необходимо, агент Коулсон? – ледяным тоном спрашивает она, делая упор на имени лордера и давая понять, что знает, кто он такой.

Он вскидывает бровь.

– Думаю, да, необходимо. Но сначала уведите ее. – Агент указывает на меня небрежным кивком.

Я все еще сижу над ведром.

– Она не может идти. Вам придется помочь ей, – говорит мама.

Младший лордер подходит ко мне, поднимает и, скривившись, словно держит на руках мерзкую канализационную крысу, несет меня в соседнюю комнату и кладет на кровать Эми.

Обыскивают мою комнату, наверняка ищут «пилюли счастья». Никаких таблеток они не найдут. Лежу на подушке, и сил нет ни думать, ни двигаться. «Рисунки», – шепчет внутренний голос, и я открываю глаза.

Под ковром у окна спрятаны мои рисунки с Джанелли, сделанные после того, как его забрали лордеры. Мама сказала уничтожить их, и теперь я так жалею, что не сделала этого. И еще там портрет Бена. Если они увидят его, изображать невинную малышку Кайлу будет уже бесполезно. Они поймут мои чувства к нему. Я закрываю глаза, отсчитываю минуту за минутой. Слышу, как мама выговаривает лордерам за беспорядок. Все спокойно, никто не кричит «посмотри, что я нашел!». Может, и вправду не найдут? Я уже надеюсь, хотя и не верю.

И вот наконец тяжелые шаги по коридору... вниз по лестнице. Минута, другая... звук мотора... Уезжают? Вот так просто? Почему-то мне кажется, что на этом их интерес ко мне не исчерпан.

Мама изобразила Бена таким, каким они хотели его видеть: опасный парень, от которого следует держаться подальше. И я подыграла ей. Поступила нехорошо, предала.

– Прости, Бен, – шепчу я, и слезы подступают к глазам. «Бен хотел уберечь тебя от неприятностей».

Я дремлю, не сплю и не бодрствую. Мысли плавают беспорядочно и бесцельно. Перед внутренним взором, словно стоп-кадры, мгновения: Бен на беговой дорожке. Сова его матери с раскинутыми крыльями. Бен в лунном свете моего сна.

Торопливые шаги вверх по лестнице. Дверь открывается. Пытаюсь открыть глаза, пошевелиться, но тело как будто налилось свинцом. Слышу неясное движение в коридоре, в моей комнате. Потом дверь снова открывается.

– Кайла? Я прибралась в твоей комнате. Идем. Эми вот-вот вернется. – Она помогает мне перейти из одной комнаты в другую. Здесь запах свежести и чистоты, на кровати новые, хрустящие простыни. Я почти забываю, что здесь были лордеры, что они лапали мои вещи.

– Спасибо, – шепчу я. За это и за все.

И снова проваливаюсь в темноту.

– Кайла? Я принесла супа. – Мама уже пришла в себя, от пережитого стресса не осталось и следа, как будто никаких лордеров в доме и не было.

– Не хочется.

– Тем не менее поесть надо.

Она помогает мне сесть, пытается кормить, но я отбираю у нее ложку и ем сама. Аппетита нет, но аромат и вкус томатов, апельсина и чего-то еще настолько хороши... Я ловлю себя на том, что проголодалась, а ведь этого не должно быть. Как можно есть после всего случившегося?

Доедаю суп.

– Нам нужно поговорить. Извини, тебе бы надо отдохнуть, но это не может ждать.

– Хорошо.

– Почему ты отключилась?

О том же спрашивали лордеры, но мама, конечно, заслуживает лучшего ответа.

Я откидываюсь на подушки. Что сказать? О чем не говорить? И как со всем этим справиться? Под ресницами набухают слезы, «Лево» начинает вибрировать. Но мама уже рядом – садится на край кровати, гладит по волосам.

Я открываю глаза и смотрю на нее сквозь слезы.

– Что ты знаешь?

– Джазз рассказал немного. Что ты беспокоилась из-за Бена. Что он отвез тебя к его дому, но ты не стала входить, потому что там стояла «Скорая помощь» и фургон лордеров. Что потом он привез тебя сюда.

Киваю и тут же морщусь от боли. Значит, насчет Джазза я не ошиблась: он не сказал, что я была с Беном.

– Что случилось с Беном? Пожалуйста, расскажи мне.

– Я не знаю наверняка.

– Мне нужно знать. Пожалуйста...

– Скажу, если что-то узнаю. Но ни в коем случае не спрашивай об этом у кого-то еще. Ты слышишь меня? Это очень серьезно. Не говори о Бене, не ходи с этим скорбным видом и никому ничего о нем не говори. Ни в школе, ни дома, ни где-либо еще.

Я смотрю на нее. Голова раскалывается, и боль становится невыносимой, когда я думаю о Бене. Как можно притворяться, что ничего не случилось? «Ты должна».

– Твоя единственная история – это то, что ты рассказала сегодня лордерам. Держись за нее, кто бы тебя ни расспрашивал: в Группе, в школе, дома.

Дома? Она имеет в виду Эми и папу. И это слово, история. Не правда, а моя история. Она знает больше, чем говорит.

Мама поднимается, идет к двери, но у порога останавливается.

– Да, Кайла. Я нашла тут недавно твой портрет Бена. Замечательный. Жаль, пришлось его уничтожить. – Она закрывает дверь.

Я тупо смотрю ей вслед. Спасибо, мам. Конечно, они нашли бы их. Но мама каким-то образом узнала, что они придут, и, пока я спала, обыскала комнату. И тут до меня доходит, что она нашла и набросок с Робертом и, должно быть, удивилась, откуда я знаю, как он выглядит. Откуда я вообще узнала о нем?

Защищает ли меня мама? Или, может быть, она мне не доверяет? И мою комнату обыскала сама, чтобы убедиться, что там нет ничего криминального, кроме нескольких неуместных рисунков.

А каково было бы ей узнать, что все случилось из-за меня? Что это я свела Бена с Маком и Эйденем, у которого он взял таблетки и позаимствовал идею, а потом попытался ее реализовать? Каково было бы ей узнать, что это я держала в руке инструмент, которым срезала «Лево»?

Ближе к ночи слышу урчание мотора. Уж не вернулись ли лордеры? Соскальзываю с кровати и пробираюсь к окну. Папа. Но ведь он должен был вернуться только через несколько дней? Снизу доносятся голоса.

Похоже, папа рассержен. Очень.

Но когда я просыпаюсь следующим утром, его уже нет.

Глава 47

Несколько дней мама держит меня дома и не пускает в школу. В конце концов мне уже становится тошно от этого заключения в четырех стенах, где совершенно нечем заняться, кроме как предаваться невеселым мыслям и плакать, вызывая сочувствие и жалость со стороны мамы и Себастиана. К жалельщикам, вернувшись с практики, присоединяется и Эми. Все вместе они образуют единый фронт, главной задачей которого им представляется поддержание моего уровня. Физически я почти в норме, осталась лишь тупая боль за висками. Я могла бы пойти в школу, если бы не холодящая, парализующая боль из-за Бена. Но их забота и внимание не помогают. Легче становится, когда я думаю об Эйдене.

И чем больше я думаю, тем с большей уверенностью возлагаю вину за все случившееся на его рыжеволосую голову. И на Мака, познакомившего нас с Эйденем. И на Джазза, потому что Мак – его двоюродный брат. И на Эми, без которой я бы никогда не узнала Джазза. И на маму – ведь если бы не она, нас с Эми здесь бы не было.

Мало-помалу злость растет и крепнет, и я лелею ее, как лелеют зубную боль, когда поблизости нет дантиста. Без нее никак.

В конце концов эта злость и сгоняет меня с кровати. Я одеваюсь, осторожно спускаюсь и надеваю кроссовки.

– Кайла? Ты что делаешь?

Я сердито вскидываю голову.

– А на что это похоже? Сегодня собрание Группы.

– Не уверена, что тебе уже можно подниматься.

– А ты не думаешь, что для всех будет лучше, если я появлюсь там сегодня?

Она смотрит на меня задумчиво, словно взвешивая что-то в уме. Потом едва заметно кивает.

– Если чувствуешь, что готова, то тебе нужно быть там. Я тебя отвезу.

– Нет. Я хочу пробежаться.

– Ты еще не настолько здорова, чтобы бегать. За неделю от отключки не оправишься. – Мама складывает руки на груди, и лицо ее принимает решительное выражение.

Объясни – или вообще никуда не пойдешь.

Глубокий вдох... выдох... Спокойно. Поворачиваюсь и смотрю на нее.

– Что касается физической формы, то я в порядке. Может быть, не на

сто процентов, но близко к тому. Бег помогает мне чувствовать себя собой и держать уровень. Дело не в том, что мне так хочется, а в том, что так нужно. Ты можешь это понять?

Мама в нерешительности кусает губы.

– Да, но одна...

– Все будет хорошо. Правда. Я побегу по шоссе, так что со мной ничего не случится. Даю слово.

Она наконец сдается.

– Ну ладно. Но после собрания я за тобой заеду. Договорились?

– Договорились.

Мама обнимает меня. Я открываю дверь и выхожу.

Начать благоразумнее с легкой трусцы, прибавляя постепенно и осторожно. Каждый шаг отдается болью в голове, и желудок напоминает, что я давно не ела. Но бег захватывает меня целиком и полностью, заставляет работать в полную силу, быстрее и быстрее. Я перестаю замечать боль. Вечер, дорога и топ-топ-топ – больше ничего нет.

Вот только звук какой-то пустой. Когда мы бежали последний раз, ритм шагов Бена сочетался с моим. Я сбиваюсь, минуя отходящую от шоссе тропинку, то место, где Бен поднимал меня и сажал на забор. То место, где мы были вдвоем и где он впервые меня поцеловал.

Теперь, на бегу, я могу подумать о том сне, в котором он приходил прощаться. Подумать об этом раньше я не могла – тот сон был открытой раной, прикосновение к которой отзывалось болью.

Доктор Лизандер говорит, что мои сны складываются из случайных мыслей и образов из подсознания. Что они нереальные. Что иногда люди включают в свои сны воспоминания, но тем, кто был защищен, необходимо предварительно создать собственные банки памяти. Короче, если верить ей, мои сны нереальны. Иногда – да. Иногда мои сны идут из памяти, так же как и рисунки. В этом я не сомневаюсь. Как и образ Люси на фоне гор, которых я никогда не видела. Что это, если не память? Но в отношении некоторых снов такой уверенности нет. Взять хотя бы тот, где меня бьют кирпичом по пальцам. Тогда ощущения были вполне реальные; сейчас я более склонна воспринимать его как воспоминание о действительном событии. А если это только память о сне? Или взять сны о мальчишке, которому срезают «Лево», – они тоже ощущались как нечто действительное. Потом на все наложился Бен, и там все было нереально. В сон его поместил мой страх. И еще сны, где я убегая от кого-то по берегу; они вообще ни с чем не связаны. В них нет никаких деталей, никакого ощущения реальности.

Но как тогда быть с прощальным поцелуем Бена? Пришел ли в мой сон его дух? Духи и призраки – это сказки для детей. Нет, я отказываюсь в это верить. В любом случае Бен не умер; такого не может быть. Мог и умереть.

Эйден. Мысленно я представляю его себе. Рыжие волосы. Пробегаю мимо холла и не останавливаюсь. Глаза голубые? Да. Точнее, синие, задумчивые. Сбавляю ход. Нос и щеки усыпаны веснушками. Поворачиваю. Иду дальше шагом.

Улыбка, ее я тоже помню. Не бессмысленная, как у Зачищенных, – настоящая. Или нет? Он хотел использовать меня в собственных целях. И Бена тоже. Он дал Бену таблетки, подбросил ему соблазнительную идею. Ну вот, почти на месте.

Смотрю на «Лево»: 8.1. Вот как? Невероятно. Значит, дело не только в беге. Когда мы бежали в последний раз с Беном, уровень поднялся лишь до 5.

Злость.

Не понимаю. Когда я расстроена, когда мне плохо, уровень падает, но злость его поднимает. И сегодня не исключение. Так уже случалось: когда мне угрожал Уэйн, а еще с Феб. Но это же бессмыслица. «Лево» спроектирован так, чтобы реагировать на экстремальные эмоции. Упадок, депрессия последних нескольких дней, как и следовало ожидать, удерживали уровни внизу, придавливая их иногда до опасной черты. Но главная цель «Лево» – препятствовать проявлению насилия, останавливать любую возможность причинения вреда себе или другим. Тем не менее злость, похоже, подталкивает мои уровни вверх. Кайла – другая.

Я стою перед дверью в холл: пора стать такой же, как все. Сделай глубокий вдох, расправь плечи, улыбнись. Готова.

Беру стул.

На щеках у Пенни горят два неестественно ярких красных пятна. Улыбка выглядит натянутой. И только тогда я замечаю в углу зала его. Сидит на стуле с таким видом, словно это последнее место на земле, где он хотел бы оказаться.

Лордер. И не просто какой-то лордер, а тот самый, помладше, который обыскивал мою комнату. Сегодня он не в сером костюме и не в черной форме. На нем джинсы и рубашка. Выглядит почти нормальным.

– Привет, Кайла. Ну вот, теперь все. Начнем? Как провели неделю? Хорошо?

Все. Она знает, что Бен не придет. Я чувствую боль внутри. Наверное, в каком-то уголке души до последнего жила глупая надежда увидеть его

здесь. Что все было кошмаром из-за отключки или что парамедики каким-то образом привели его в порядок и отправили домой.

– Сегодня мы начнем с того, что выслушаем специально приглашенного гостя. Предоставляю слово мистеру Флетчеру.

Мистер Флетчер, не агент Флетчер.

Он встает и подходит к Пенни. Остальные, вспомнив, чему их учили, послушно здороваются. Я успеваю сделать то же самое. Главное – не выделяться. Флетчер только что не корчится под грузом наших улыбок. Пенни садится.

– Сегодня я хочу поговорить с вами о лекарствах.

Он начинает долгую лекцию и предупреждает: никогда, ни при каких обстоятельствах не принимать таблетки или что-то еще, если они не выписаны врачом. А если кто-то попытается дать что-то такое, сразу же рассказать об этом родителям или учителям. Его взгляд скользит по лицам. Он здесь не для того, чтобы послужить обществу, он ищет кого-то, чьи реакции не соответствуют ожидаемым. Ищет того, кто знает, где Бен добыл «пилюли счастья». Флетчер старается, для разнообразия, не пугать, но это получается у него плохо, и улыбки на лицах вянут, когда он описывает ужасные побочные эффекты сомнительных лекарств.

Бен сказал, что пилюли давали ему возможность думать самостоятельно, без вмешательства «Лево». Так и было. И что тут ужасного?

Закончив, Флетчер идет к выходу. На его лице выражение человека, выполнившего тяжкий долг. Похоже, мы все для него заразные. Пенни понемногу приходит в себя: брови разглаживаются, натянутая улыбка сменяется искренней, но глаза остаются печальными. Ей известно что-то о Бене. Она должна что-то знать.

Собрание заканчивается, все расходятся, но я задерживаюсь. Подхожу к Пенни.

– Можно поговорить с вами?

– Конечно, дорогуша, – говорит она, но смотрит на меня пристально и качает головой – нет. – И мне нужно посмотреть твой «Лево». Слышала, ты теряла сознание на прошлой неделе.

Пенни проверяет уровень и говорит-говорит о погоде. Что-то не так.

Потом она подключает к нетбуку сканер и охает.

– Кайла, посмотри на график. 2.1. Это опасно.

Я смотрю вместе с ней и вижу то, о чем она не говорит вслух. Последние два дня мой уровень держался преимущественно в промежутке от 3 до 4. Сейчас он на отметке 7.1. Побочный эффект бега.

Пенни берет меня за руку и печально качает головой.

– Что случилось? – Она подносит к уху ладонь и снова качает головой.

Кто-то подслушивает.

Я киваю и шепчу одними губами:

– Понятно.

Потом рассказываю ту версию случившегося, которую слышали лордеры. Что Бена не было в школе. Что Джаз отвез меня к нему и возле дома стояли машины «Скорой помощи». Что я не знаю, что с ним.

– Кайла, дорогая, забудь о Бене. Он не вернется, так что выбрось его из головы. Сейчас для тебя главное – семья и учеба. – Пенни произносит нужные слова, но глаза ее грустны. Она обнимает меня за плечи, и я чувствую, как от слез пощипывает в глазах. Разозлилась.

Движение воздуха, порыв холодного ветерка... Я с тревогой оборачиваюсь к двери, ожидая увидеть вернувшегося агента Флетчера. Но меня ожидает сюрприз иного рода.

– Папа?

– Привет, Кайла. Привет, Пенни. Готова? – Он улыбается, но мне почему-то беспокойно. Последний раз я видела его накануне из окна. Он был, судя по тому, что я услышала, в не самом лучшем настроении, а к утру уже уехал. Встаю. Иду к двери.

– Береги себя, Кайла, – говорит Пенни.

– Спасибо.

Мы садимся в папину машину, но вместо того чтобы повернуть налево, к дому, он поворачивает направо.

– Прокатимся немножко и поговорим.

– Ладно. – Тревога не проходит. Он хочет поговорить, чтобы мама не слышала. – У тебя все хорошо? Ты же вроде бы собирался вернуться в воскресенье.

– Это мне надо спросить, все ли у тебя хорошо. Мне тут много о тебе рассказали, Кайла. О тебе и о твоём друге, Бене.

– А...

– А? Это все, что тебе есть сказать?

Тон обычный, лицо открытое, улыбающееся, но слова как будто говорят что-то другое. Будь осторожна.

– Извини. Что ты имеешь в виду?

– Это не пройдет.

– Что?

– Все вот это – большие глаза, невинный вид. Так или иначе, ты вовлечена в случившееся. Теперь слушай меня. Твоя мама убедила меня –

на этот раз – ничего не предпринимать. Мол, в моих же интересах не привлекать внимание к тому, что ты вытворяла у меня под носом. А мне, откровенно говоря, наплевать, что бы ты там ни провернула. Но это в последний раз. Только не у меня в доме. Не все решает мама, и не все она в состоянии контролировать. Ты поняла?

Я могла бы много чего сказать. Могла бы отрицать все скрытые за его словами обвинения. Могла бы повторить уже отрепетированную версию событий. Могла бы расплакаться и притвориться, что не понимаю.

– Да, поняла. – Я сцепляю пальцы, чтобы не дрожали. Используй страх, питай страхом злость.

Папа кивает.

– Это единственный ответ, которого я ждал. Иначе мне пришлось бы вернуть тебя прямо сейчас. – Дальше едем молча. Делаем круг и возвращаемся к нашему дому. – Ты слишком умна. Береги себя и держись подальше от неприятностей.

Глава 48

Ночь без сна – слишком много тяжелых мыслей ворочается в голове. Мыслей, которые нельзя оставить без внимания. Будильник звонит рано, но о том, чтобы пропустить еще один школьный день, не может быть и речи. А примерной девочке поступать так не положено, и к тому же меня предупредили держаться подальше от неприятностей. Но как такое возможно? Как притворяться такой же, как все? Как делать вид, что ничего не произошло? Как? Просто. Двигать ногами. Раз... два... Шаг за шагом.

Я вылезаю из постели. Надеваю школьную форму, причесываюсь. Притворяюсь, что завтракаю. И жду автобуса под серым морозящим дождем, дрожа от падающего с неба и просачивающегося в кости холода. Эми по-прежнему на практике, так что рассчитывать на Джазза с его машиной не приходится.

Подкатывает автобус. Заставить себя сесть сзади, на место Бена, не могу. Сажусь на другое единственное свободное и только на середине пути понимаю, что раньше здесь сидела Феб.

Ловлю колючие взгляды – мой выбор нравится не всем. Но заметил ли кто-то, что сзади еще одно пустое место?

На уроках и переменах никто не перешептывается, не спрашивает, где Бен, как было, когда забрали Феб. Ответить я бы не смогла, но отсутствие интереса неприятно задевает. Не замечают или им все равно? А может, боятся спрашивать?

Потом самое трудное: я тащусь на урок биологии. С утра боялась этого урока. Бена рядом нет, а Хаттена не проведешь – он насквозь видит. После того как мы все отмечаемся и рассаживаемся по местам, он выходит к доске. В синей рубашке, подчеркивающей бесцветность бледно-голубых глаз. Улыбается своей ленивой улыбкой. Девочки вздыхают. Начинает урок и почти сразу останавливается. Обводит взглядом класс.

– У нас сегодня кого-то нет?

Ученики посматривают друг на друга, и мне становится ясно: они знают. Отсутствие Бена заметили, но эта тема обсуждению не подлежит, она – табу. Учителю никто не отвечает.

– Ну же, – говорит Хаттен. – Уроков я у вас провел мало и по именам всех еще не знаю. Кто отсутствует?

Затаись. Молчи.

– Бен. Бен Никс отсутствует, – говорю я. Слова вырываются, словно

какая-то сила заставляет меня произнести имя вслух. Удостоверить его реальность, назвать, потому что иначе получится, будто Бена и не было никогда, будто он – ничто.

– И где же он? – Хаттен смотрит мне в глаза с любопытством и интересом, как кот, играющий с мышкой у него под лапой. Он знает.

– Понятия не имею.

– Кто-нибудь знает? – Он обращается ко всему классу. Молчание. – Нет? Ну, может, нездоров.

– Кайла? Подожди. На минутку. – Хаттен с улыбкой придерживает дверь для последних, неторопливо выходящих из комнаты девочек. Протискиваясь мимо, они бросают на меня откровенно неприязненные взгляды.

Учитель выходит в коридор, смотрит влево-вправо, заходит в класс и закрывает дверь. Прислоняется к ней спиной.

Я молчу.

Он улыбается широко и радостно, как маньяк.

– Это ты.

– Что? Что вы хотите этим сказать?

– Это ты. Я так и знал, что ты это сделаешь.

Хаттен идет ко мне, и я отступаю, но направление выбираю неудачное. Угол комнаты. Он приближается, ухмыляется, а я в ловушке. Он не дотрагивается до меня, но от тепла его тела у меня на руках проступает гусиная кожа.

– Ты слышишь голоса, Кайла, или как там тебя? Голоса у тебя в голове?

В ушах гулким эхом отдается пульс.

– Слушай голоса. Что они говорят тебе, ну?

«Беги!»

Я ныряю под его руку и бросаюсь к двери.

– И каково оно? – спрашивает он. – Что ты чувствуешь?

Ничего не могу с собой поделать: оборачиваюсь и смотрю на него.

– Вы о чем?

– Каково оно, знать, что ты убила Бена? Что он мертв и вина лежит на тебе?

– Я не убивала! Я... – Лицо вдруг холодеет. – А он правда мертв?

Хаттен улыбается.

– А как ты думаешь?

«Беги!»

Выскакиваю за дверь и бегу по коридору, во двор.

На беговую дорожку.

И тут вспоминаю: миссис Али запретила мне бегать во время ланча. Останавливаюсь. Нет, не совсем так. Она запретила мне бегать с Беном, но Бена ведь здесь нет, так? Тем не менее я оставляю время на душ.

После занятий надо кое-куда сходить.

Глава 49

Жду Джазза у машины.

– Привет. Вот уж не думал, что ты все же захочешь поехать.

Выдавливаю из себя улыбку.

– Все в порядке? – Стараюсь показать, что дело обычное: планировали съездить к Маку, вот и едем. Но дело и впрямь большое. Если я пока держалась и не раскисла, то потому, что мысленно нападала на Эйдена. «Он мертв, и во всем виновата ты!» Нет! Если он мертв, то виноват Эйден. Эйден и Мак.

– Конечно. Я надеялся, что придешь. Поехали.

Школа уже остается далеко позади, когда я, набравшись смелости, спрашиваю:

– Йен узнал что-нибудь о Бене?

Джазз качает головой. Похоже, отвечать ему не хочется.

– Говори. Что бы ты ни узнал. Пожалуйста. Мне надо знать.

– Рассказывать особенно не о чем. Ничего такого, чего бы мы уже не знали и о чем не догадывались.

– И все-таки.

– Мама Йена дружит с мамой Бена. По ее словам, парамедики вроде бы оживили Бена, но дышать самостоятельно он уже не мог. Может быть, слишком долго оставался до этого без дыхания. Лордеры, когда прибыли, маму Йена выставили, а потом отправились следом за «Скорой», причем не очень-то и спешили. В общем, она опасается худшего. Что с ним, куда его отвезли – никакой информации мать Бена не получила.

Я молчу. Крепко зажмуриваюсь, потом смотрю в окно. Живого или мертвого, его забрали лордеры. Что тут скажешь?

Последний поворот, и вот мы уже подъезжаем к дому Мака и останавливаемся перед входом.

– Есть еще кое-что. Мама Бена передала Йену что-то для тебя.

– Что?

– В багажнике.

Мы выходим из машины, и Джазз несколько раз пинает дверцу, прежде чем она открывается.

– Лучше, чем ключ.

В багажнике картонная коробка.

– Смелее, – говорит Джазз, и я поднимаю крышку.

В коробке что-то завернутое в бумагу. Тяну за уголок и вижу металл. Металлические перья. Сова! Должно быть, мать Бена закончила фигуру. Я провожу пальцами по крылу.

– Она сказала, что изготовила ее по просьбе Бена и хочет, чтобы ты ее взяла.

– Я этого не знала. – Птица получилась как будто живая. И мать Бена, хотя, должно быть, и спрашивала себя, не имею ли я отношения к случившемуся с ее сыном, тем не менее отдала статуэтку мне. Она, конечно, не сделала бы это, если бы знала правду. К глазам подкатывают слезы, и я моргаю. «Тебе нельзя ее брать». – Но я не могу взять ее домой. Как я объясню, откуда она взялась?

– Тоже так подумал. Поэтому и прихватил с собой сегодня. Надеюсь, Мак не откажется поддержать ее у себя. Давай спросим. – Джазз вынимает коробку из багажника. – Идем.

Я иду за ним к дому. Мама Бена не отдала бы мне птицу, если бы знала, где Бен взял таблетки. Если бы знала, какую роль я сыграла. «Он умер, и это все твоя вина».

Джазз открывает дверь.

– Привет.

Из кухни выглядывает Мак.

– Привет. Ты как, Кайла? – Он улыбается, но глаза невеселы. – Хотите чаю?

– Чаю? – притворно возмущается Джазз и поворачивает к буфету с пивом. Мак наливает и ставит на плиту чайник и отправляет Джазза во двор – посмотреть машину, над которой он работает.

Я прислоняюсь к буфету.

– Эйден здесь?

Мак кивает.

– В задней комнате. Жаль Бена. Хороший был парень. – Он грустно качает головой, но я-то знаю, что если бы не он, Бен никогда бы не познакомился с Эйденем и не получил бы те таблетки. Если бы не он.

– Если могу... – начинает Мак и кладет руку мне на плечо, но я сбрасываю ее. Хочу разозлиться на него, но пока сдерживаюсь и отступаю.

– Мне надо поговорить с Эйденем.

– Ладно. Джаззу с ним лучше не встречаться, так? Я задержу его немножко. Скажу, что ты хочешь побыть одна.

– Дело твое.

Я прохожу по коридору в компьютерную комнату и открываю дверь.

Эйден сидит у стола, обхватив голову руками.

– Привет. – Он поднимает голову. На бледном лице выделяются ясные синие глаза. – Мак только что рассказал о Бене. Поверить не могу. – Он встает, протягивает руку, но я поворачиваюсь, закрываю дверь, и рука падает.

– Что тебе известно? – спрашиваю я.

– Только то, что рассказал Мак. Что Бен разрезал «Лево». – Он качает головой. – Зачем?

– Ты серьезно не догадываешься? – неприязненно спрашиваю я.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты же дал ему те таблетки, и они сделали что-то с ним. И ты рассказал ему, как террористы срезают «Лево» и что у них это получается. Это ты с ним сделал! – Голос поднимается, дрожит и срыгается.

– Не так громко. – Эйден смотрит в окно.

– Мне только и затыкают рот. Но сейчас я скажу все, что хочу, а ты послушаешь.

– Слушаю, – тихо говорит он.

– Те таблетки, они ведь были не просто «пилюли счастья», да? Они не просто поднимают уровни, но и делают что-то еще.

– Верно, – кивает Эйден. – Они помогают блокировать влияние «Лево» на наши мысли.

– Это они заставили его сделать то, что он сделал!

Эйден качает головой.

– Они работают по-другому. Дают каждому возможность думать самому.

Я не могу согласиться с ним, но ведь примерно то же самое говорил и Бен.

– Понимаю, ты злишься. Но виноват в произошедшем не я. Сам не понимаю, зачем ему это понадобилось. Одних рассуждений мало, чтобы на такое отважиться. Должно быть, что-то случилось, что-то подтолкнуло его, и он решил, что другого варианта нет.

Я смотрю на него с ужасом. Что-то случилось... Уэйн! Бен не смог защитить меня. «Это ты виновата».

Обхватываю себя руками. Злость и отчаяние готовят крутой замес.

– Нет, все не так. Если бы ты не дал ему таблетки, ничего бы не было.

Эйден вздрагивает.

– Извини, Кайла. Мне очень жаль. Но подумай хорошенько. Я дал ему таблетки, Мак привел меня сюда, а Джазз привез тебя – неужели все виноваты?

Ошеломленная, я смотрю на него. Эйден как будто читает мои мысли,

идет за ними. И сорвать на нем злость нельзя. Она нужна мне. А если исключить их всех, то остаюсь только я одна.

– Так кто же виноват? – шепотом спрашиваю я.

– Подумай сама. Кто зачистил Бена? Кто надел на него браслет? Кто сделал так, что «Лево» нельзя снять? Кто сделал это все?

– Лорд еры...

– Теперь ты понимаешь, почему так важно то, что делаем мы. Мы должны разоблачить их. Помоги мне с ПБВ.

Опасность. Я качаю головой, отступаю. Нет. После всего случившегося Эйден продолжает свое: играет словами, манипулирует, пытается заставить меня делать то, что нужно ему. Да, звучит все верно, логично, но это не так. Если бы не Эйден, с Беном ничего бы не случилось. И что будет со мной, если я помогу ему? Шаг за линию, и папа вернет меня, как и обещал. Он, Коулсон и его лордеры, миссис Али – все они наблюдают за каждым моим шагом. И доктор Лизандер с этим ее «скажи, что отличает тебя от других, Кайла». Они и Эйден – охотники, а я – жертва.

– Ты как? – спрашивает Эйден, поняв наконец, что упустил. На протяжении всего разговора мой «Лево» ни разу не завибрировал. Он с любопытством смотрит на мое запястье, но я прикрываю браслет ладонью. Сохрани гнев.

Я направляюсь к двери.

– Если тебе что-то понадобится... что угодно... – бормочет Эйден.

Я останавливаюсь.

– Есть одно дело. Узнай, что случилось с Беном.

Он молчит. Лицо печальное.

– Мне жаль, Кайла. Очень маловероятно, что Бен выжил. И даже если выжил, то его забрали л ордеры. Долго он не продержится.

– Узнай, – повторяю я.

– Если что-то выясню, передам через Мака. – Он делает ударение на «если», как будто закрывает книгу.

Я выхожу и захлопываю за собой дверь.

Мак и Джазз все еще во дворе, но я не иду к ним. Печаль перевешивает злость, и мой уровень идет вниз. Прохожу в кухню и там, на столе, коробка с совой. Не поможет.

Снимаю оставшуюся упаковку и ставлю фигурку на стол.

Она великолепна. Когда я видела ее в прошлый раз, крылья не были закончены, но теперь они раскинуты во всю ширь. Остается только изумляться, как разрозненные кусочки металла соединились в нечто настолько превосходящее сумму отдельных частей. Я касаюсь крыльев,

клюва, острых когтей. Прекрасная птица-одиночка, смертельно опасная, если тебе случилось быть мышкой. Провожу ладонью по перьям...

А это что? Какой-то шорох. Переворачиваю фигуру, осматриваю внимательнее.

Заметить трудно. Крошечный белый уголок. Цепляю ногтями, тяну... Есть. Клочок бумаги.

Записка?

Я разворачиваю листок дрожащими руками.

*Дорогая Кайла,
Если ты нашла это, значит, все пошло не так.
Извини, что доставал тебе боль
Но таково было мое решение.
Только мое. И никто другой не виноват.*

С любовью, Бен

Ночь, но мне снова не спится. Уровень держится около «четверки», и мой глупый «Лево» вибрирует каждый раз, когда я начинаю засыпать. Хочу тьмы, мрака, тишины. Никаких мыслей и чувств, ничего. Но не получается. В ночи я одна, нет даже Себастиана, и отогнать демонов некому.

В конце концов не выдерживаю и встаю. Иду к лестнице и в кухню за стаканом воды. В гостиной свет. Я заглядываю в дверь. Мама с книгой в руке, и Себастиан у нее на коленях.

– Как ты переживаешь это все?

Она вздрагивает, оглядывается и видит меня. Откладывает книгу.

– Что?

– Когда что-то плохое случается с дорогими тебе людьми. С родителями. С сыном.

– Иди сюда. – Мама протягивает руку. Я подхожу и сажусь рядом на софу. Она берет мою руку.

– Я бы должна ответить, но не могу. Ответа нет. Ты просто продолжаешь жить, день за днем. Через какое-то время становится легче.

Мама делает нам горячий шоколад, находит одеяло, и мы сидим на софе. Она читает, Себастиан мурчит, и я наконец засыпаю.

Глава 50

Сегодня я должна вести себя так, как никогда раньше. Это относится не только к официальной версии случившегося с Беном, которой мне нужно придерживаться, но и касается сопутствующих обстоятельств, людей и событий, которые надо скрыть. В прошлый раз доктор Лизандер сказала, что хочет получить ответ на вопрос: почему я не такая, как прочие Защищенные?

Сегодня у меня есть ответ. Я знаю, чем отличаюсь от других, но, правда, не знаю почему. Проснувшись утром, разбитая и с больной головой после проведенной на софе ночи, я обнаружила, что знаю ответ.

Все дело в злости.

Мой «Лево» делает свое дело, если я по каким-то причинам расстроена, опечалена или огорчена: как и следует ожидать, уровни падают. Они даже могут падать до полной моей отключки. Но в случае со страхом или злостью ничего подобного не происходит. Эти состояния как будто защищают мои уровни. А между тем основное назначение «Лево» – не позволять Защищенным гневаться, не допускать проявлений насилия и агрессии в отношении других и самих себя.

Мой так не работает.

Если кто-то придет к такому же выводу, мне конец. Насчет этого сомневаться не приходится. Возможно, доктор Лизандер и была бы не прочь покопаться в моем мозгу и выяснить, как и почему такое случилось, но и она не смогла бы противостоять больничному начальству и лор-дерам. Раз – и нет больше Кайлы.

Держать каменное лицо я научилась, хотя до совершенства еще далеко. В любом случае я не могу позволить себе злиться. Ни в больнице, ни в школе, где и у стен есть глаза. Ни в малейшей степени. Эта тема закрыта. Ха.

Как это сделать? Я знаю только один способ: открыться боли, страданию, депрессии. Всему тому, что я старалась блокировать с того дня, когда Бен...

Сглатываю.

Бзззз...

Смотрю на «Лево»: 4.4.

Слишком много.

– Войдите! – приглашает доктор Лизандер, и я вхожу в кабинет. –

Садись, Кайла. – Она одаряет меня полуулыбкой и касается экрана.

Сажусь.

Она поднимает наконец голову.

– Не стану спрашивать, как дела, вижу по записям, что не очень хорошо.

– Не очень.

– Расскажи мне о Бене.

Голос мягкий, тон располагающий, а самое странное – видеть на знакомом лице сочувствие.

– Бен – мой школьный друг. А еще мы были вместе в Группе. Вообще-то, он – мой единственный друг.

– И что случилось?

– Бен не пришел в школу. Я забеспокоилась и вместе с бойфрендом Эми отправилась к нему домой, но там уже были «Скорые» и лорд еры. Он отвез меня домой, и я отключилась. А Бен не вернулся ни в школу, ни в Группу, и никто о нем ни слова не сказал! Как будто его и не было вовсе. Как будто до него и дела никому нет.

Кровь бежит быстрее, пальцы сжимаются в кулаки, но я заставляю их расслабиться и стараюсь держать ровное дыхание.

– Мне есть, Кайла.

– Так скажите, что с ним случилось? Пожалуйста.

– Честно говоря, не знаю. Меня это не касается, пока он не станет пациентом нашей больницы. В отношении всего остального я никакой информацией не располагаю.

– А можете узнать?

– Нет, не могу, – говорит она с сожалением. – Но ты же знаешь, Кайла, что «Лево» снимать нельзя. Вас инструктировали. Попытка снять прибор влечет за собой боль, судороги и смерть. Уровень падает слишком быстро, быстрее, чем носитель прибора успевает уничтожить его и предотвратить смерть.

– Так всегда? – спрашиваю я шепотом. – И никаких шансов?..

– Какой-то шанс на отказ оборудования остается. Бывает, что это связано с некачественно проведенной операцией или дефектом имплантированного чипа. Стопроцентной гарантии не существует. Моя работа заключается в том, чтобы свести такие случаи к минимуму, а если что-то пошло не так, определить причину.

Доктор Лизандер наклоняет голову. Уж не вспомнила ли тот вопрос, который задала мне при нашей прошлой встрече?

Опасность! Впусти боль!

Я не выдержу...

Ты должна.

Мысленно вызываю лицо Бена. Вот он смеется. Вот мчится, словно ветер. Вот держит меня за руку. «С любовью, Бен...» Но все эти образы перекрывает другой: искаженные, перекошенные болью черты. Таким я видела его в последний раз. И таким его оставила. Бросила и сбежала, спасая себя.

Горячие слезы обжигают глаза.

Бззз... 4.2.

Бзззз... 3.7.

Доктор Лизандер тычет пальцем в кнопку интеркома... что-то говорит. Появляется медсестра. Они перекидываются парой реплик, и сестра делает мне укол. Я ощущаю прилив благодатного тепла. Уровни медленно ползут вверх.

Медсестра уходит, и доктор Лизандер снова постукивает по экрану, время от времени поглядывая на меня, а потом откидывается на спинку кресла.

– На сегодня достаточно. И, Кайла, послушай мой совет: тебе лучше забыть его. Но даже если не сможешь, со временем полегчает.

Примерно то же и едва ли не теми же словами говорила мама.

– Так вы знаете? – спрашиваю я шепотом.

– Ты о чем?

– Знаете, да. Вы тоже потеряли кого-то. С вами тоже случилось что-то ужасное.

Она вздрагивает, словно я дотронулась до оголенного нерва. На мгновение в ее глазах вспыхивает что-то настоящее – боль? – но потом все проходит. Лицо каменеет.

– Отправляйся домой, Кайла. – Тема закрыта.

Я встаю со стула и иду к двери.

– И вот что, Кайла... Я не забыла, о чем мы говорили в прошлый раз. Но сегодня об этом не будем.

Значит, только отложили.

Лишь поздно вечером, уже лежа в постели и стараясь уснуть, я понимаю, какую допустила ошибку. Согласно официальной версии, я не должна знать, что Бен пытался срезать «Лево». Но когда доктор Лизандер упомянула об этом, я ни о чем ее не спросила, не удивилась, вообще никак не отреагировала.

Упс. Вот такенный здоровущий упс.

Но потом до меня доходит и кое-что еще. Если она и впрямь ничего не

знает о Бене и о том, что с ним случилось, то и этого знать не должна.

Доктор Лизандер лгала.

Меня обступает полнейшая тьма. Открываю все шире глаза, всматриваюсь, но вокруг черным-черно. Я ничего не вижу. Терпеть не могу мрак! Бью по кирпичным стенам, обступившим тот кружок, на котором я стою. Невозможно ни развести руки в стороны, ни даже сесть.

Должен же быть какой-то выход!

В башне Рапунцель было окно, и у нее были длинные волосы. У меня только темень, ногти, кулаки и ноги.

А еще ярость. Колочу по стенам кулаками, пинаю их ногами, снова и снова – ничего. Наконец, обессилив, прислоняюсь к стене. И вот тогда нащупываю под рукой...

Кусочек засохшего раствора. Едва держится в стене. В одном месте на высоте талии. Я снова бью, скребу и царапаю. Не обращая внимания на содранную кожу, обломанные ногти и кровь. Руки заживают, это я хорошо знаю.

И вот наконец проблеск света. Я едва не кричу от радости. Какая мука – не согнуться, не посмотреть, что там, за стеной. Кручусь, верчусь, но места слишком мало.

Хватит! – реву я от злости.

Выпустите меня!

Глава 51

Сплю допоздна, а когда открываю наконец глаза, обнаруживаю, что мама оставила меня одну. Проснувшись ночью посреди кошмара, я уже не смогла выключить свет – тьма казалась слишком густой и тяжелой – и долго лежала, думая о том и этом, а потом достала альбом и рисовала без остановки еще несколько часов. В конце концов сон пришел вместе с солнцем.

И что же он означает?

Если моя злость в заключении, то пусть она там и остается. Боль она не унесет, только отсрочит. Со своими чувствами к Бену я ничего поделать не могу. Как и не могу перестать быть такой, какая я есть. Или отказаться от той, кем была.

В памяти фрагменты сна: ускользающая правда и полуправда, реальность и выдумка. Как разобраться во всем этом? Как разделить одно от другого? Я не могу.

Лгала или нет доктор Лизандер? Действительно ли так плохо то, к чему стремился Бен?

Прав Эйден. Если Бен мертв, вина, целиком и полностью, лежит на лордерах и больницах. Правительстве и врачах. Они – враг. Не Эйден.

«Да! Направь свой гнев на них».

Нет. Вот здесь Бен ошибался. Он хотел примкнуть к террористам. Осторожничал, не хотел открываться, не хотел, чтобы я узнала что-то такое, из-за чего у меня могут быть неприятности. Ни с ним самим, ни с тем, что он намеревался сделать, меня не связывало ничто, но я уверена: Бен собирался к ним.

Он – не я.

Ответы Эйдена опасны. Но направление выбрано правильно.

Собираю ночные наброски, портреты пропавших. Бен, Феб, Люси. Я не могу вот так просто отвернуться от них. Мир должен знать. И, прежде всего, мне нужно знать, что случилось с Беном.

Эми в кухне, делает домашнее задание. Папа еще не вернулся. Мама готовит суп. Меня она встречает улыбкой.

– Проснулась наконец-то. Вижу, сон тебе только на пользу.

Я тоже улыбаюсь ей. Как раз на сон пришлось не так уж много времени. Но, похоже, с внутренней борьбой покончено, и теперь я точно знаю, что хочу делать. Что нужно делать. Потому, наверно, и выгляжу

отдохнувшей – впервые с тех пор, как познакомилась с Эйденем.

– Думаю прогуляться, – сообщаю я.

Мама смотрит в окно. Солнечно, но с запада наползают тяжелые, темные тучи, и они уже закрывают полнеба.

– Только постарайся не задерживаться.

– Мне с тобой пройти? – спрашивает Эми.

– Нет. Хочу побыть одна.

– Не броди по тропинкам, – напутствует меня мама.

Иду по деревне, прохожу мимо тропинки, на которую всегда сворачивают Эми и Джазз. И по которой столько раз гуляли – нет, бегали – мы с Беном.

В конце деревни минуя ферму. Дальше уже лес. Подумываю о том, чтобы повернуть назад, но тут внимание привлекает какое-то движение.

Поворачиваюсь. Сначала ничего. Скольжу взглядом по полю, деревьям... А вот и она. Сова. Расположилась на заборе. Белоснежная. Сидит высоко и глядит так, словно весь мир принадлежит ей. Но сейчас день, а не ночь, и даже я знаю, что совы – ночные птицы.

Но ей, похоже, никто об этом не сказал.

Как зачарованная, стою и смотрю на нее.

Она смотрит на меня.

Сворачиваю с дороги на едва заметную тропинку, пролегшую между забором и лесом. Подхожу поближе и уже могу рассмотреть ее глаза и перья. А потом она вдруг взлетает. Взмахивает огромными белыми крыльями, становясь похожей на ту металлическую скульптуру, пикирует, снова садится. Теперь уже на ворота в конце поля, метрах в двадцати от прежнего места. И снова смотрит на меня.

Ждет?

Я делаю шаг по тропинке. И еще.

Мы повторяем этот танец снова и снова. Каждый раз, когда я сокращаю расстояние между нами наполовину, сова перелетает дальше, садится и ждет, что я последую за ней.

Так продолжается какое-то время. Мы углубляемся в лес, уходим все дальше, пока я не замечаю, что заблудилась. Следуя за совой, я как-то не обращала внимания, куда несут меня ноги. А между тем ветер усилился, злые черные тучи надвинулись, неся с собой дождь, и уже скрыли солнце. Птица сидит теперь на ветке, причем достаточно высоко, и, когда я подхожу к дереву, уже не взлетает.

– Спасибо, завлекла. И что ты хочешь делать дальше?

Сова смотрит на меня пристально, потом поворачивает голову,

устремляет взгляд мне за спину и, с шумом раскинув крылья, взлетает высоко над деревьями и исчезает из поля зрения.

– Что я хочу с тобой сделать? Ну-ну.

Оборачиваюсь.

Он, Уэйн. Каменщик.

Невероятно. Откуда? Как?

– Вы за мной следили? – спрашиваю я и делаю шаг назад.

– Да. Следил. Ты-то столько раз на меня пялилась, вот и подумал, что надо бы и мне на тебя позырить. – Он улыбается, но улыбка больше напоминает оскал и не трогает глаза.

Он делает шаг ко мне.

Я снова отступаю и поворачиваюсь, чтобы рвануть по тропинке, но спотыкаюсь о горбом высовывающийся из земли корень.

Каменщик быстрее, чем представлялось. Хватает меня, заламывает руку, прижимает к дереву.

– Сегодня тебе никто не поможет, – хрипит он мне в ухо и рвет одежду. Я отбиваюсь. – Дуреха. Давай, не трепыхайся. Сама же хочешь. И не кипятись – отрубишься. Можешь даже... откинуться.

Хватает меня за волосы, тянет к себе.

Мышцы вспоминают. Инстинкт берет верх. Я расслабляюсь и перестаю сопротивляться.

– Так-то. – Он наклоняется, целует меня и протискивает в рот язык. К горлу подступает тошнота. Я слегка поворачиваюсь и с силой бью его коленом между ног.

Что-то как будто... ломается у меня внутри. Почти слышимый хруст... треск... И лучик света пробивается туда, куда раньше никто заглянуть не мог.

Стена.

Каменщик с проклятием падает, но и меня увлекает за собой, не выпуская ни руку, ни волосы.

– Дрянь... паршивка, – рычит он. – Ты за это заплатишь.

Мне так не кажется.

Каменщик на фут выше и примерно вдвое тяжелее. Но мои мышцы, мои ноги и руки знают, что делать.

И я бью.

Длится это недолго.

Я поднимаюсь. Обидчик, тот, кто посмел тронуть меня, лежит неподвижно на земле, орошая кровью землю. Челюсть разбита, кровь сочится из рассечения на затылке. Уж не умер ли?

С опаской подхожу ближе. А вдруг? В любом случае нужно удостовериться. Наклоняюсь. Трогать не хочу, но все же заставляю себя поднести руку к шее, нащупать пульс.

Глаза вдруг открываются, и я отпрыгиваю, но он успевает схватить меня за лодыжку. Из горла рвется крик. Пытаюсь вырвать ногу, отбрыкиваюсь, но его пальцы держат, как тиски. Я снова наклоняюсь, отдираю их один за другим и бегу.

Бегу напрямик, через лес. Ветки хлещут по лицу, ноги цепляются за корни, но я прорываюсь между деревьями и через кусты, а потом они вдруг расступаются – предо мной тропинка. Та самая, да. Та, по которой я шла. Теперь я помню. Моя логическая, аналитическая половина берет под контроль ноги.

«Лево» показывает 6.

Как же так?

Голова гудит, руки трясутся, ноги дрожат.

– Что я натворила? – шепчу я деревьям. – Как такое могло случиться?

«Тсс».

– Кто это сказал?

Оборачиваюсь – никого.

Внутри я полностью спокойна. Там поднимается новая стена, блокирующая «Лево» от моих мыслей и чувств. Крепкая, надежная стена.

– Что я наделала?

Вопросы глохнут, оставаясь без ответа.

«Пусть себе».

Снова оборачиваюсь – и снова никого. Голос звучит у меня в голове. Тот, что всегда там был.

– Кто ты? Ты – Люси?

«Нет! Та сопливая плакса ушла... навсегда. Я... ты. Ты прежняя».

– Чего ты хочешь?

«Хочу, чтобы мы были вместе».

– Нет.

«У тебя нет выбора».

– Нет!

Я падаю на землю.

Чужак внутри меня вытаскивает кирпич. Трещина расширяется, бетон крошится, кирпичи падают. Рушится вся башня.

Калейдоскоп образов потоком врывается в мозг. Сначала медленно, потом быстрее, они проносятся, вертятся. Голова кружится, грозит взорваться, но я ничего не могу поделать. Внутри все переворачивается, и

меня рвет, снова и снова, пока не остается ничего, кроме судорог.

Как такое может быть? Никакой памяти остаться не должно. Что случилось? И что происходит?

Смотрю в темнеющее небо. Под ребрами тяжело колотится сердце. Головокружение понемногу уходит. Воспоминания уже не вызывают – убегают торопливо, прячутся куда попало.

Как такое возможно? И что это значит?

Бледные, голубые, как лед, глаза. Они все знают. Его лицо передо мной. Ангельское, когда он улыбается, если я делаю что должно. А когда нет? Не хочу об этом думать.

Я с шумом выдыхаю, вспомнив его имя. Нико. Под этим именем я знала его тогда, когда он был центром моей жизни. Он контролировал ее: боль, удовольствие, превращение одного в другое. Как любовь и ненависть. Он учил меня, как быть одновременно двумя людьми: трогательной, жалкой Люси и ее альтер эго. Плаксой и воительницей. Люси больше нет, другая осталась. Это Нико бил кирпичом по пальцам Люси, когда та противилась разделению. Но он делал это ради меня, чтобы защитить меня, чтобы обезопасить, если лордеры завладеют моим мозгом. И они завладели им. Меня зачистили. Так что все, что он делал с Люси, в конце концов спасло меня.

Как он нашел меня?

Не как Нико. Он пришел в другой одежде и в новой роли учителя, но с той же улыбкой. Предназначенной только для меня. Не обращая внимания на других девушек в классе, он отыскивал глазами свою особенную. Это его подмигивание... «Ну и ведьма», – сказал он в тот день о миссис Али. Я не вспомнила его тогда, но он все равно остался на моей стороне. Теперь я понимаю, почему он так ужасно говорил о Бене. Он пытался встряхнуть меня, высвободить мои спрятавшиеся воспоминания.

Так или иначе, Нико нашел меня, а потом сам или с помощью друга-террориста отправил в больницу мисс Ферн, чтобы занять ее место в школе. Он многим рисковал, и только по одной причине.

Быть в мире Кайлы. В моем мире. Но почему?

Что ему нужно от меня?

Вопрос едва оформился, а перед глазами уже проносятся второпях картины. Одна за другой, быстрее и быстрее. Смерть и инструменты смерти: взрывчатые вещества, огнестрельное оружие, зажигательные бомбы, клинки. Нико учил меня многочисленным способам оборвать чужую жизнь. Даже голыми руками.

Нет!

«Да. Спроси хоть Уэйна».

Я вскакиваю и бегу через лес, подальше от тела Уэйна, в сторону дороги. НЕТ НЕТ НЕТ – кричит мой мозг и отстукивают ноги. Не хочу! Не могу. Я теперь не та. Я больше не та.

«А как же Бен?»

Бен. Я сбиваюсь с шага. Смотрю на «Лево», так похожий на тот, который мы срезали с него, возможно забрав при этом его жизнь. 6.2? Я поворачиваю браслет на запястье. Это должно отозваться болью. После всего сделанного сегодня я должна была уже умереть, убить собственный мозг этой штукой, которая управляет моей жизнью с тех пор, как меня зачистили. Браслет все еще на руке, но его блокируют новые барьеры у меня в голове.

Бен пытался избавиться от своего «Лево», чтобы стать другим. Сделать что-то.

А у меня получилось. Я от своего освободилась.

По рукам бегут мурашки.

Я прислоняюсь к дереву и закрываю глаза. Вижу его глаза – карие, теплые. Он заботился и беспокоился обо мне, кем бы или чем бы я ни была когда-то. Как бы он относился ко мне, если бы знал правду?

Не могу поверить, что его больше нет, что он ушел навсегда. Бен – не металлическая сова.

Я НЕ ЖЕЛАЮ в это верить.

Нико может себе думать что хочет, но его ждет сюрприз. Ему придется заплатить. Он поможет мне найти Бена, а иначе я ничего для него не сделаю. Шепчу обещание деревьям и ветру, дождю, полившемуся с неба, сове, приведшей меня сюда.

– Бен, я найду тебя.